

Б-499319/2

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

М. М. Кульшарипов

Политика царизма в Башкортостане

1775–1800 гг.

Б-199319/₂

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.М. Кульшарипов

**ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА
В БАШКОРТОСТАНЕ
(1775-1800 гг.)**

К

УФА
РИО БашГУ
2003

9(с17)(Башк) + 9(с17)

УДК 94 (470.57)
ББК 63.3 (2 Рос.Баш.)
К90

Рецензенты:

доктор политологических наук, профессор,
директор ИИЯиЛ УНЦ РАН И.Г. Илишев (г.Уфа);
кафедра истории и экономической теории Башкирского
государственного педагогического университета

Кульшарипов М.М.

К90 Политика царизма в Башкортостане (1775-1800 гг.). — Уфа:
РиО БашГУ, 2003. — 152 с.
ISBN 5-7477-0901-1

В книге показаны особенности политики царизма в Башкортостане в последней четверти XVIII в. В ней освещается, с широким использованием архивных документов, политика царизма по управлению краем, по аграрным и религиозным вопросам и другим ее аспектам. В исследовании рассматривается социально-экономическое, демографическое положение края в указанный период.

Книга рассчитана на историков, а также всех лиц, интересующихся историей Башкортостана.

УДК 94 (470.57)
ББК 63.3 (2 Рос.Баш.)

ISBN 5-7477-0901-1

© Кульшарипов М.М., 2003 г.
© БашГУ, 2003 г.

6-199345
Научная
библиотека
УНЦ РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.	
§ 1. Население края	21
§ 2. Состояние хозяйственного развития башкирского общества и края в целом.....	25
§ 3. Социальные отношения в башкирском обществе....	40
Глава II. ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ КРАЕМ	
§ 1. Организация управления башкирским населением до перехода к кантонной системе управления.....	57
§ 2. Политика царизма в крае по религиозным вопросам. Открытие мусульманского духовного соборания.....	74
§ 3. Повинности башкир. Постепенный перевод башкир в военное-служилое сословие.....	83
§ 4. Борьба башкир против социального и колониального гнёта	94
Глава III. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БАШКОРТОСТАНЕ	
§ 1. Земельные отношения между башкирами и припущенниками в свете политики царизма	107
§ 2. Вопросы продажи башкирских земель и политика царизма.....	119
§ 3. Начало Генерального межевания в Башкортостане....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	142
БИБЛИОГРАФИЯ.....	146

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных проблем применительно к истории Российской империи является вопрос о политике русского царизма в отношении нерусских народов, в данном случае – башкирского. Будучи в целом угнетательской, узко социально направленной, политика эта в какой-то мере разнообразилась по форме и содержанию в зависимости от общественно-политических и социально-экономических условий того или иного этапа исторического развития. Одним из таких этапов является последняя четверть XVIII в. – период, наступивший после подавления Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева и последнего из выступлений башкирского народа во главе с Сатаватом Юлаевым.

Последняя четверть XVIII в. отмечена в истории Башкортостана рядом значительных событий, которые сыграли в дальнейшем значительную роль в экономической, социальной и общественно-политической жизни не только башкирского народа, но и всего края. Царское правительство после подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг. решило укрепить свои пошатнувшиеся позиции в Башкортостане, чтобы не допустить в будущем открытых вооруженных выступлений башкирского народа. С этой целью царизм провёл ряд мероприятий, которые были направлены на установление военно-феодального режима в Башкортостане. Эти мероприятия, а именно проведение губернских реформ, открытие Мусульманского духовного собрания, переход к кантонной системе управления, начало Генерального межевания, ряд земельных узаконений предусматривали не только “умиротворение” башкир и других народов Башкортостана, но и создание плацдарма для дальнейшего продвижения царской России в казахские степи и Среднюю Азию. Башкирский край, расположенный на стыке Европы и Азии, действительно представлял собой более чем удобную позицию для завязывания экономических и политических связей с Востоком, для расширения границ империи в восточном направлении.

Башкортостан, богатый плодородными землями, девственными лесами, полезными ископаемыми, несомненно, рассматривался царизмом как источник обогащения, и тем самым здесь переплетались как экономические, так и стратегические интересы Российской империи. Именно по этой причине царское правительство стремилось основательно укрепиться в Башкортостане, решив “башкирскую проблему”, которая беспокоила его в течение всего XVIII в.

Политика царизма в Башкортостане в целом служила интересам правящей верхушки империи. Как известно, колониальная политика является реакционной. Достаточно отметить, что колониализм в современном международном праве признан международным

преступлением¹. Эта черта обнаруживается не только в целях, которые преследует колониальная политика, но отражается также в средствах и методах достижения этих целей. Однако при освещении этой проблемы требуется объективный анализ всех её аспектов, учитывая особенности той политики, которую царская Россия проводила в своих колониальных окраинах, в отличие от колониальной политики западных держав в отношении своих заморских колоний. Показывая негативные стороны политики царизма, необходимо иметь в виду и её некоторые объективно позитивные последствия, способствующие развитию экономики края. Ибо односторонний подход лишил бы возможности показать правдивую картину событий по исследуемой теме. В целом вопрос о политике царизма в Башкортостане XVIII в. является довольно сложным и представляет, безусловно, большой научно-практический интерес. К тому же политика царизма в Башкортостане в последней четверти XVIII в. крайне слабо освещена в исторической литературе. Исходя из этого, можно сказать, что данная проблема заслуживает более глубокого изучения.

Хронологические рамки работы охватывают в основном, последнюю четверть XVIII в. Но некоторые аспекты, исследования рассматриваются на протяжении более длительного периода. Такой подход был продиктован специфичностью этих вопросов. Например, освещение земельной политики царизма в крае потребовало некоторого расширения хронологических рамок темы.

Данная книга посвящена в основном исследованию политики царизма в отношении башкирского населения края. Положение других народов, населяющих Башкортостан, история колонизации ими Южного Урала, их взаимоотношения с башкирами в книге рассматриваются лишь постольку, поскольку это необходимо для наиболее полного раскрытия исследуемой проблемы.

Вопрос о колониальной политике царизма в Башкортостане в указанный период, как уже было сказано выше, является мало изученным. Лишь в обобщающих работах по истории края те или иные аспекты политики царизма нашли своё отражение. В XIX в. появляются довольно интересные исследования, содержащие некоторый фактический материал о крае². В них значительное место уделяется истории башкирского народа. В этот же период увидели свет труды, оправдывавшие колониальную политику царизма на Востоке вообще, и в Башкортостане в частности³.

Для большинства этих трудов характерно субъективно-идеализированное понимание исторического процесса, их авторы, как правило, придерживаясь официальной идеологии, занимались откровенной апологией великодержавно-колонизаторской политики царизма.

Наиболее показательными в этом плане являются взгляды М.А. Миропиева, яркого сторонника русификаторской политики царизма. «Наша

священная обязанность.- заявляет он.- обязанность величайшей государственной важности состоит в том, чтобы... мы подчиняли своему влиянию иноземцев и вели твердо и прочно дело обрусения их. В этом заключается наша великая историческая миссионерская задача, наша нравственная обязанность, наше собственное государственное благо и лучший удел инородцев, которыми мы владеем"⁴.

Некоторые дореволюционные исследователи писали о "благодетельной", "цивилизаторской" деятельности царизма в национальных окраинах. В частности, видный русский ориенталист В.В. Григорьев в своей опубликованной речи "Об отношении России к Востоку" писал так: "Не знаю, может ли быть на земле высшее, благороднейшее призвание для народа, для государства, как призвание России в отношении к племенам Азии – сохранить их, устроить и просветить". "Мы призваны устроить эти народы, - продолжает он, - научив грубых детей лесов и пустынь признавать власть закона, ценить гражданственность выше приманок своевольной свободы... Мы призваны просветить религиею и наукою эти племена..."⁵.

Иной точки зрения придерживался В. Ефремов, указывая в своей работе "Из истории Уфимского края" на то, что носителем всего передового была не правящая верхушка России, а русский народ. "Русскому народу, - писал он, - в этом крае определено было судьбою выступить в качестве народа-цивилизатора, привить начала гражданственности и культуры дикому туземному населению и повести инородческие элементы по пути прогресса". Но, в конечном счете, и он выступал с позиций великодержавного шовинизма в отношении "инородцев", считая их дикими⁶.

Сторонником подхода к народам колониальных окраин с позиции силы был генерал-лейтенант М.А.Терентьев – сам активный участник и проводник политики царизма на Востоке. Он защищал принцип самого жесткого отношения к "инородцам", самым циничным образом оправдывал традиционный метод колониализма "разделяй и властвуй". Ссылаясь на взаимную вражду казахов и башкир, которую спровоцировали и всячески подогревали царские чиновники, М.А.Терентьев писал: "Этим путем мы достигли двух целей: руками башкир мы значительно ослабили киргизов и отшатнули их подальше от линии, а руками киргизов окончательно смирили башкир, которые с этих пор живут тише воды, ниже травы. Политика наша в этом случае была совершенно основательна"⁷. Терентьев проявлял явное недовольство некоторыми мерами, принятыми Екатериной II в отношении башкирского народа, считая их слишком мирными и кроткими. "Все мероприятия Екатерины II, клонившиеся к обузданию дикой вольности посредством введения гражданского устройства и оседлости мирным путем, путем смягчения нравов, образованием и

крайней веротерпимостью. - считает он. - ...не оправдали, однако же, надежду в той мере, как это предполагалось... Только сила и все, а с водворением спокойствия можно было рассчитывать и на действия, предначертанные Екатериной II⁸.

Дореволюционные историки, придерживаясь официальной идеологии, по-разному подходили к оценке деятельности царских чиновников на окраинах. Одни из них, например, В.А.Новиков, умалывая теньевые стороны их действий по управлению краем, всячески превозносили дворянское сословие, которое якобы не жалело сил и энергии в деле подъема благосостояния края: "...Дворяне, - писал он,- явились ревностными исполнителями мер правительства к развитию благоустройства и благосостояния края"⁹. Впрочем, некоторые историки, в частности уже упомянутый В.В.Григорьев, не скрывали наличия злоупотреблений и произвола со стороны местной администрации, но они считали, что правительство якобы не знало об этих злоупотреблениях, и что центральная власть всегда стремилась защитить башкир от произвола местной бюрократии. "Правительство наше,- пишет Григорьев,- немедленно принимало меры к искоренению злоупотреблений, только что узнавало об них....Так, пользуясь невежеством башкир, разные спекулянты покупали у них за дешевую цену принадлежащие им земли, богатые рудами и плодородием почвы, лишали, таким образом, бедный народ выгод, предоставленных ему самою судьбою, и доводили до возмущения. Правительство уничтожило законность таких приобретений, и, отобрав земли, возвратило их прежним владельцам"¹⁰. С точки зрения В.В.Григорьева земля башкир постоянно и ревниво оберегалась правительством, что, конечно, не соответствует действительности.

Для большинства дореволюционных историков вообще характерна идеализация действий правящей верхушки России во главе с царём. Причину всех злоупотреблений, допускаемых на местах, они видели только в недобропорядочности тех или иных лиц, занимающих административные и другие должности. По их трактовке выходило, что башкирский народ сам является виновником своего бедственного положения. Такая оценка была результатом недооценки социальной сущности самодержавия. Они считали самодержавие некой надстройкой, призванной защищать интересы всех подданных империи. Большинство дворянских и буржуазных историков игнорировало то, что источником всех зол является феодально-крепостнический режим, на защите которого стояло царское самодержавие. На деле широкая экспроприация башкирских земель проводилась при скрытой поддержке правящих кругов, которые всегда ставили на первый план интересы русских помещиков и дворян. Притом царское правительство стремилось ослабить остроту земельного вопроса в центральных губерниях за счет башкирских земель. Царизм всегда

потворствовал колонизаторскому натиску русских дворян и помещиков, особенно возросшему в последней четверти XVIII в. Дореволюционные историки зачастую обходили данное обстоятельство, пытаясь при этом вменить самим башкирам в вину нарастающее разграбление их земель. Например, В.А.Новиков пытался объяснить обезземеливание башкир их невежеством и беззаботностью¹¹. На самом же деле безвыходность положения, в которое был поставлен башкир-общинник политикой правительства, и притеснения своих и чужих феодалов, вынуждали его к продаже или отдаче своих земель в аренду.

В то же время дореволюционные исследователи в основном верно охарактеризовали некоторые стороны политики царизма в Башкортостане. Так, В.Филоненко представил реальную картину земельных захватов в конце XVIII в. со всеми их последствиями. «С башкирами предприниматели-поселенцы не стеснялись. Одни захватывали земли как на незаконных, так, якобы и на законных основаниях: другие покупали их... Можно сказать, что через всю историю Башкирии красной нитью проходят земельные неурядицы. Они-то и были отчасти причиной бедственного экономического положения башкир, и их восстаний, продолжавшихся более 200 лет»¹². В данном случае В.Филоненко верно подметил сложность земельного вопроса в Башкортостане, который особенно обострился в конце XVIII в.

В последней четверти XVIII века в Башкортостане произошли существенные изменения в управлении краем, связанные с проведением губернской реформы, открытием Мусульманского духовного собрания в Уфе и введением кантонной системы управления. Эти явления также нашли своё отражение в трудах дореволюционных историков. Однако выделенные вопросы освещались с субъективных позиций, без анализа социально-экономических сдвигов, происшедших в крае к тому времени. Но некоторые авторы в целом правильно уловили политическую суть этих преобразований. Так, Н.Чернавский, известный церковный историк, в работе «Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем» писал: «...здесь создан прочный оплот против вторжения в Россию диких орд азиатских кочевников, не раз громивших и опустошавших Россию в начальной истории нашего государства; здесь завязаны впервые важные торговые сношения с среднеазиатскими ханствами...отсюда, наконец, после упрочения русского могущества сделано дальнейшее агрессивное движение России вглубь Азии, следовавшее уже во второй половине XIX века...»¹³.

Чернавский правильно подметил, что все мероприятия правительства, направленные на укрепление своих позиций в Башкортостане, есть в определённой мере подготовка военно-экономических основ для дальнейшего продвижения на Восток.

Более выгодно от других публикаций по данному вопросу отличается работа В.Ефремова, преподавателя Уфимской мужской гимназии, «Из истории Уфимского края (Уфимский край во второй половине XVIII в.)», где он все эти изменения в области управления краем связывает с социально-экономическими сдвигами в Башкортостане, происшедшими к концу XVIII века. В этой связи он подчеркивал, что «Реформы по управлению Уфимским краем, являясь конечным результатом, к которому привело историческое развитие, вместе с тем выявляют и самую сущность совершившейся в жизни края эволюции». Далее он считает, что «...факт распространения общерусских административных и сословных учреждений Екатерининской эпохи красноречиво свидетельствует, что Уфимская провинция стала теперь уже внутренней областью государства»¹⁴. Однако в перечисленных работах вопросы управления башкирским населением не нашли должного отражения. Описание административных реформ конца XVIII в. в них носило довольно поверхностный характер. Авторы часто ограничивались лишь простым изложением отдельных фактов, без какого-либо их критического анализа.

В дореволюционной историографии особое место занимал вопрос о христианизации нерусских народов, служившей одним из методов русификации, а также о политике правительства в отношении мусульманской религии, например об открытии Мусульманского духовного собрания. Это мероприятие Екатерины II получило разноречивое толкование у дореволюционных историков, занимавшихся историей православной и мусульманской религий. Одни, враждебно относясь к мусульманской религии и её духовенству, как явному противнику христианизации местного населения, осуждали Екатерину II, обвиняя ее в либерализме и веротерпимости. Например, Н.Чернавский, в какой-то мере признавая недовольство «иностранцев» миссионерской деятельностью православного духовенства, вместе с тем главную причину открытия Духовного собрания сводит к веротерпимости и невмешательству в религиозные дела иноверцев со стороны правительства при «либеральном» царствовании Екатерины II¹⁵. Он с негодованием писал о разных мерах правительства, направленных на учреждение мусульманских организаций, которые дали, по мнению Чернавского, «особую силу магометанам»¹⁶. Эти взгляды Н.Чернавского были подвергнуты критике уже тогда А.И.Добросмысловым, видным исследователем истории Оренбургского края. Он видит в указанных мероприятиях Екатерины II организацию надзора «за духовными делами магометан» и считает, что этим «...только оградили себя от влияния неблагонадежного магометанского духовенства на население и стали ставить на должности вероучителей таких лиц, которые в наших глазах кажутся достаточно

благонадёжными политически и могут нести довольно сложную отчетность – как духовенство других религий»¹⁷.

Другие исследователи, недоброжелательно отзываясь об означенных действиях правительства, сделали попытку по-своему объяснить причины и цели открытия Духовного собрания мусульман и других правительственных мер в отношении ислама, хотя они далеки от всестороннего анализа этих явлений. Так, например, С.Г.Рыбаков считает, что учреждение Оренбургского мусульманского духовного собрания и Таврического духовного управления (1784 г.) было вызвано политическими соображениями, связанными с присоединением Крыма к России – дабы не оттолкнуть мусульманское население Крыма на основе религиозной неприязни¹⁸.

Известный востоковед Е.Малов тоже проявляет недовольство политикой царского правительства, разрешившей мусульманам строить мечети, допустившей образование Мусульманского духовного собрания и т.д. «Вообще настала крайняя необходимость, - писал он, - пересмотреть и изменить законоположение, относящееся до мечетей и магометанского духовенства вообще, чтобы эти законоположения не усиливали, а, по возможности ослабили враждебное для христианства магометанство»¹⁹.

Хотя некоторые авторы верно подметили политическую суть открытия Мусульманского духовного собрания, но не сумели в полной мере вскрыть причины, которые побудили царское правительство пойти на этот шаг. Также в трудах дореволюционных историков недостаточно или вовсе не освещены вопросы, связанные с христианизацией нерусских народов Башкортостана. Их взгляды на роль мусульманской религии в жизни народов Башкортостана ограничиваются лишь открыто враждебным отношением к исламу как к религии, противостоящей господствующему в России вероисповеданию. Православие, по их мнению, несло «инородцам» передовую культуру и просвещение, в отличие от ислама.

Подводя итоги всему сказанному по дореволюционной историографии о политике царизма в Башкортостане в последней четверти XVIII века, нужно подчеркнуть, что наряду с апологетами политики самодержавия в исторической литературе стали появляться другие взгляды, высказанные передовыми представителями русского общества, которые были хорошо знакомы с общим состоянием дел в Башкортостане. Критическую оценку политики русского царизма в отношении башкирского народа давал Д.П.Никольский. Указывая на насильственные методы действий царской администрации в Башкортостане, он писал: «... при таких способах управления не могло быть и речи о цивилизирующем влиянии победителей на башкирский народ»²⁰. Пермский историк Н.Л.Скалозубов, характеризуя бедственное положение башкирских масс, отмечал отсутствие со стороны царской администрации всякой заботы о

подъёме экономической и культурной жизни башкирского населения. «Этот народ, - пишет он, - в прохождении своей жизни встречает с одной стороны хищнический натиск со стороны любителей наживы, с другой — полное равнодушие к своим судьбам»²¹. В.Н.Филоненко также отрицательно оценивает колонизаторскую политику царизма вообще, и кантонную систему управления в частности. Кантонный период управления он называет «мрачной эпохой в истории края»²².

Однако большинство дореволюционных историков всячески оправдывало мероприятия правительства, изображая их как благотворительную деятельность в отношении башкирского народа.

После октября 1917г. наступает новый этап в изучении истории Башкортостана, в том числе проблемы политики царизма в отношении национальных окраин. Следует подчеркнуть, что советская историография, исходя из марксистско-ленинской методологии, сугубо отрицательно подходила к изучению не только вопроса политики царизма в отношении нерусских народов, но и в целом истории, связанной с самодержавным прошлым. Историки были обязаны в своих трудах разоблачать «кровавое прошлое» и изображать царскую Россию как «тюрьму народов». Хотя подобная установка перестала действовать в конце 40-х — начале 50-х гг. XXв., когда из-за конъюнктурных соображений некоторые историки стали идеализировать нахождение нерусских народов в составе Российской империи и всякую борьбу с колониальной политикой объявили реакционной, феодальной.

Первые работы, вышедшие ещё в 20-х годах (журналы «Башкирский сборник», «Башкорт Аймагы»), носили недостаточно высокий методологический уровень и в них слабо были использованы архивные материалы. Но, тем не менее, уже в довоенные годы была проделана значительная работа по изучению важнейших узловых вопросов социально-экономического, политического и культурного развития башкирского народа. Громадное значение в этом деле имели сбор и публикация документов и материалов по истории Башкортостана. В 1936 г. вышла первая часть «Материалов по истории Башкирской АССР» (под редакцией и со вступительной статьёй А.П.Чулошникова)²³. А в 1960 г. — пятый том «Материалов по истории Башкирии», где сосредоточены документы, связанные с историей Башкортостана в последней четверти XVIII в.

Более всего советскими историками изучена история башкирских восстаний, но колониальная политика царизма, включая последнюю четверть XVIII в., пока ещё остаётся мало изученной.

В 1921 году вышла работа С.Ф.Ташкина²⁴, содержащая богатый фактический материал по истории Башкортостана. Хотя он свою работу и не довел до конца XVIII века, но тем не менее, его анализ выступлений

башкирских депутатов в Екатерининской Уложенной комиссии очень ценен для понимания истории башкирского народа во второй половине XVIII века. Выводы автора об усилении колонизации Башкортостана в этот период не вызывают возражения. Он пишет, что «...край этот сделался в это время ареной необычных передвижений и такой же ломки старых, издавна укоренившихся отношений». Автор верно подчеркивает, что «в этой ломке особенно туго пришлось аборигенам края»²⁵. С.Ф.Ташкин также ярко показал, как на деле осуществляется политика царизма «разделяй и властвуй» среди народов Башкортостана: «...в то время, - пишет он, - как башкиры боролись с пришлой властью, переселенцы из инородцев, подстрекаемые обещаниями башкирских земель, в этой борьбе чаще становились на сторону царских властей»²⁶.

Совершенно верно подметил автор, что правительство, не доверяя башкирам, часто назначало на различные должности по местному управлению показавших себя верными слугами царя выходцев из числа татарских феодалов. «Из татарского народа, - пишет он, - назначались писари к башкирским старшинам. Обстоятельство это влекло за собой ... долю огорчений для башкирского народа, как материального, так и морального характера. Материальная сторона заключалась в необходимости платежа писарям ежегодно в виде жалования 12 рублей, что, по словам башкир Уфимской провинции, приводило их народ "в огорчение", моральная сторона сводилась к наличию и в этом деле опеки со стороны администрации, так как лиц, достаточно подготовленных для занятия должностей писарей, много было в среде и самих башкир»²⁷. С.Ф.Ташкин в основном верно подметил сложность национальных отношений, которые сложились в Башкортостане в условиях господства царизма.

В 1930 г. вышел обобщающий труд Ш.Типеева – «Очерки по истории Башкирии». Но история Башкортостана XVIII века здесь освещена довольно бегло, без достаточной документальной базы, лишь на основе имеющейся дореволюционной литературы. Определённый интерес представляет то, что Ш.Типеев показал причины ослабления борьбы народных масс против колониальной политики царизма в Башкортостане после подавления восстания Пугачева. Он их видит, во-первых, в ослаблении сил башкир, в результате предшествовавшей упорной борьбы; во-вторых, в размежевании башкирских земель, что вело к разъединению общих интересов башкир, связанных с общностью земли; в-третьих, он делает упор на политику царизма, направленную на разъединение и создание антагонизма между пришлым населением и башкирами. «Этими мероприятиями, - заявляет автор, - царскому правительству действительно удалось ослабить грозную силу башкир, перед которой много раз трепетали царские колонизаторы»²⁸. Ш.Типеев отмечает дальнейший рост

колонизации края и хищнической эксплуатации народных масс. Отрицательно отнёсся он к введению кантонной системы управления, увидев в ней причину упадка хозяйства башкир²⁹.

Интересна попытка М.Никитина в статье «Основные моменты колонизации Башкирии» показать основные направления колонизации края и роль царизма в этом деле³⁰.

На некоторые стороны колониальной политики царизма в Башкортостане обратил своё внимание А.Ф.Рязанов в работе «Оренбургский край. Исторический очерк», усмотрев в реформах Екатерины II, проведённых в последней четверти XVIII в., попытку «предупредить в будущем возникновение "замешательств", подобных пугачевскому восстанию»³¹.

В 50-х годах наблюдается дальнейший рост изучения истории Башкортостана, где определённое место занимали вопросы политики царизма в крае. Вышла из печати первая часть «Очерков по истории Башкирской АССР», появились интересные работы по башкирским восстаниям. В «Очерках по истории Башкирской АССР» впервые на основе широкого привлечения архивных материалов была дана общая картина социально-экономического положения края в последней четверти XVIII века и показаны мероприятия царизма по управлению краем. В целом появление «Очерков» было отрядным явлением в деле изучения истории башкирского народа.

Заслуживает внимания статья Н.Ф.Демидовой «Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII века», где автор сделала попытку показать общую линию политики царизма по управлению краем на протяжении всего XVIII века. Однако некоторые положения, выдвинутые Н.Ф.Демидовой, вызывают возражения. Она считает, что причиной долгого сохранения в Башкортостане особой системы управления и ряда привилегий местного населения было несовпадение уровня социально-экономического развития края и центральных районах страны. Это несовпадение, по мнению автора, послужило препятствием для полного включения Башкортостана в состав Русского государства и распространения на неё русской системы управления, как это имело место в ряде других национальных районов³². Сохранение особой системы управления Башкортостаном, вотчинное право башкир скорее всего были связаны с условиями добровольного подданства башкир, с башкирскими восстаниями.

Однако в работах, вышедших в 50-х годах, недостаточно объективно и правдиво оценивалась политика царской России в отношении нерусских народов империи. Сказывались отрицательные последствия культа личности, когда в исторической науке довольно долгое время

«господствовали субъективизм и произвол в оценке исторических событий...»³³.

Интересно отметить, что в ходе работы Всесоюзного совещания историков в декабре 1962 г. академик Б.Н.Пономарев подчеркнул, что, изучая опыт национальных движений в России, «... необходимо последовательно вскрывать колонизаторскую реакционную политику царизма ...»³⁴. Участники совещания отмечали ошибки некоторых исследователей в оценке национально-колониальной политики царизма. Например, С.М.Дубровский заявил, что «ленинское представление о России как «тюрьме народов» почти исчезло из нашей литературы, особенно в последний период культа личности. Даже стали приукрашивать российский военно-феодальный, а также капиталистический империализм. В общем итоге пропало коренное отличие между грабительской, колонизаторской политикой царского правительства и политикой дружбы народов СССР»³⁵.

История колониальной политики царизма в XVIII в. нашла свое отражение в статье Н.Г.Аполловой «К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII веке»³⁶. В ней автор доказала зависимость различных форм колониальной политики от задач, которые выдвигались царизмом на определенных этапах истории абсолютной монархии, и от исторических условий, в которых протекала жизнь населения национальных районов России, в том числе и Башкортостана.

Вопросы колониальной политики царизма в Башкортостане в конце XVIII века нашли широкое отражение в трудах местных историков, посвященных участию башкир в Отечественной войне 1812 года. В этих работах показаны мероприятия правительства по превращению башкир и мишарей в военное сословие. К их числу можно отнести книгу А.Н.Усманова «Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года», (Уфа, 1964) и довольно содержательную работу оренбургского историка П.Е. Матвиевского «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки» (Оренбург, 1962).

Большим вкладом в дело изучения истории Башкортостана в целом и политики царизма в частности в последней четверти XVIII века, был выход V тома «Материалов по истории Башкирской АССР», составленный Н.Ф.Демидовой, под редакцией С.М.Васильева (М., 1960). Здесь имеется ценная статья С.М.Васильева «Башкирия в последней четверти XVIII века», где автор, на основе анализа архивных материалов показал, хотя и очень сжато, некоторые моменты колониальной политики царизма в указанный период.

Политика царизма в Башкортостане, её некоторые аспекты, нашли своё критическое отражение в выпущенных в последнее время трудах наших башкирских историков. Достойны внимания в этом плане работы

И.Г.Акманова, А.З.Асфандиярова, С.Н.Нигматуллина, З.И.Сираева, Б.Х.Юлдашбаева, А.И.Акманова, Н.М.Кулбахтина и других³⁷. Особо следует выделить книгу А.И.Акманова, посвященную земельной политике царизма со второй половины XVI до начала XX века. В ней дан глубокий анализ законодательных актов по земельному вопросу и прослежено претворение их в жизнь. Отдельная глава монографии посвящена Генеральному межеванию в Оренбургской губернии, которое началось в 1798 г. По мнению автора, Оренбургская межевая контора завершила свою работу только в 1842 году³⁸.

Таким образом, нашими историками проделана определённая работа по выявлению различных аспектов политики царизма в Башкортостане в последней четверти XVIII века. Но, тем не менее, специальных работ, посвященных политике царской России в крае в целом, в последней четверти XVIII века в частности, до сих пор нет и восполнение этого пробела, несомненно, явится определенным вкладом в дело изучения дореволюционной истории башкирского народа.

Для написания данной работы были использованы опубликованные и не опубликованные документы. Основной источниковедческой базой служили архивные источники, хранящиеся как в центральных, так и местных архивах. Наибольший круг материалов был почерпнут из Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА), где автором было изучено 13 фондов. Богатый материал по социально-экономической истории края в последней четверти XVIII века был извлечен из фонда Экономических примечаний к генеральному межеванию (ф. 1355). Ценные данные об управлении краем, об открытии Мусульманского духовного собрания, а также донесения генерал-губернаторов об общем состоянии края содержатся в фонде Канцелярии генерал-прокурора (ф.248), 16 разряда государственного Архива (ф.16). Документы Генерального межевания земель Башкортостана можно найти в фонде межевой конторы (ф. 1324). Много сведений можно извлечь об управлении башкирским народом после подавления Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева из фонда Паниных (личные фонды). Остальные фонды РГАДА, изученные автором, также дают ряд интересных материалов, касающихся различных аспектов политики царизма в Башкортостане.

Определённое количество документов, связанных с несением башкирами и мишарями линейной службы, имеются в фонде ВУА (Военно-учетного архива) Российского Государственного Военно-исторического Архива г. Москвы (РГВИА). Там же нами был изучен фонд 26, где находятся донесения генерал-губернаторов о состоянии «вверенной им губернии».

Довольно большое количество материалов и документов было взято из Российского Государственного Исторического Архива Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Земельная политика царизма в Башкортостане прослежена главным образом на основе источников, извлеченных из фонда Межевого департамента Сената (ф. 1350). Разнообразный материал по истории края, как, например, жалобы населения, сведения об общем социально-экономическом и политическом состоянии Оренбургской губернии можно найти в фонде Сенаторской Ревизии (ф. 1537), где собраны документы о проведении там ревизии в 1800 году. Всего в РГИА автором изучено 7 фондов, где было найдено много сведений разнообразного характера об истории Башкортостана.

Также нами просмотрен фонд Воронцовых (ф. 36), находящийся в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории Академии Наук России (СПб.ОИИ). В этом фонде имеется ряд источников, дающих сведения о численности населения Башкортостана в 70-х гг. XVIII в. и другие данные.

Интересный материал о повинностях башкир, о численности башкирских старшин нами обнаружен в Архиве Пушкинского дома Санкт-Петербурга (ф. 596, коллекция А.Н.Островского, личные дела Уфимского воеводы И.В.Татарина).

Более 7 фондов было изучено в Государственном Архиве Оренбургской области (ГАОО). Материалы об управлении башкирским населением до открытия Уфимского наместничества, сведения о повинностях башкир, а также о классовой борьбе в крае были извлечены автором именно оттуда. Особенно много документов такого характера имеет фонд Оренбургской губернской канцелярии (ф.3), фонд Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (ф.6), фонд Канцелярии Симбирского и Уфимского генерал-губернатора (ф.4).

Также в работе были использованы материалы, извлеченные из Центрального Государственного Исторического Архива Республики Башкортостан.

Ряд документов (ЦГИА РБ) о политике царизма в отношении мусульманской религии и духовенства в Башкортостане был взят из фонда Оренбургского военного губернатора (ф.2) и фонда Уфимского наместнического правления (ф. 348). Следует отметить что документов, относящихся к изучаемой нами теме, в ЦГИА РБ сравнительно мало. Это объясняется тем, что значительная часть материалов, хранящихся там, была передана Российскому Государственному Архиву Древних Актов. Ознакомление с фондами этого архива показало, что они в основном повторяют сведения, полученные автором в других архивах.

Итак, в диссертации использованы материалы разных архивов. По многим вопросам исследуемой темы в нашем распоряжении находились

19. Мисюк Л. О заповедных землях в России. Природа. 1905. № 1-1905. 2

различные по своему происхождению документы, позволяющие выяснить достоверность тех или иных исторических фактов.

Из опубликованных источников особенно много сведений можно почерпнуть из первого издания «Полного Собрания Законов Российской империи» (ПСЗ РИ), содержащего официальные узаконения, относящиеся к управлению Башкортостаном. Естественно, изучение политики царизма без этих сведений было бы невозможным. Указы, собранные там, носят самый разнообразный характер: о губернских реформах, о повинностях и налогах населения края и другие материалы, касающиеся непосредственно истории башкир. Там же опубликован ряд законов относительно башкирских земель.

Большой фактический материал извлечен из пятого тома «Материалов по истории Башкирской АССР». обстоятельный анализ собранных материалов, относящихся к последней четверти XVIII века, дан в археографическом введении сборника. Поэтому нет необходимости излагать повторно характер этих документов. Однако следует сказать, что в «Материалах» собрано очень много сведений о земельных сделках населения края однотипного характера. А документы, касающиеся социальных отношений и классовой борьбы, а также управления краем и повинностей населения, представлены слабо.

В нашей работе частично были использованы документы, опубликованные в «Материалах по истории Казахской АССР» (1785-1828 гг.) (М.:Л., 1940.-Т.4). Ряд интересных источников извлечен из «Трудов Оренбургской Ученной архивной Комиссии», из дореволюционных исторических журналов, а именно из «Русского архива», из «Сборника императорского русского исторического общества» и т.д.

Таким образом, весь комплекс архивных материалов и опубликованных источников позволили написать данную книгу. Большой круг архивных документов, использованный нами при рассмотрении повинностей башкир и мишарей, открытия Мусульманского духовного собрания и земельной политике царизма в крае вводится в научный оборот впервые. Следует отметить, что в архивах сохранилось мало источников по некоторым вопросам темы. Такой недостаток ощущался, например, при освещении социальных отношений в башкирском обществе. Очень ценными сведениями могли бы быть разные дела и бумаги башкирских старшин. Однако обнаружить их как в центральных, так и в местных архивах не удалось. По-видимому, это объясняется тем, что деловые бумаги, исходящие от башкирских старшин, писались на языке тюрки на основе арабской графики.

Научная
библиотека
УНЦ РАН

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.:Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь. -М.,2001. - С.164.
2. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. - Уфа, 1859; Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. - Уфа, 1879; Витевский В.И. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Историческая монография. Вып. I-V. Казань, 1889-1897; Скалозубов Н.Л. Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. - Пермь, 1893; Филоненко В. Башкиры. - Уфа, 1915.
3. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку. - Одесса, 1840; Его же. Россия и Восток. - СПб., 1876; Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. - СПб.,1905; Миропиев М.А. О положении русских инородцев. - СПб., 1901.
4. Миропиев М.А. О положении русских инородцев. - СПб., 1901. - С.217.
5. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку.- Одесса, 1840.- С.7; Его же. Россия и Восток.- СПб., 1876.- С.575.
6. Ефремов В. Из истории Уфимского края (Уфимский край в конце XVI и в XVIIв.)// Вестник Оренбургского учебного округа.- Уфа, 1913. №1.- С.2.
7. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.1.- СПб.,1906.- С.60.
8. Там же.- С.92.
9. Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства.- Уфа, 1879.- С.68.
10. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку.- Одесса, 1840.- С.15;
11. Новиков В.А. Указ.соч.- С.46.
12. Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915.- С.47.
13. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.- Вып.VII.-Оренбург, 1900.-С.23.
14. Ефремов В. Указ. соч. - С.133.
15. Чернавский Н. Указ. соч. - С.120.
16. Там же.-С.83.
17. Добромыслов А.И. Введение ко второму выпуску // «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем.» Н.Чернавского// Труды Оренбург. Уч.арх. комисии. Вып.X.- Оренбург,1901.- С.4.
18. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России.- Пг., 1917.-С.3-4.

19. Малов Е. О татарских мечетях в России // Православный собеседник, издаваемый при Казанской Духовной Академии.- Часть 1.-Т.V.- 1865г.- С.37.
20. Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование.- СПб., 1899.-С.10.
21. Скалозубов Н.Л. Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии.- Пермь, 1893.- С.123.
22. Филоненко В. Башкиры.- Уфа, 1915.- С.65.
23. Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкортостане и башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII века. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1.-М.-Л., 1936.- С.3-64
24. Ташкин С.Ф. Иногородцы Поволжско-Приуральяского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии. Вып. 1.- Оренбург, 1921.- С.300.
25. Ташкин С.Ф. Указ.соч.- С.184.
26. Ташкин С.Ф. Указ.соч.- С.197.
27. Ташкин С.Ф. Указ.соч.- С.243.
28. Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии.- Уфа, 1930.- С.67.
29. Там же.- С.27-29.
30. Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии//Хозяйство Башкирии. 1928.- №6-7. Изд. Госплана БАССР.- С.73-85.
31. Рязанов А.Ф.Оренбургский край. Исторический очерк// Изд.журнала «Вестник просвещенца».- Оренбург, 1928.- С.82.
32. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII века//Исторические записки.- Вып.68. 1961.- С.211.
33. Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории//Всесоюзное совещание историков.- М.,1964.- С.12.
34. Там же.- С.28.
35. Дубровский С.М. Прения по докладу Б.Н. Пономарева// Всесоюзное совещание историков.- М.,1964.- С.165-166.
36. См.сборник статей «Абсолютизм в России (XV-XVII вв.)», посвященный 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б.Кафенгауза.- М.,1964.- С.355-387.
37. Акманов И.Г. Башкирское восстание 1704-1711 гг.//Из истории Башкирии. Уч.записки.- Вып.35.- Серия ист.наук.- №7.- Уфа, 1968.- С.21-152;Асфандияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии - Там же.- С.153-164; Нигматуллин С.Н. О политике царизма по переводу башкир и мишарей из военного сословия в податное в 20-30 гг.XIX в.// Из истории Башкирии.- Уфа, 1959.-

- С.169:Сираев З.И. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII в.// Из истории Башкирии.- Уфа, 1963; Любимов В., Юлдашбаев Б. Ленин и самоопределение наций.- Чебоксары, 1968; Юлдашбаев Б. Образование Башкирской АССР.- Уфа, 1958; Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане в XVIII в.- Уфа, 2000;
38. Акманов А.И. Земельная политика царизма в Башкортостане (вторая половина XVI – начало XXв.).- Уфа, 2000.
39. Фатхетдинов В. Башкирия.- Уфа, 1971.- С. 87.
40. Юлдашбаев Б.И. Формирование башкирской нации в Башкортостане и башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв.// Материалы по истории Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 84.
41. Ташиев С.Ф. (Юлдашбаев Б.И.) История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
42. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
43. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
44. Ташиев С.Ф. Уфа.- С. 184.
45. Ташиев С.Ф. Уфа.- С. 184.
46. Ташиев С.Ф. Уфа.- С. 184.
47. Ташиев С.Ф. Уфа.- С. 184.
48. Тимеев И.И. Очерки по истории Башкирии.- Уфа, 1970.- С. 1-10.
49. Ташиев С.Ф. Уфа.- С. 184.
50. Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
51. Ташиев А.Ф. Очерки по истории Башкирии.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
52. Демидов Н.Ф. Уралоказанские башкиры и процесс их расселения в первой половине XVIII в.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
53. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
54. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
55. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
56. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
57. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
58. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
59. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.
60. Юлдашбаев Б.И. История Башкирской АССР.- Уфа, 1978.- С. 1-10.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

§ 1. Население края

Исторически сложившаяся территория, издревле населенная башкирами, до 1782 года входила в состав Оренбургской губернии, которая образовалась ещё в 1744 году и состояла из двух – Уфимской и Исетской провинций, а в 1782 году Башкортостан оказался в составе Уфимского наместничества, образовавшегося вместо бывшей Оренбургской губернии. Несколько лет спустя, в 1796 году, в связи с новым административно-территориальным разделением Российской империи, Уфимское наместничество было упразднено и край вновь стал называться Оренбургской губернией. Основная масса башкирского населения в исследуемый период была расселена сравнительно компактно в пределах указанной административно-территориальной единицы. Небольшая часть башкир проживала в пределах Пермской губернии. Разумеется, царское правительство, сохраняя компактность расселения башкир в рамках одной губернии, исходило из соображений удобства управления и эксплуатации края.

Своеобразие географического положения Башкортостана на стыке Европы и Азии обусловило пестроту национального состава его населения. Эта особенность края наложила, несомненно, определенный отпечаток на всю его историю. Кроме коренного населения – башкир, здесь проживали русские, татары, мишари, тептяри, чувашы, мордва, удмурты, мари, украинцы и др. Все они в течении нескольких веков переселились сюда из других регионов Российской империи. Об интенсивности переселенческого потока в Башкортостан, особенно усилившегося в XVIII веке, говорит тот факт, что к концу XVIII века переселенцы уже заметно преобладали над башкирским населением. Поэтому возрастание численности населения края шло в основном за счет их притока. Одновременно наблюдается и естественный прирост населения.

Глубокие потрясения, происшедшие в жизни башкирского народа, вызванные жестоким подавлением их восстаний, которыми так насыщен весь XVIII век, привели к заметному сокращению численности башкир¹. Но при всем этом в последней четверти XVIII века общая численность башкирского населения возрастала. Более или менее точная численность башкир вплоть до 4-ой ревизии (1782 г.) неизвестна, так как они до этого периода не подвергались подушной переписи. Это было результатом того, что башкиры в проведении переписей среди них видели подготовку почвы для дальнейшего усиления национально-колониального гнёта и всячески

стремились избегать их. Поэтому царские власти, опасаясь возникновения брожения среди башкир, вели учет их численности по количеству дворов, сведения о которых давали сами башкирские старшины.

В наших архивах сохранилось довольно много материалов дворовых переписей среди башкир, относящихся к 70-м г. XVIII века. Так, Оренбургский генерал-губернатор И.А.Рейнсдорп в своем донесении от 1769 г. об управляемой им губернии сообщил, что башкирских дворов насчитывается около 16989, где, по его предположению, проживало 105938 человек обоого пола².

А по переписи 1773 года оказалось 17364 башкирских дворов, в которых, полагая по 4 человека на двор, числилось 69456 человек обоого пола³. Подавление Крестьянской войны 1773-1775 гг., которое сопровождалось разорением башкирских селений, привело к заметному сокращению численности башкирских дворов и к 1776 году их зафиксировано было всего 16958⁴. Приблизительно такое же количество башкирских дворов указано и в документах, относящихся к 1777 году. Так, например, в Уфимской провинции их было 13149, а в Исетской – 3437 дворов совместно с мишарскими. В итоге получается около 16900 башкирских дворов⁵.

Таким образом, в 70-х годах XVIII века в Башкортостане насчитывалось примерно 16900-17000 башкирских дворов.

Для того, чтобы установить, хотя бы приблизительно, общую численность башкирского населения нужно выяснить, сколько же человек приходилось на каждый двор. Определение численности башкир, полагая на каждый двор по 4 человека, как это тогда практиковалось, не отражает реальную действительность

Как отмечает известный этнолог Р.Г.Кузеев «...у башкир в XVIII веке существовали ещё большие семьи, насчитывавшие иногда 15-20 человек или более..., даже обычные башкирские семьи насчитывали гораздо больше членов, нежели 4 человека»⁶. Действительно, согласно архивным материалам, собранным во время Генерального межевания, которые показывают число дворов и количество проживающих в них людей по отдельным башкирским селениям, видно, что на каждый двор приходилось примерно от 5 до 13-14 человек, то есть в среднем по 7-8 человек на двор⁷. Исходя из вышеуказанных фактов, можно сделать вывод, что число башкир в 70-х годах XVIII века составила 119000-120000 человек обоого пола⁸.

Более точные сведения о численности башкир дала 4-я ревизия (1782 г.). По её данным численность башкир достигла 137407 человек обоого пола⁹. Некоторые исследователи, в частности Р.Г.Кузеев, считают, что эта цифра «не отражает реального положения вещей», так как губернатор И.В.Якоби, опасаясь сопротивления башкир переписи и

возникновения беспорядков. «приказал сделать им переписи на основании прежнего обряда по дворам, полагая в каждом примерно 4 души»¹⁰. Однако эта перепись (1782 г.) все же была проведена и среди башкир на общих основаниях. Это видно из того, что Екатерина II, рассмотрев рапорт И.В.Якоби о переписи башкир, повелела производить ревизию среди них «по точной силе высочайшего Е.И.В. Манифеста»¹¹. Исключением из общего положения было только то, что в башкирские селения ревизоры не посылались, а сказки должны были собирать и подавать сами старшины. Естественно, при этом могли быть всякие неточности, так как старшины собирали и представляли сведения о численности жителей подчиненных им деревень по своему усмотрению. Ссылаясь на это в своей совместной работе, Р.Г.Кузеев и А.Н.Усманов пришли к выводу, что в 90-х гг. XVIII века башкир обоого пола насчитывалось примерно 250000 человек¹². По нашему мнению, их вывод не совсем соответствует действительности, так как сведения 4-ой ревизии о численности башкир все же, как уже указано было выше, близки к действительности. Прежние сведения о численности башкир и материалы последующих переписей, если учесть определенную закономерность роста населения, все же не сходятся с их выводом. Так, например, по данным 5-ой ревизии (1795 г.) численность башкир достигла 142427 человек обоого пола¹³. Приблизительно такое же число башкирского населения названо и в другом документе: 145662 человека обоого пола (74997 м.п. и 70665 ж.п.)¹⁴. Следует учитывать и башкир, проживающих в пределах Пермской губернии, численность которых доходила до 25996 человек обоого пола (по данным той же 5-ой ревизии)¹⁵. Таким образом, общая численность башкир к 90-м годам XVIII века достигла примерно 171658 человек обоого пола.

Иногда в архивных документах число жителей показано только мужского пола, без учета лиц женского пола. И это ввело в заблуждение некоторых исследователей. Такая ошибка содержится в работе А.Ф.Рязанова, который пишет, что по 5-ой ревизии башкир в Оренбургской губернии насчитывалось 106000 человек обоого пола¹⁶. Эта цифра, как видно из приведенных материалов, весьма далека от действительности.

Общее количество населения Башкортостана, согласно 4-ой ревизии, составило 572618 человек обоого пола¹⁷. К концу XVIII века численность населения края заметно выросла, достигнув по данным 5-ой ревизии 711099 человек обоого пола¹⁸. Чтобы иметь более ясное представление о национальном, социально-сословном составе населения Оренбургской губернии, следует обратить внимание на таблицу, содержащую данные 8-й ревизии. Эта таблица наглядно показывает, что население Башкортостана в последней четверти XVIII века было довольно пестрым в национальном отношении. Преобладающими по своей численности жителями края, как видно из этой таблицы, стали русские

крестьяне различных категорий. Значительное место среди жителей края занимали различные служилые сословия или неподатное население, к которому принадлежали и башкиры. В целом, эта особенность Башкортостана и обусловила сложность политических и социальных явлений, которые происходили в крае.

ТАБЛИЦА

О населении Оренбургской губернии по 8-ой ревизии.

	Мужского пола	Женского пола	ИТОГО
Крестьяне удельные	11836	12094	23930
Крестьяне экономические	26390	29129	55519
Крестьяне черносошные	5465	5737	11202
Крестьяне яшашные	5094	4995	10089
Крестьяне приписные к заводам	7710	8090	15800
Крестьяне владельческие	50760	53402	104162
Крестьяне отписанные к банкам	2438	2833	5271
Одноворцы	364	344	708
Выморочные	15	13	28
Лашманы	53	54	107
Отставные обер- и унтер- офицеры, солдаты и их дети	11302	12470	23772
Белопашенные солдаты	1125	1246	2371
Казачи служилые и отставные	19436	20618	40054
Мордва	16537	16031	32568
Чуваши	19345	18604	37949
Крещеные башкиры	4	3	7
Черемисы (мари)	7274	6563	13837
Крещеные татары	2668	2569	5237
Вотяки (удмурты)	2114	1840	3954
Мурзы (татарские)	628	567	1195
Каракалпаки	40	28	68
Татары разные	21882	20463	42345
Башкирцы	74997	70655	145652
Тептяри	35625	32673	68298
Мешеряки	15196	14630	29826
Черкассы (украинцы)	1368	1358	2726
Калмыки	779	717	1496
	340445	337726	678171

Всего: 711099

§2. Состояние хозяйственного развития башкирского общества и края в целом

Жестоко подавленная царскими властями Крестьянская война 1773-1775 гг., в которой башкиры приняли активное участие, оставила тяжелые последствия в хозяйственной жизни всего населения Башкиростана. Особенно сильно пострадали башкиры. Все участники восстания были подвергнуты наказанию, их жилища разграблены. Царское правительство, с целью окончательного ослабления башкирских масс, после подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг. решило собрать с башкирских «бунтовщичьих дворов» штраф в количестве одной лошади с 5 дворов. Учитывая, что «башкирский народ прошедшей зимы от падежа лошадей весьма разорился» и лошадей у них осталось мало, было указано собрать вместо лошадей деньги «по самой большой цене», то есть из расчета 25 рублей за каждую лошадь. Интересно отметить, что Оренбургская губернская канцелярия таких «бунтовщичьих дворов» насчитала, за вычетом «верных дворов», около 16964, с которых и было собрано более 84820 рублей денег¹⁹. Разумеется, эти потрясения нанесли большой урон хозяйству башкир. Заметный упадок ощущало башкирское скотоводство, являвшееся главной отраслью их хозяйства.

Довольно отрицательно сказывались на хозяйственном положении башкир, особенно на развитии скотоводства, непрекращающиеся в течении последней четверти XVIII века взаимные набеги казахов на башкирские селения и наоборот. Больше всего страдали от таких набегов башкирские волости, расположенные на пограничных линиях. Местные власти, заинтересованные в сохранении казахо-башкирской вражды, в случае надобности искусственно поддерживали эту неприязнь, толкая их на взаимные набеги. Так, в 1795 г. казахи Среднего жуза отогнали из башкирских селений 12860 голов лошадей и «разграбили имущества» на 328 рублей 90 копеек²⁰. С 1782 по 1789 г. у башкир, живущих близко к Оренбургской линии, казахами было угнано 21095 голов лошадей, 27 голов рогатого скота и 50 голов овец и разграблено имущество на 7876 р.76коп.²¹.

Но тем не менее, в последней четверти XVIII века происходят определенные сдвиги в хозяйстве башкир, которые связаны с постепенным переходом их к другой форме хозяйства – земледелию. Однако в этот период все же основным занятием большинства башкирского населения оставалось скотоводство. Академик И.П.Фальк, побывавший в Башкортостане на рубеже XVIII- XIX веков, характеризуя коренное его население, писал, что «...скотоводство ... составляет у многих, а особливо у башкирцев, главный промысел... Башкирцы же держат иные по 500 до 1000 и более лошадей, столько же овец, по большей части широкохвостных, или киргизских и несколько рогатого скота»²².

Подобного же мнения о башкирском хозяйстве придерживался и другой исследователь того периода И.Г.Георги: «...главный промысел башкирцев есть скотоводство», - отмечал он²⁴. Больше всего башкиры разводили лошадей. «Лошадиные заводы всему у них предпочитают.- писал И.Г.Георги - , потому что они заимствуют почти от них единственно все свои прямые надобности. Как на примере верховых лошадей. молоко. мясо: из шкур шьют они себе платье и сосуды, а из волосу делают веревки»²⁴. Также башкиры содержали много овец. «...число овец почти соответствует у богатых числу лошадей или превосходит оное», - указывал И.Г.Георги²⁵. Значительно меньше башкиры разводили крупнорогатый скот, коз. В некоторых местах, особенно в юго-восточных районах Башкортостана, башкиры разводили верблюдов. Поголовье скота, как и полагается в скотоводческом хозяйстве, было довольно внушительным. Как сообщает тот же И.Г.Георги, «...редко у простого человека бывает меньше 30 и 50 лошадей, многие имеют оных до 500, богатые до 1000, а иные до 2000 и свыше, чему соответствует число и рогатого скота»²⁶. Аналогичные сведения содержатся в «Трудах Вольного Экономического общества»: «Башкирцы почти равномерный достаток имеют в лошадях, как киргизы (у одного по тысяче, овец тысячи по две, а кто имеет у себя лошадей до 50, за богатого не считается)»²⁷.

Хозяйственная жизнь башкир, в том числе скотоводство, отличалась разнообразием. Башкиры, занимающиеся преимущественно скотоводством, вели ещё полукочевнический образ жизни и, следовательно, как замечает И.П. Фальк, «оставляли скот в степи» на зиму. А в северо-западных районах Башкортостана скотоводство носило другой характер: зимой скот содержался на дворе. Нужно подчеркнуть, что сенокосение в этот период получило повсеместное распространение. Говоря о сенокосении и, вообще, об обеспечении всего домашнего скота на зиму кормом, необходимо учитывать, что преобладание скотоводства в хозяйстве вынуждало разведение и содержание большого количества скота. Отсюда практически не было возможности обеспечить весь скот на зиму кормом. Для заготовки на зиму сена, достаточного для прокорма скота потребовалась бы огромная рабочая сила, а также обширные сенные угодья. По этой причине, при ведущей роли скотоводства в хозяйстве, при его экстенсивном характере, скот неизбежно должен был оставаться на зиму на подножном корму. Такая картина и наблюдалась в скотоводческих районах Башкортостана. Сено в основном заготавливалось для содержания рабочего скота, а так же для прокорма молодняка и т.д. Лишь в северо-западных районах края, где скотоводство носило стойловый характер, не практиковалась тебеневка, и жители башкирских волостей летом не выезжали на кочевки. А башкиры-скотоводы почти повсеместно зимой оставляли скот на подножном корму, а летом выезжали на кочевки. Как

видно из источников, относящихся к 1775 г., башкиры Ногайской и Сибирских дорог «... ежегодно летом из своих зимовых деревень откочевывают по их обыкновению для свободного скотоводства и соблюдения лугов²⁸ отправляются скотом в степные, однако же недалёкие от зимовых их жительств места... а в сентябре и октябре месяцах обратно в свои жительства возвращаются»²⁹. Башкиры Оренбургского, Челябинского, Верхнеуральского, Троицкого, Стерлитамакского, частично Уфимского и Бирского уездов, как указывается в материалах, относящихся к исследуемому периоду, «... в летнее время ежегодно весной со всем своим семейством и скотом выезжают в степи, для кочевья целыми селениями»³⁰. Исключение из этого составляли башкиры Мензелинского, Бирского, Уфимского, частично Белебеевского уездов. Они, как указывалось выше, занимались скотоводством в меньшей степени, поэтому у них не было необходимости кочевать летом. Так, например, о башкирах Калининской волости Уфимского уезда сообщается, что они «... в летнее время кочевий не имеют, а жительствуют в своих домах»³¹. Подобное же ведение скотоводства мы наблюдаем у башкир и в других волостях указанных уездов³².

Интересно отметить, описывая образ жизни башкир этих уездов, землемеры во время Генерального межевания писали, что «... в давние времена у Башкирцев было обыкновение ежегодно весной всем своим семейством и скотом выезжать в степи для кочевки, ... но ныне ... во всех деревнях ... башкирцы того обыкновения не исполняют, отсюда уже живут в деревнях в домах своих...»³³. Это сообщение ясно показывает, что в хозяйственной жизни северо-западных башкир, перешедших к оседлости, произошли определенные сдвиги. Но, тем не менее, основная масса башкир продолжала заниматься полукочевым скотоводством.

Следует более подробно осветить степень распространения сенокосения у башкир. Сено, хотя и в ограниченном количестве, они косили повсюду. Еще в 1797 г. П.И.Рычков писал, что башкиры, «...имея у себя множество скота, ... привыкли уже косить траву и довольно заготавливают ныне сена»³⁴. Д.Б.Мертваго в своих записках сообщает, что он просил башкир, чтобы те поставляли сено казне по 10 копеек за пуд. Он же указывает, что всякий башкир «заготавливает сено близ селения»³⁵.

В ходе Генерального межевания башкирских земель выяснилось, что все башкирские селения без исключения имели свои сенные покосы³⁶. Таким образом, хотя во многих волостях Башкортостана по-прежнему практиковалась тебеневка, все же сенокосение в последней четверти XVIII века получило широкое распространение среди башкир и оно играло существенную роль в ведении скотоводческого хозяйства.

Большой интерес представляет вопрос о степени приобщения к земледелию. Исследуемый период характеризуется постепенным

переходом башкир к земледелию, и этот процесс ярко выразился в своеобразии их хозяйства. Неодинаковый уровень экономического развития башкирского населения разных районов Башкортостана наиболее ярко вырисовывается при анализе степени приобщения их к земледелию. Еще К.Маркс обратил внимание на эту особенность хозяйственной жизни восточных кочевых народов: «... У всех восточных народов можно с тех пор как этот процесс происходит (т.е. переход к оседлости — М.К.), установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»³⁷. Также исследователи, изучающие историю Башкортостана дореволюционного периода, особо отмечали эту особенность хозяйственного развития башкирского общества. Они, как правило, выделяют две более или менее отличающихся друг от друга по своему хозяйственному развитию области — земледельческая (северная и северо-западная) и скотоводческая (восточная и юго-восточная). Однако такое деление не отражает всю сложность хозяйственной жизни башкир в период их постепенного перехода к земледелию. Близкое ознакомление с этим процессом позволяет выявить более сложную картину. Поэтому более целесообразным является выделение ряда групп башкир соответственно их хозяйственным занятиям.

К первой группе можно отнести башкир Мензелинского, Бирского, частично Уфимского уездов, главным занятием которых было хлебопашество. Скотоводство у них уже не играло прежней роли, и поэтому они вели осёдлый образ жизни, не выезжая летом на кочевки. Наиболее широкое распространение земледелие получило среди башкир Мензелинского уезда. О степени развития у них хлебопашества свидетельствует тот факт, что в большинстве случаев на каждый башкирский двор здесь приходится примерно от 6,6 и до 16,7 десятин пахотной земли³⁸. Например, башкиры Байлярской волости Салагушской тюбы засеивали в среднем на каждый двор по 16,7 десятин земли³⁹. Башкиры Калмашевской тюбы той же волости имели на каждый двор по 10,8 десятин пахотной земли⁴⁰. Башкирское население Гарейской волости также имело в среднем пахотной земли от 6,6 до 11,5 десятин на каждый двор⁴¹. А если брать все пахотные земли уезда в целом, то в таком случае на каждый двор приходится по 17 с лишним десятин пашни⁴². Эти факты показывают, что башкиры, как и другие земледельческие народы этого уезда, имели довольно много пахотной земли, следовательно у них земледелие стало основным занятием. Такую же картину можно видеть у башкир Каратаныпской, Уранской, Таныпской, Ирехтинской, Шемшадинской, Калнинской и других волостей Бирского уезда⁴³. Недаром представители местной царской администрации, указывая на характер хозяйства башкир вышеперечисленных уездов и волостей, писали, что «... промысел имеют вообще все хлебопашеством...»⁴⁴.

Другую группу со своеобразным хозяйственным укладом представляют башкиры, основным занятием которых было домашнее скотоводство. Они также не выезжали на кочевья и одновременно занимались земледелием. К этой группе следует отнести башкир Уфимского, частично Бирского уездов, Минской, Кудейской, Дуванейской, Кубовской и других волостей. Хотя скотоводство играло важную роль в их жизни, но тем не менее башкиры этих волостей прилежно занимались хлебопашеством и имели сравнительно большие участки пахотных земель. О жителях деревни Кулевой Кудейской волости Уфимского уезда очевидцы сообщали, что «... в домах занимаются хлебопашеством ... но главный промысел состоит их в скотоводстве разного скота... и в летнее время кочевий не имеют...». В то же время они засевали довольно много хлеба, судя по размерам их пахотных земель⁴⁵. Здесь на 119 башкирских дворов приходится 4382 дес. 787 саж. пашни, т.е. на каждый двор по 12 с лишним десятинам пахотной земли⁴⁶. Но все же в целом, башкиры перечисленных выше уездов и волостей имели пахотных земель несколько меньше, чем башкиры – земледельцы⁴⁷.

В следующую, третью группу можно отнести башкирское население, которое занималось земледелием в очень ограниченном размере. У этих башкир полукошарное скотоводство было главной отраслью хозяйства. Почти во всех уголках Башкортостана в последней четверти XVIII века можно было встретить такой тип хозяйства. Это говорит о том, что в этот период основная масса башкирского населения все ещё продолжала вести полукошарный образ жизни, постепенно приобщаясь к хлебопашеству. Засевали они сравнительно мало. Приведём ряд фактов, показывающих степень приобщения башкир разных уездов и волостей к земледелию. Башкиры Катайской волости Челябинского уезда в 255 дворов имели на каждый двор в среднем 3,6 десятины пашни, а главным занятием у них было скотоводство, потому они «... в летнее время по окончании ярового посева до зимнего времени выходят на кочевья...»⁴⁸. Башкиры ряда волостей Стерлитамакского уезда, как показывают документы, «... хлебопашества имеют весьма мало, но пропитание имеют через скотоводство и от пчел, жительствоуют же в деревнях только зимою, а летом выходят на кочевья...»⁴⁹. В данном случае 5 башкирских деревень количеством в 145 дворов обрабатывали 507 десятин земли (т.е. приблизительно по 3,4 десятины пашни на каждый двор)⁵⁰. В некоторых волостях того же уезда засевали и того меньше. Башкиры Кумрук-Табынской волости на 125 дворов засевали всего 77 десятин 1600 саж. земли (0,6 десятины на двор)⁵¹. А по данным конца XVIII века, если иметь в виду все посевные площади этого уезда, то в среднем на каждый двор приходилось по 12 дес. пахотной земли⁵². Из этого видно, что башкиры Стерлитамакского уезда занимались земледелием сравнительно мало.

Подобным же образом обстояло дело у башкир Катайской волости Верхнеуральского уезда, имевших на двор в среднем по 0,39 десятин пашни⁵³. Башкиры, проживающие в пределах Оренбургского уезда, также частично занимались хлебопашеством. Башкиры ряда волостей этого уезда, а именно Кипчакской, Карагай-Кипчакской, Бурзян-Кипчакской, Усерганской, Бушмас-Кипчакской, Тамьянской, Чанким-Кипчакской волостей, где по данным 1802 года насчитывалось 4986 дворов, имели 4452 десятины пахотной земли (то есть 0,9 десятин на двор)⁵⁴. Здесь интересен сам факт приобщения их к земледелию, хотя они, по наблюдениям очевидцев, «...хлебопашества имеют в малом количестве». Можно сказать, что земледелие у этих башкир в хозяйстве играло лишь подсобную роль.

Но распространение земледелия среди жителей указанных волостей было всё же крайне неравномерным. Наряду с селениями, имеющими определённое количество пахотных земель, часто встречались целые деревни, даже волости, обитатели которых вовсе не занимались хлебопашеством. Этим башкир можно выделить в четвертую группу. Башкирские дворы, не занимающихся земледелием, тогда можно было встретить почти во всем Башкортостане, исключая её сугубо земледельческие районы. В сведениях о хозяйственной жизни этих башкир обычно указывается, что они «...хлебопашества не имеют и выезжают в кочевку...»⁵⁵. Так характеризуется, например, быт башкир деревни Аламратово Бурзянской волости, Оренбургского уезда. Жители Гарей-Кипчакской волости Стерлитамакского уезда также «...хлебопашества не имеют, помышляют скотоводством»⁵⁶. Не занимались земледелием и башкиры Куваканской волости деревни Сулеймановой Троицкого уезда: «...хлеба в посеве... не бывает, а содержание более имеют от скотоводства и звериной ловли», писали современники о них⁵⁷. Не имели пахотных земель и не занимались земледелием башкиры некоторых деревень Минской, Кириланской и Байлярской волостей Белебеевского уезда. О башкирах Яиксубылминской тюбы Минской волости, живущих в 14 деревнях (283 двора) сообщается, что они «...хлебопашества не имеют, в летнее время выезжают со всем скотом в кочевье»⁵⁸. То же самое говорится о башкирах некоторых деревень Кириланской и Байлярской волостей, которые также, согласно документам, «...хлебопашества не имеют...»⁵⁹.

Таким образом, эти факты ясно показывают, что по своему хозяйственному развитию башкирское общество было далеко не однородным. Выделение четырёх групп, согласно типу хозяйственных занятий башкирского населения края, свидетельствует о сложности переходного этапа от одной формы хозяйства к другой. Это было связано с постепенным проникновением земледелия в башкирское общество.

Следует сказать несколько слов о характере и системе земледелия у башкир. Башкиры больше всего засевали ячмень, овес и просо⁶⁰. В более ограниченном размере сеяли пшеницу, полбу, коноплю. Остальные виды сельскохозяйственных культур засевались ими мало. Хлеб сеялся только яровой, озимых посевов не имели⁶¹. Техника земледелия, естественно, была очень низкой. П.И.Рычков в своих «Ответах на экономические вопросы, касающиеся до земледелия...». Вольному Экономическому обществу (1767 г.) так охарактеризовал состояние агротехники у «иноверцев» края: «Многие из татар и иноверцев пашням своим никакого разделения не делают: где у них озимовой тут и яровой сеется, а некоторые не прилежные к земледелию, не давая отдыхать распахной своей земле, одним летом хлеб на хлебе сеют, то есть, сжавши рожь и яровое, ту же землю вспахав, сеют на неё озимое: чего ради и хлеба родится у них гораздо плоше»⁶². Башкиры и некоторые другие жители края, отдавая предпочтение скотоводству, применяли своеобразный способ унавоживания пашен: «... где лучше наблюдается пашня, - писал П.И.Рычков,- пасут несколько времени на тех местах, где сеять надлежит хлеб, стада и конские табуны, что называется толокою, и можно сказать, где больше толока, тут лучше и хлеб умножается»⁶³. В целом у башкир, начинающих переходить к хлебопашеству, уровень техники земледелия по сравнению с русскими и другими исконными земледельцами, был низким. Исключение из этого составляли только те башкиры, которые издавна занимались земледелием. По характеру земледелия они ничем не отличались от других оседлых жителей Башкортостана⁶⁴.

Говоря о распространении среди башкир земледелия, следует отметить, что царская администрация всячески стремилась ускорить процесс перехода полукочевых башкир к земледелию. Ещё в 60-х гг. XVIII века местной царской администрацией рассматривался вопрос о привлечении башкир к хлебопашеству⁶⁵. В своё время Оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп обратился к башкирским старшинам с призывом способствовать распространению хлебопашества «у своих подчиненных», чтобы они «поохочивали к земледельству» их и обещал наградить серебряными медалями тех старшин, подчиненные которых в города и базары «для продажи привезут наибольшее количество сеянного им хлеба». Впоследствии он докладывал Екатерине II, что «...никогда больше пахано и сеяно от них не было, как в нынешнем году» (т.е. в 1770 г.-М.К.)⁶⁶. Также Оренбургская казенная палата в своем отчете, адресованном сенаторам М.Г.Спиридонову и И.В.Лопухину сообщала, что внушения местных начальников «о лучшей, прочной и надежной пользе земледелия башкирам некоторые из того народа начали посевы свои умножать и обращаться к трудолюбию»⁶⁷. Следует подчеркнуть, что царская администрация, призывая башкир заниматься земледелием, менее

всего думала о благосостоянии этого народа. Здесь, прежде всего, преследовались определенные политические и экономические цели. Это, во-первых, исходило из представления о том, что «якобы кочующие народы всегда будут ветрены и законам не подчинены» и, следовательно, «где домостройство там и тишина, и власть законов»⁶⁸. Во-вторых, местные власти были заинтересованы в увеличении производства хлеба в крае, так как в нем нуждались царские войска, сосредоточенные здесь, а также хлеб был нужен для расширения торговых отношений с Казахстаном и Средней Азией. В-третьих, переход к земледелию, а затем и к оседлости, ограничил бы потребности башкир в огромных земельных угодьях, которые были необходимы для ведения полукочевого скотоводства. Исходя из этих соображений, местная администрация всячески стремилась приобщить башкир к земледелию. Эта тенденция особенно усилилась с переходом башкир в конце XVIII века к кантонной системе управления. Но в целом попытка приобщить башкир к земледелию, была, несомненно, положительным явлением, способствующим развитию производительных сил края.

Существенное место в башкирском хозяйстве в этот период занимало пчеловодство. Башкортостан, по определению С.И.Руденко, издавна считался «классической страной пчеловодства»⁶⁹. Особенно у башкир было развито бортничество. «Мало таких башкирцев есть, что сот до пяти и больше бортей у себя имеют, и редкий в лесных местах живет, который ничего у себя не имел»,- писал об этом П.И.Рычков⁷⁰. Пчеловодством башкиры занимались повсеместно. Им не занимались только те башкиры, которые жили в степных районах. Землемеры, собирающие сведения о хозяйстве башкир, отмечали, что башкиры повсюду «... в лесах для пчел выделывают борти и собирают из них мед, который употребляют часть для себя и на продажу»⁷¹. Некоторые дореволюционные исследователи даже считали, что само название башкир, т.е. «башкурт»...значит по их толкованию пчельника или пчеловода», так как «...башкирцы в размножении пчеловодства так искусны, что между ними много таких, которые имеют у себя по несколько тысяч бортовых деревьев...»⁷². О том же писал и И.Г.Георги: «...башкирцы не об одном только скотоводстве стараются: они не меньше радеют о пчелах. Всяк имеет несколько, а иные и до двух, трех, четырех и пяти сот ульев»⁷³. Описывая характер башкирского пчеловодства, он же указывал, что «...пчеловодство их во всем подобное польскому. Они также держат борти на деревьях, на которые влезают по обвитой около дерева и их тела веревке...»⁷⁴. Придавая большое значение пчеловодству, башкиры очень дорожили бортными деревьями. Поэтому они, продавая свои земли, всегда оставляли за собой бортные угодья. Так, в купчих о продаже башкирами

своих земель, как правило, имеются оговорки, что продали такие-то земли, но «окромя бортовых деревьев»⁷⁵.

Определенную роль в хозяйстве башкир играла охота. В девственных башкирских лесах водилось тогда много пушных зверей и дичи. Башкиры били куниц, лисиц, волков, бобров, белок, лосей, диких коз и птиц. Поэтому в те времена, когда речь шла о занятии башкир, всегда указывалось, что они «...упражняются ... в звериной ловле»⁷⁵. Например, в 1782 году группа башкир Бушмас-Кипчакской волости Оренбургского уезда обратилась к коменданту г.Оренбурга генерал-майору Ладыженскому с письмом, где указывалось, что они «...издревле пропитание свое имеют по большей части от звероловства.. и почему и мы ныне на то звероловство ехать вознамерились...»⁷⁷. Башкиры охотились в пределах своих и соседних волостей. Обычно они занимались охотой во время летних кочевок. «В сие время (т.е. во время кочевок М.К.)- сообщали очевидцы, - мужчины ездят за охотою с собаками, орлами за зверем, с соколами, ястребами и с луком. Зайцев и лисиц гоняют верхом, плетью»⁷⁸. Но в то же время, особенно осенью, башкиры ездили в дальние охотничьи угодья. Это видно из того, что башкиры юго-восточных районов часто обращались к местным административным органам с просьбой отпустить их «...на звериный, яко то бобровый и прочий промысел, с внешней стороны реки Урала, по впадающим в оной рекам и стокам с сроком на 2 месяца»⁷⁹. Такую просьбу подали башкиры Кара-Кипчакской волости «команды старшины Мусы Исангулова всего 10 человек»⁸⁰. Также башкиры ездили охотиться в сторону Самарской дистанции по рекам Самаре, Кундурче и Камелику. Выезжали они в эти места в октябре целыми группами с разрешения местных властей и находились там до конца ноября⁸¹. Однако, следует подчеркнуть, что в конце XVIII века охота в хозяйственной жизни башкир, по-видимому, уже была далека от той роли, какую играла в прежние времена.

В последней четверти XVIII века произошли некоторые сдвиги в развитии ремесла и промыслов среди башкир. Ремесло все же носило домашний характер и не отделилось еще от сельского хозяйства. Но в этот период башкиры, под влиянием растущих производительных сил края, постепенно приобщались к горным промыслам. Так, например, Гайнинские башкиры, живущие в северных районах края и в Пермской губернии, занимались разработкой рудных мест. В описании Пермской губернии, которое относится к 1800 году, отмечается, что некоторые башкиры «...упражняются в рудопромышленничестве, руду отдают на казенные заводы, за обыкновенную цену за пуд»⁸². Интересно отметить, что в 1789 году обратились с благодарственным письмом к императрице Екатерине II... Пермского уезда рудопромышленники-башкирцы Михайло Тасимов, мулла Якуп Атнагулов и Петр Акбашев... за оказание им всегда высочайшего

благоволения и милости ...»⁸³. Как видно из этих данных, так называемые «рудопромышленники» из башкир сами добывали руду и отвозили её к казенным заводам.

Также среди башкир были люди, которые содержали поташные заводы и производили поташ для продажи. В Уфимском уезде, по данным сенаторской ревизии 1800 года, было шесть башкирских семей из числа старшин, сотников и мулл, являющихся владельцами поташных заводов⁸⁴.

Определенный толчок развитию среди башкир ремесла и промыслов дал указ правительства 1798 года, снявший запрет заниматься башкирам ремеслом и кузнечным делом⁸⁵. Ремесло у башкир, как уже отмечалось выше, носило сугубо домашний характер.

Изготовлением предметов домашнего обихода занимались в основном женщины. Русский путешественник И. Лепехин по этому поводу писал, что «...они (женщины-М.К.) у них портняжничают, сапожничают, кожевничают и валят войлоки. Кожевничество их от всех кожевых выделок отменно.... Из приготовленной кожи делают они себе не только обувь, но и всю домашнюю утварь»⁸⁶. Землемеры, описывающие жизнь и быт башкирского народа во время Генерального межевания, наблюдали ту же картину: «...башкирки во время кочевания... упражняются в рукоделиях, прядут шерсть и посконь, ткут армянчину на продажу и выделывают разные кожи и шьют из оных мужские и женские одежды и обувь»⁸⁷.

Кроме того башкиры занимались разного рода подсобными промыслами. Они промышляли развозом соли из Илецкой зашты по городам и селениям губернии. Летом и зимой рубили лес, сплавляли его по большим рекам. По найму возили руду из рудников к заводам⁸⁸.

Остальные жители Башкортостана занимались главным образом земледелием. В последней четверти XVIII века в крае уже производилось довольно много хлеба. Это объясняется усилением притока переселенцев, занимающихся земледелием – их стало больше, чем башкир-скотоводов. Дальнейшие шаги по усовершенствованию системы земледелия также способствовали развитию земледелия, росту производства хлеба. Господствовавшая в крае экстенсивная переложная система земледелия постепенно заменялась трехпольем. К 60-м годам XVIII века, как пишет П.И. Рычков, «...прилежнейшие земледельцы, особливо же российские, оставив переложную систему... все пашни свои на три поля разделяют...»⁸⁹. Татары, мишари, тептяри, у которых хлебопашество было развито сравнительно слабее, чем у других земледельческих народов края, продолжали ещё долго практиковать перелог. Столь поздний переход жителей Башкортостана к трехполью связан с тем, что башкирский чернозем был очень плодородным и тучным, да к тому же обширность пахотных угодий позволяла вести экстенсивное хозяйство. Но к началу XIX века в Башкортостане, по замечанию некоторых исследователей,

наблюдается более заметный переход к трёхполью, ибо жителями «...пахотные поля делятся на три части, из которых одна на каждый год назначается под пар»⁹⁰. Плодородные башкирские земли при благоприятных погодных условиях давали неплохой урожай и без удобрения. Поэтому унавождение пашен практиковалось в крае мало, чаще всего здесь применялся своеобразный способ утучнения полей, называемый «толокою», о котором было сказано выше. Иногда для поднятия урожайности хлеба выжигалась оставшаяся после уборки на корню солома⁹¹.

Несмотря на примитивность техники земледелия, Оренбургская губерния полностью обеспечивала себя хлебом собственного производства. Излишки хлеба поступали также и в продажу. «Здесь родиться столько хлеба, - писал один из современников по этому поводу, - что не только достаточно для продовольствия внутреннего, но и немало вывозится оного в соседние губернии...и сверх того променивается хлеб в Оренбурге и Троицке за границу...»⁹².

Размеры посевов той или иной культуры, по данным отдельных уездов губернии, не везде были одинаковыми. Так, например, в Бугурусланском и Оренбургском уездах больше всего сеяли пшеницу, в первом 52822 десятины пшеницы против 826 десятины ржи⁹³. А в остальных уездах предпочтение отдавалось ржи. В Уфимском, Мензелинском, Бугульминском, Стерлитамакском, Верхнеуральском уездах посевы овса занимают второе место после ржи⁹⁴. Общая площадь всех посевов губернии в 1795 году составила 381881 десятины⁹⁵. А в 1786 году было засеяно 278882 десятины, в 1787 – 251681 десятины⁹⁵. Наибольшая часть земли принадлежала государственным крестьянам. В 1783 году на их долю приходилось 175487 десятины пашен. Посевы в хозяйствах помещиков края составляли в том же году примерно 44974 десятины⁹⁷. По сведениям губернской канцелярии, в 1796 году было посеяно всего «разного хлеба» 953990 четвертей, а урожай составил примерно 1919350 четвертей⁹⁸. А в 1798 году было посеяно несколько больше – 1029542 четвертей и было снято 4473520 четвертей хлеба⁹⁹. Как видим, в 1796 году урожай был примерно сам- 2, а в 1798 году – 4,3. В целом по краю по данным ведомостей об урожае, составленных губернской канцелярией, средний урожай был намного выше, чем сам – четыре*.

По данным Оренбургского губернского правления, посев ярового хлеба по отдельно взятым уездам составлял на душу населения обоого пола: в Баргузинском – 3,3; Бирском – 2,9; Белебевском – 2,7; Уфимском – 2,5; Мензелинском – 2,2; Бугульминском – 2,1 четвертей¹⁰⁰. В крае, согласно сведениям, собранным во время генерального межевания, под пашни было занято 2099170 десятины, 1289 сажень земли, а всего в крае было 28125489 десятины, 399 сажень земли¹⁰¹.

Таким образом, пахотные земли занимали примерно 7,4% общей земельной площади губернии. Благодаря обширности края и малочисленности его населения, обеспеченность жителей пахотными землями была довольно высокой. Так, государственные и экономические крестьяне деревень Лемезы и Тастуба Троицкого уезда на каждый двор имели в среднем по 32,8 десятин пашни¹⁰². Тептяри, ясашные татары, государственные крестьяне ряда деревень Кушинской волости того же уезда всего в 1364 дворов имели на каждый двор по 23 десятины пашни¹⁰³.

Естественно, обеспеченность крестьян землей не была одинаковой везде. В густонаселенных уездах, какими были Мензелинский, Уфимский, Бирский, Белебевский и другие она была несколько ниже, чем в восточных уездах края. Но в целом жители Башкортостана в этот период недостатка в угодьях не испытывали, как это было в центральных губерниях империи.

Заметное развитие в крае получило огородничество, в особенности в русских деревнях. Интересно отметить, что в последней четверти XVIII века в губернии появляются первые посадки картофеля - в Бузулукском уезде. П.И.Рычков, описывая занятия жителей края в 1767 году, указывал, что картофель или «земляные яблоки», ...не только не сажают, но и совсем оное произращение в здешних местах неизвестно¹⁰⁴. А в 1786 году в указанном уезде было посажено 1,5 десятин, в 1787 году - 0,25 десятин и в 1788 году - 3,1 десятины картофеля¹⁰⁵.

Важное место в хозяйстве жителей края, хотя и не в такой степени, как у башкир, занимало скотоводство. В некоторых селениях мишар, тептярей и даже русских оно занимало ведущее место в их хозяйстве. Например, государственные крестьяне деревни Косолаповой Челябинского уезда, по описанию землемеров во время Генерального межевания, «...промысел имеют хлебопашеством, а более скотоводством, коего и содержат в довольном количестве»¹⁰⁶.

Определенное место в экономической жизни края, наряду с горной промышленностью, занимали заводы по переработке продуктов сельского хозяйства - винокуренные, кожевенные, мыловаренные, салотопенные, свечкосальные. В конце XVIII века в Оренбургской губернии насчитывалось 12 винокуренных заводов, 11 из которых были частновладельческими. Эти заводы были сосредоточены в основном в трех уездах - в Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском - по 3, и в Уфимском, Бирском и Стерлитамакском - по 1¹⁰⁷. Винные заводы принадлежали крупным русским помещикам Оренбургской губернии Шишковым, Тимашевым, Рычковым, Ф.Квашнину-Самарину и т.д. Винный завод Бузулукского помещика Ф. Шишкова, например, производил в год 26020 ведер вина (данные 1798 года). Заводы остальных помещиков производили от 3000 до 12000 ведер вина в год¹⁰⁸. Всего в 1800

году в 10 заводах губернии было выкурено 95834,3 ведер вина¹⁰⁹. Выкуриваемое вино по заключенным контрактам с казенной палатой поставлялось в питейные дома городов и сел губернии. Вино и водка шли в основном на внутреннее потребление и за пределы края вывозились мало. В последней четверти XVIII века в Башкортостане действовали 24 кожевенных, 2 мыловаренных, 5 салотопных и 8 свечкосальных заводов¹¹⁰. В крае также имелись 46 поташных, 1 стекольный, 43 кирпичных заводов и 1 суконная фабрика¹¹¹. Владельцами их являлись русские и татарские купцы, башкирские старшины, кантонные начальники. Эти предприятия по своим размерам были небольшие, применялся в них в большинстве случаев наемный труд. Продукция указанных предприятий, за исключением поташа и кожевенных изделий, шла в основном на внутреннее потребление.

Города края, выдвинувшиеся после открытия Уфимского наместничества в административные центры, были развиты слабо в экономическом отношении и поэтому не стали промышленными центрами. В целом в Башкортостане промышленность и ремесло не получили широкого развития. В сельских местностях развивалось кустарное производство, продукция которого в ограниченных количествах поступала на рынки губернии.

Общие сдвиги в хозяйственной жизни Башкортостана способствовали расширению товарных отношений как между отдельными районами края, так и с соседними губерниями и в особенности с Казахстаном и Средней Азией. Следует подчеркнуть, что города Оренбург и Троицк были крупными пунктами транзитной торговли российских купцов со Средней Азией и Казахстаном. Наиболее значительным центром торговли был Оренбург. Здесь бойко шла торговля с казахами, среднеазиатскими купцами. Так, в 1801 году в Оренбург на торги прибыли купцы из Средней Азии на 963 верблюдах. Они реализовали российским купцам товаров всего на 138469 рублей, а азиатскими купцами было приобретено товаров на 154417 рублей. Всего через Оренбург в этот год за пределы империи было продано товаров и хлеба на сумму 454441 рублей¹¹². В свою очередь российские купцы также часто наряжали и отправляли торговые караваны в среднеазиатские города. Например, в 1799 году был отправлен из Оренбурга в Бухару караван с товаром на сумму 8000000 рублей, в 1800 году – тоже на такую же сумму¹¹⁴. Среднеазиатские купцы торговали разными шелковыми материалами, парчой, бумажными и шерстяными азиатскими изделиями «собственного производства и индийскими», различными красками и полудрагоценными камнями¹¹⁵. В Оренбурге и Троицке также шла торговля пригоняемыми казахами огромными партиями скота. В Оренбургский меновой двор только в 1792 году прибыло более 2791 казахов, которые обменивали на юфть, сукно,

металлические изделия, хлеб и так далее более 1079 голов лошадей, 57 жеребят, 555 быков, 20506 голов баранов, 6441 ягнят, 7684 коз¹¹⁶.

Царское правительство всегда обращало особое внимание на налаживание торговых связей с Средней Азией и Казахстаном. Прежде всего, оно было заинтересованно в этом из-за политических соображений, подразумевавших дальнейшую экспансию на Восток. Этим объясняется разрешение среднеазиатским купцам заниматься торговлей и переходить в вечное или временное подданство Российской империи, записываться в купеческую гильдию с предоставлением кредита на три года. С иностранных купцов пошлины взимались весьма умеренные. Местной администрации было предписано соблюдать порядок в меновых дворах, и не допускать каких либо действий, могущих вызвать недовольство среднеазиатских купцов¹¹⁷.

Однако к концу XVIII века торговые связи со Средней Азией и особенно с Казахстаном значительно ухудшились. Это явление было следствием усиления враждебных выступлений казахских родов против России. Участились нападения казахов на купеческие караваны, которые шли через их степи. В 1799 году казахи Чаклинского рода разграбили караван русских купцов, который направлялся в Бухару¹¹⁸. Росту торговых отношений с самими казахами мешала также вражда, существующая между башкирами и ими, насажденная в своё время И.Неплюевым.

Поэтому Сенат, обеспокоенный создавшимся положением, своим указом от 1802 года, адресованном Оренбургскому военному губернатору Бахметеву, предписал не допускать впредь «...всяких притесновений причиняемых киргизам и другим народам, приезжающим на ярмарку¹¹⁹».

Уфа, расположенная в центре Башкортостана, имела торговые связи, как отмечается в документах, с Москвой, Казанью, Оренбургом, Ирбитом, Троицком, Макарьевской ярмаркой, Сибирью и другими «окружными городами». Приезжие купцы покупали в Уфе в основном продукты животноводства, соль и пушнину. В течении 1776 года торговцами Уфы в другие города было продано: сала сырца 10000 пудов на 12000 рублей, кож сырых – 20000 штук на 16000 рублей, кож выделанных на юфть – 5000 штук на 7500 рублей, меду – 2000 пуда на 6000 рублей, пушнины (куней, заячьей, беличьей, горностая, ласки, норки и т.д.) – всего на 6000 рублей, соли из Соль-Илецка -20048 пудов на 36500 рублей¹²⁰.

Уфимские купцы вели торговлю различными привозными товарами, закупленными в других городах и ярмарках – российскими и иностранными шелковыми тканями, сукном, водкой, виноградными винами, сахаром и прочей бакалей¹²¹.

С развитием земледелия в крае значительное место в торговле стал занимать хлеб. Более всего практиковалась скупка хлеба купцами у крестьян, а затем перепродажа его на рынках¹²².

Например, уфимский купец П.В.Анисимов ежегодно скупал хлеба на 10000 рублей и сбывал его другим купцам¹²³. Торговлей хлебом занимались в основном купцы городов Бугульмы, Мензелинска, Бирска и Стерлитамака¹²⁴.

Таким образом, в крае в последней четверти XVIII века усиливаются товарно-денежные отношения. Башкирское население также вовлекалось в сферу торговой деятельности. Башкиры вели торговлю скотом, особенно лошадьми, медом, воском, мехами, и лесом. Сами башкиры в обмен брали предметы домашнего обихода, хлеб, одежду, украшения и так далее. На развитие торговых отношений среди башкир положительное влияние оказал указ правительства от 1776 года, разрешивший башкирским и мишарским старшинам производить торговлю по всей России¹²⁵. Башкирских феодалов, занимающихся торговлей, можно было встретить на Макарьевской и Ирбитской ярмарках, в других торговых точках. Башкиры, желающие ехать торговать в указанные места, должны были получить специальное разрешение местных властей на это. Так, башкиры Киргизской волости Казанской дороги просили у местной земской конторы разрешить им поездку в г.Самару для продажи лошадей¹²⁶. В другом случае башкиры той же дороги просили отпустить их на Макарьевскую ярмарку¹²⁷.

Однако из числа башкир было мало купцов и людей, занимающихся исключительно торговыми делами. Башкиры-торговцы играли чаще всего роль посредников между русскими и татарскими купцами и башкирским населением. Они продавали среди односельчан полученные у других товары, в обмен брали у них продукты башкирского хозяйства. Также была распространена развозка товара среди башкир купцами, особенно татарскими, для «...всегдашнего их употребления одежды состоящей из суконного шитья...платья,...разных шелков, бумаг и другой мелочи»¹²⁸.

Можно сделать вывод, что товарно-денежные отношения среди башкирского народа были развиты слабо. Башкирская торговля была местной и носила меновой характер. Но в целом в крае в последней четверти XVIII века значительно усиливаются товарно-денежные отношения. Города Оренбург и Троицк стали крупными центрами торговли с Казахстаном и Средней Азией. Это оказывало благотворное влияние на втягивание края в общероссийский рынок.

Итак, в последней четверти XVIII века в хозяйственной жизни башкир произошли определенные сдвиги, связанные с постепенным переходом их к земледелию. Но по-прежнему для большинства башкирского населения основным занятием продолжало оставаться скотоводство. Исключение из этого составляли башкиры, проживающие в северо-западных уездных волостях Башкортостана. По роду занятий и

соответственно по степени хозяйственного развития башкирское общество представляло собой пеструю картину. Это является показателем своеобразия переходного периода от полукочевого вида к оседлости. Рост производительных сил в башкирском обществе шел медленными темпами. Башкиры слабо были втянуты в товарно-денежные отношения, мало занимались промышленной деятельностью. Но, несмотря на это, общие хозяйственные сдвиги, наблюдавшиеся в башкирском обществе, приводили, как увидим дальше, к усилению имущественной дифференциации, к дальнейшему втягиванию башкир в рыночные отношения, преодолению пережитков патриархального образа жизни.

§ 3. Социальные отношения в башкирском обществе

Неравномерный характер хозяйственного развития башкирского общества обусловил пестроту и сложность социальных отношений внутри него. Как известно, основным определяющим фактором феодальных и вообще социальных отношений являются формы собственности на средства производства и следующая отсюда степень проявления личной зависимости непосредственно производителей от собственников средств производства. Основными средствами производства в полукочевом скотоводческом обществе выступали земля и скот. Земля, как и следовало быть в чисто скотоводческом хозяйстве, находилась в общинной собственности. При раннем этапе развития феодальных отношений в башкирском скотоводческом обществе, когда сенокосение и занятие земледелием только начали проникать в их хозяйство, земля выступала как пастбище, она не требовала для своей эксплуатации приложения человеческого труда. Подобная форма эксплуатации земли обусловила особенности землевладения и своеобразие социальных отношений. В башкирском обществе в какой-то степени сохранились пережитки патриархального строя, которые постепенно преодолевались в условиях развития феодальных отношений. В последней четверти XVIII века произошли серьезные изменения в жизни башкирского общества. Это связано с тем, что башкирское население наряду со скотоводством уже начинает в более возрастающих размерах заниматься земледелием, повсюду распространяется сенокосение. Даже переход к сенокосению, который требовал приложения труда производителя к земле, приводил к поднятию роли земли как средства производства. Переход к земледелию способствовал разрушению общинной собственности на землю, ибо эта форма собственности всё более становится тормозом развития производительных сил в условиях феодализма. Как известно, занятие хлебопашеством среди башкир не получило (за исключением северо-западных районов) должного развития. Поэтому общинная форма

собственности на землю была господствующей в башкирском обществе. Но распространение земледелия, дальнейший рост производительных сил постепенно разрушали эту форму собственности на земле. Такая картина наблюдалась в Башкортостане в исследуемый период. Общинное землевладение в крае имело свои разнообразные оттенки. Земля, в некоторых случаях, находилась в совместном владении даже нескольких волостей. Материалы Генерального межевания башкирских земель свидетельствуют об этом. Так, башкиры целого ряда селений Каратабынской и Баратабынской волостей Челябинского уезда с количеством 1389 дворов имели в совместном владении 148376 десятин 1687 сажень земли¹²⁹. А башкиры Карагай-Кипчакской, Бурзянской и Тангаурской волостей Верхнеуральского уезда без какого-либо раздела пользовались сообща 1084704 десятинами 538 саженьями земли¹³⁰. Очень показательно в этом плане прошение башкирских поверенных Телявской, Каратабынской и Кудейской волостей, данное в 1800 году землемеру И.Р.Ярцеву. Поверенные уведомяли, что волости Кудейская и Телявская выделились позже из Каратабынской волости, а до этого они «... в землях своих никакого разделения ... не имели» и лишь только во время межевания их общинная земля была разделена между волостями. Желая по-прежнему владеть землей совместно, они просили межевать их земли в одну межу¹³¹.

Аналогичный характер носит апелляционная жалоба башкир Тангаурской волости. Они писали, что «...имеем мы во владении земли, сеяные покосы и прочие угодья ... вообще Бурзянской волости с одноводчинниками башкирцами и коею мы владели с нами до 1803 года», то есть до отдельного обмежевания их по волостям¹³².

Но наиболее распространенной формой башкирского землевладения была общинная собственность на землю в пределах одной волости. В документах земельных сделок в качестве владельцев земли выступают все члены той или иной волости. Продажа земель или отдача их в оброк совершалась «...с общего согласия» всех жителей волости¹³³.

В связи с переходом к земледелию, в этот период в Башкортостане уже наблюдается распад крупных волостных земель на более мелкие единицы владения. В качестве земельных собственников начинают выступать выделившиеся из бывших родоплеменных волостей тьюбы, аймаки, иногда и отдельные деревни. Такое явление было характерным для башкирских районов, где земледелие стало играть сравнительно большую роль в хозяйстве. Например, у башкир Байлярской, Енейской и др. волостей Мензелинского уезда общинное землепользование распространялось только в пределах отдельных тюрб, выделившихся из бывших родовых волостей¹³⁴. Тьюбы обычно объединяли несколько деревень (чаще всего 2-3)¹³⁵.

Иногда земли находились в общинном владении не только тюбы, но даже и отдельных башкирских деревень. Чаще всего такой тип землевладения встречается в густонаселённых уездах, где сплошь и рядом с башкирской деревней располагались селения русских крестьян-припущенников. В Бирском уезде из состава тюбы со своими обособленными земельными угодьями выделились башкиры деревень: Шады Шемшадинской волости: Кигазы Уфатаныпской волости¹³⁶. В 1799 году башкиры Минской волости Уфимского уезда разделили вотчинные земли между деревнями Мусино и Сабырово¹³⁷. Эти факты свидетельствуют об усилении процесса распада башкирских волостей в конце XVIII века на более мелкие хозяйственные единицы. О выделении земельных участков в частную собственность отдельных хозяев среди башкир фактов мало. Но все же в этот период появляются индивидуальные земельные владения- «повытья»: хозяин повытья мог распоряжаться им по своему усмотрению, то есть продавать, закладывая и т.д.¹³⁸. О том, что земельные угодья переходили в частную собственность отдельных семей, показывает жалоба башкир деревни Зюбеировой Аптикаея Евкеева и Аллакая Зюбеирова на жившего с ними в одной деревне состоятельного башкира Акая Зюбеирова, который «насильством своим принадлежащими им землями завладел три загона...»¹³⁹. Выходит, что в этой деревне земельные угодья находились во владении отдельных хозяев. Указ Сената 1819 года, разрешивший продавать земли башкирам – частновладельцам, как нам кажется, тоже свидетельствует об этом¹⁴⁰. Разумеется, что повытья и вообще частная собственность на землю среди башкир могли возникнуть только в связи с переходом к земледелию. Повсюду в Башкортостане в частном владении находились бортные угодья и бобровые гоны.

Таким образом, наряду с общинной собственностью на землю, в башкирском обществе появляется и другая форма землевладения – частная собственность на землю. Общинное землепользование в скотоводческом обществе имело свои особенности. Богатая верхушка общины, владея огромным количеством скота, фактически распоряжалась общинной землей, ибо, как писал К.Маркс «...у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли – на овец, например – это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»¹⁴¹. Бедные общинники, не имея достаточного количества скота и других средств производства, были лишены возможности осуществлять своё юридическое право на пользование землей.

Как же распределялась общинная земля между башкирами, особенно в тех местах, где они занимались хлебопашеством? У башкир практиковались две системы разверстки общинной земли – по работникам и ревизским душам. Более всего было распространено деление по ревизским душам.

Земля сначала делилась на части по числу ревизских душ, а затем эти части распределялись между домохозяевами по числу годных работников, исключая стариков. В некоторых башкирских волостях существовали так называемые «общественные запашки», особенно широкое распространение они получили в связи с переходом к кантонной системе управления, когда башкир принудительным порядком заставляли заниматься земледелием.

При распределении пастбищ, кочевых, охотничьих, бортовых и других угодий, решающее слово принадлежало богатым общинникам. Поэтому все лучшие угодья попадали в их руки и, тем самым, эта верхушка получала возможность реализовывать фактическое владение общинными землями.

Таким образом, в башкирском обществе феодальная эксплуатация его бедных членов богатыми, осуществлялась через специфические формы землепользования.

В башкирском обществе в исследуемый период господствовали феодальные отношения. Феодалы юридически не обладали монопольным правом на владение землей, феодальная верхушка имела довольно тесные связи с рядовыми общинниками. В условиях совместной борьбы против земельных расхищений, религиозных гонений, царское правительство, разочаровавшись в «верности» башкирской старшинской верхушки, активно выступавшей в восстаниях башкирского народа, в Крестьянской войне под предводительством Е.Пугачева, пошло по пути ослабления её политических и экономических позиций. Как видно из прошлой истории Башкортостана, башкирская старшинская верхушка всегда враждебно относилась к мероприятиям царизма, проводимым в крае, ибо в них она видела наступление на собственные права и привилегии¹⁴². Поэтому башкирские тарханы, старшины не получили особых привилегий и не вошли в состав русского дворянства. Более того, бывшие тарханы, по своему положению заметно выделявшиеся от простых башкир, в связи с отменой уплаты ясака в 1754 году, потеряли свое бывшее значение, не получив каких-либо прав и привилегий¹⁴³. С указанного времени присвоение этого звания было вообще приостановлено. Доказательством того, что правительство больше не жаловало тарханского звания, является интересный документ, обнаруженный нами в архиве. В 1778 году ясашный татарин Юсуп Надыров подал Сенату челобитную с просьбой пожаловать его семейству тарханское звание, ссылаясь на то, что его предки когда-то были тарханами. Свою личную заслугу перед престолом он видел в активном участии при подавлении башкирских восстаний. Однако Сенат, наградив Надырова за заслуги саблей и медалью, не удовлетворил его просьбу, мотивируя это тем, что «возведение в тарханство теперь уже приостановлено»¹⁴⁴.

Но все же в Башкортостане, по данным Оренбургского губернатора, в 1777 году насчитывалось 664 бывших башкирских тархан, составляющих сравнительно привилегированную верхушку башкирского общества¹⁴⁵.

Как увидим дальше, после подавления Крестьянской войны 1773-1775 годов царское правительство пошло по пути еще большего ослабления позиций башкирских старшин. Так, в связи с проведением губернской реформы в 1782 году, старшины оказались подчиненными уездным исправникам и часть их функций, особенно судебные, перешли к уездным нижним расправам. Лишь несколько позднее, убедившись в благонадежности башкирской богатой прослойки, царизм решил удовлетворить некоторые их требования, что выразилось в постепенном переводе башкир в военно-служилое сословие. Сравнительно слабая как в экономическом, так и в политическом отношении феодальная прослойка башкирского общества не смогла противостоять русскому дворянству, помещикам. Это облегчало захват башкирских земель русскими помещиками и привело к созданию в Башкортостане крупного помещичьего землевладения, устранив в этом деле главного конкурента – башкирскую феодальную верхушку.

Естественно, имущественно более крепкий слой башкир, пользовавшийся известными привилегиями и правами, являлся опорой самодержавия в деле укрепления своих позиций среди башкир. Но феодальным классом, на который опирался царизм в конце XVIII века в целом в Башкортостане, были русские дворяне и помещики, которые установили здесь свое безраздельное господство, ставшее особенно заметным после административных реформ конца XVIII века.

Опорой самодержавия в крае также являлись служилые татарские феодалы – мурзы. Царизм всегда ставил их в особое положение по сравнению с башкирской феодальной знатью. В то время, когда татарские мурзы резко выделялись от общей массы, башкирская верхушка несла военную и другие повинности наряду с бедными однообщинниками. Создав разность положения для социально равных групп, царские власти прежде всего стремились противопоставить их друг другу и не допустить сближения их на основе общих интересов. Более того царизм, как уже говорилось, не доверяя башкирской верхушке, которую считал ненадежной, старался делать ставку на татарских феодалов, проявивших больше гибкости и пронырливости. Это ярко видно в том, что руководящее положение в Мусульманском духовном собрании, открытом в 1789 году, заняли именно представители татарских феодалов, из которых были назначены муфты, его помощники, большинство ахунов на основе специального указа правительства¹⁴⁶.

Политика царизма в отношении башкирской феодальной знати не оставалась без изменения. С переходом к кантонной системе управления она была поставлена в более привилегированное положение по сравнению с рядовыми башкирами. В период кантонного режима башкирское военное-чиновничье сословие постепенно укрепляло свои позиции, подчинив себе рядовых башкир.

Однако в исследуемый период башкирское общество отнюдь не представляло собой однородной в социальном отношении массы. Башкирские старшины и духовенство, особенно его верхушка, несомненно выделялись из общей массы своим богатством и своими, хотя и урезанными по сравнению с русским дворянством, правами. Как указывает путешественник П.С.Паллас, богатые башкиры являлись обладателями огромных табунов, насчитывающих от 2000 голов лошадей¹⁴⁷. То же самое подчеркивает и И.Г.Георги. Он пишет, что если простые общинники имели от 50 и до 70 голов лошадей, то у богатых поголовье достигало от 200 и до 1000 голов, чему соответствовало число и рогатого скота¹⁴⁸. Дореволюционный историк Н.Попов, изучивший хозяйство башкир Пермской губернии в начале XIX века, также показал значительность имущественного различия в башкирском обществе. Так, богатые башкиры Шадринского уезда имели от 100 и до 200 голов скота, бедные – от 10 до 20 голов¹⁴⁹. Эта богатая верхушка стремилась подчинить себе бедных башкир, всячески старалась закрепить свое господствующее положение среди масс. Царизм постоянно подкреплял ее стремления различными подачками, хотя не торопился перевести башкирскую знать в дворянское сословие империи. В целом политика царского правительства в отношении башкирского старшинства оказала заметное влияние на условия и направления развития Башкортостана в XVIII- XIX веках и на особенности феодальной эксплуатации в башкирском обществе.

Наиболее многочисленную категорию башкирской богатой верхушки составляли старшины – юртовые и походные. Административная власть в башкирских волостях находилась в их руках. Старшины, их помощники, выделялись из общей массы не только своим богатством, но и своим положением. Формально рядовые башкиры были равноправными членами общества наряду с представителями феодальной верхушки. Но фактически старшины, используя свое экономическое положение, власть, данную им сверху, держали в зависимости рядовых общинников, пытались использовать их в целях обогащения. В башкирском обществе феодальная эксплуатация носила несколько своеобразный характер. Это происходило от того, что у башкир не существовало личной зависимости бедных членов от богатой верхушки, в отличие от классических форм феодальных отношений. Можно сказать, что такая особенность вообще характерна для кочевых, скотоводческих обществ. Здесь феодальная эксплуатация, как

отмечалось многими исследователями, выступает в явно завуалированной форме, ибо богатые общинники, которые имели свое обширное хозяйство, тем или иным путем пользовались трудом бедных башкир. Для этой цели они пользовались патриархально-родовыми формами эксплуатации – сауан и омэ¹⁵⁰. Отбывание различных повинностей бедными членами общества за своих богатых сородичей за определенное вознаграждение, попадание в долговую зависимость также были своеобразными формами закабаления несостоятельных общинников. В последней четверти XVIII века развитие производительных сил, оказав заметное влияние на хозяйственную жизнь башкир, привело к углублению социальной дифференциации башкирского общества. Поэтому социальный антагонизм более рельефно выступал в земледельческих районах Башкортостана. Ряд мероприятий царского правительства также привел к углублению и обострению социальных отношений в башкирском обществе. Так, например, при Генеральном межевании башкирских земель происходило раздробление вотчинных земель на мелкие участки, которые закреплялись за отдельными группами хозяев, а это означало «межевание» и самих башкир. Образование Мусульманского духовного собрания поставило, так сказать, «на законной основе» в привилегированное положение представителей мусульманского духовенства, ибо они были освобождены от платежа податей, несения военной службы и других мирских повинностей¹⁵¹. Следует к этому добавить, что многочисленный отряд духовенства – ахуны, муллы, ишаны жили за счет всякого рода подношений, подаваний народа. Наконец, перевод башкир и мишарей в военное сословие привел к резкому выделению старшинской верхушки над «рядовыми» и «низшими» чинами, способствуя обострению социальных отношений в башкирском обществе.

После подавления Крестьянской войны 1773-1775 годов в Башкортостане, в связи с ухудшением положения населения, усиливается тенденция к закабалению башкирской бедноты, потерявшей возможность вести свое хозяйство из-за полного обнищания и разорения. Она часто попадала в экономическую зависимость от имущих членов общества. Хотя этот процесс не был всеобщим, но все же имели место отдельные факты, свидетельствующие о закабалении несостоятельных башкир не только своей верхушкой, но мишарскими и русскими феодалами. Так, в 1776 году башкир Айлинской волости, Исетской провинции Касымбай Асыкаев «отдал» 18 летнего сына Сутая челябинскому купцу Е.М.Сапожникову «в вечное услужение» за 50 рублей денег, ибо Асыкаев «..в известный мятеж пришел в самое крайнее разорение и нищиту»¹⁵². Исетская провинциальная канцелярия утвердила законность этого закрепощения. В 1787 году башкиры той же волости Халиль Алякбаев с женой «самопожелавшие быть в услужении», были проданы одним помещиком другому за 90 рублей¹⁵³.

Часто обедневшие башкиры попадали в вечную кабалу из-за невозможности уплаты долгов. В 1779 году прапорщик Н.Крючков обратился с просьбой к И.А.Рейнсдорпу разрешить ему закрепить башкир Барынтабынской волости Бердигула «с женою и братом его родным», которые «в прошедшее замешательство пришли в крайнее разорение и нищету» и взяли у Крюčkова еще в 1777 году «на пропитание денег». Эти башкиры должны были попасть в вечную кабалу к Н.Крючкову.¹⁵⁴

Закрепощение башкир облегчалось тем, что в соответствии с инструкциями бывшего губернатора И.И.Неплюева от 1738 года и вице-губернатора Аксакова от 1742 года разрешалось «брать во услужение» башкир¹⁵⁵. Власти видели в этом своеобразную форму наказания башкир – участников восстаний. Однако в 1779 году, по распоряжению И.А.Рейнсдорпа, был запрещен заклад и продажа башкирских детей, вообще закрепощение башкир. Башкирским старшинам было приказано не допускать «порабощения в командах своих башкирцев»¹⁵⁶.

Этот приказ И.А.Рейнсдорпа был ответом на бесконечные жалобы башкир, находившихся в руках помещиков. А также для властей не было желательным закрепощение башкир, несших линейную службу. Сами башкирские старшины в своих рапортах губернатору писали о сокращении числа людей, годных к военной службе¹⁵⁷. Разумеется, что бедняки, попавшие в вечную кабалу, находясь в положении, ничем не отличавшемся от рабского, не имели возможности нести какие-либо повинности в пользу государства. Поэтому для царского правительства была более выгодной служба башкир «Его императорскому Величеству». Этим соображением руководствовались власти, запретив впредь закабаление башкир.

Однако башкиры так или иначе попадали под экономическую зависимость от местных феодалов. Широко было распространено в это время занятие бедняками у богатых денег или скота на условиях отработок. Тем самым устанавливались временные кабальные отношения. В 1799 году башкир Казанской дороги Дуванейской волости Юсуп Юлдашев взял у ясажного татарина Ногайской дороги Бакия Абдулгазыева 33 рубля денег, с условием «быть домовою его работе...впредь на 1 год», всего за 6 рублей, а остальные 27 рублей подлежали возврату¹⁵⁸. В другом случае башкир Иланской волости этой же дороги дал житейскую запись мишарю Сулейману Абзыкаеву в том, что за 50 рублей денег отдал двух сыновей «в домовую его работу на 7 лет»¹⁵⁹. В целом, как свидетельствуют многочисленные документы, закабаление бедняков заимодавцами было массовым явлением.

Как известно, на территории Башкортостана находились и русские феодалы, имевшие огромные земельные владения, обрабатываемые крепостными крестьянами. Однако русские помещики и дворяне не

представляли здесь обособленную группу, эксплуатировавшую только переселенных ими сюда русских крепостных крестьян. В сферу эксплуатации этих феодалов постепенно попадали и представители башкирского населения. Как уже указывалось, башкиры в результате всевозможных долговых обязательств оказывались в крепостной зависимости от русской феодальной верхушки. Но более широкое распространение получило выполнение всяких работ до расплаты за взятые деньги или продукты. Об этом свидетельствует, например, запись башкира Сибирской дороги Тимофея Михайлова о займе денег с условием отработки части долга у заимодавца Я.Н.Масленникова¹⁶¹. Так устанавливались временные кабальные отношения.

Также широко практиковался заем денег бедными башкирами у русских купцов, помещиков, с условием уплаты части долга различными продуктами, особенно медом. Богатые уфимские купцы А.М.Подъячев, С.А.Жулябин и другие держали в долговой зависимости много башкирских семей. В результате ростовщической деятельности они получали по низкой цене с башкир мед, мех и другие продукты для сбыта их с большой выгодой для себя¹⁶².

Таким образом рядовые башкиры, формально являясь свободными членами общества, так или иначе находились в зависимости от местных феодалов. Формы феодальной эксплуатации в башкирском обществе были различными – сохранились традиционные омэ, саун, существовали долговая кабала, ростовщичество.

Своеобразной формой эксплуатации башкир-бедняков богатой верхушкой выступало возложение последними на первых несение повинностей. При этом допускались злоупотребления, насилие со стороны старшин в отношении своих неимущих однообщинников.

В целом в башкирском обществе наблюдалась довольно сложная картина социальных отношений. Отсутствие в нем вполне сложившегося и резко выделявшегося из общей массы класса феодалов со своими сословными привилегиями было результатом политики царизма, направленной на ослабление позиций башкирской старшинской верхушки, которая в силу некоторых исторических обстоятельств не смогла найти с ним общий язык. Однако в последней четверти XVIII века, как увидим дальше, башкирское старшинство, доказав свою верность престолу, стало послушным орудием самодержавия в крае. Это было прежде всего связано с переходом к кантонной системе управления.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Так, например, профессор Акманов И.Г. считает, что численность башкир обоего пола к началу XVIII века достигла примерно 340-400 тысяч человек. См.: Акманов И.Г. Башкирское восстание 1704-1711 гг. // Из истории Башкирии. Уч.записки БГУ. Вып 7.- Уфа, 1968. -С.30. В начале XVIII века башкир насчитывалось достаточно много. В последующие годы подавления, во время башкирских восстаний, численность башкир сильно сократилась. Так, по сведениям Рычкова П.И., во время башкирского восстания 1735-1740 гг. в течение 5 лет было убито, казнено, выслано за пределы Башкортостана и роздано помещикам более 28491 башкир. Он же писал, что некоторые башкирские селения, например, «деревня Сеянтусы и жители с их женами и детьми от мала до велика через одну ночь огнем и оружием погублены, а жилища их в пепел обращены...» См: Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750).-Оренбург, 1896.-С.56.
2. Российский Государственный Архив Древних Актов (в дальнейшем РГАДА). Ф.16.Оп.1. Д.816. ЛЛ.29-28. Интересно, что общую численность башкир И.А.Рейнсдорп в данном случае вывел полагая на каждый двор не по 4 человека, как тогда было принято, а несколько больше.
3. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1. Д.196. ЛЛ.267-317. В каждом башкирском дворе проживало гораздо больше людей, чем 4. Поэтому указанная численность башкир является явно заниженной. Об этом речь еще будет идти впереди.
4. Российский Государственный Военно-Исторический архив (в дальнейшем РГВИА). Ф.ВУА. Д.18894. Л.24.
5. Государственный Архив Оренбургской области (в дальнейшем ГАОО). Ф.3.Оп.1. Д.175. ЛЛ.2-3.
6. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч.1. Уфа, 1957.-С.46.
7. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.6080. Л.6: Д.3279. ЛЛ. 30-31. Так, например, по Кушенской волости Троицкого уезда в среднем на каждый двор приходится по 7 человек. А в деревне Байрамгуловой того же уезда в каждом дворе в среднем проживало по 13 человек.
8. Согласно подушному исчислению, данному в Полном Собрании Законов Российской империи 1770 г., т. XIX, №13489, в Исетской и Уфимской провинциях проживало 156049 человек обоего пола «иноверцев», куда входили башкиры, мишари, тептяри и т.д.
9. Материалы по истории БАССР. Т.V.-М., 1960. Д. №389. В архивах Санкт-Петербургского отделения института истории (СПб.ОИИ)

имеются другие данные, где количество башкир обоого пола 71448 м.п. и 67298 ж.п. См. СПб.ОИИ. Ф.36. О.1. Д.540. ЛЛ.2. об.3.

10. Кузеев Р.Г. Указ.соч.-С.46.
11. РГАДА.Ф.248.Оп.80. Д.6561/1.Л.27 об.
12. Кузеев Р.Г., Усманов А.Н. Новые сведения о численности башкир в XVIII- XIXвв.// Итоги научной сессии за 1965 г. Уфа,1966. С.77.
13. РГВИА. Ф.ВУА.Оп.1. Д.20901.Л.1.
14. РГАДА.Ф.1355.Оп.1.Д.926.Табель Оренбургской губернии. СПб.
15. Российский Государственный Исторический архив (в дальнейшем РГИА).Ф.1530.Оп.312.Д.213.Л.47 об.(13628 м.п. и 12368 ж.п.).
16. Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Оренбург, 1928.-С.86.87.88.
17. СПб. Ф.36 О.1.Д.540. Л.2.об-3: А в 60-х гг. XVIII в. по 3-ей ревизии всего населения в крае было 421119 чел. об.пола. См.:Материалы по истории Башкирской АССР. М.,1956. Т. IV. Д.353.
18. РГАДА.Ф.1355. Оп.1.Д.926.Табель: В материалах РГВИА численность населения составляет 691879 чел. об.пола. См. ФВУА. Д.20901, карта губернии, относящаяся к 1802 г.
- + РГАДА. Ф.1355. Д.926. Табель Оренбургской губернии.
19. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1. Д.196. Л.354.
20. РГАДА. Ф.248. Оп.81. Д.6680/368.Л.1113.
21. РГАДА. Ф.1537. Оп.1.Д.90.Л.400-461.
22. Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька И.П. СПб.,1824//Полное собрание ученых путешествий. Т.6.Ч.1. С.321.
23. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.,1799. Ч.1-П.- С.98.
24. Георги И.Г. Указ.соч.- С.98.
25. Там же.- С.98.
26. Там же.
27. Труды Вольного Экономического общества. Т.IV.Ч. VII. СПб.,1767.- С.132.
28. То есть близкие к деревне луга оставляли для кошения сена.
29. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1. Д.196. Л.230-233 об.
30. РГАДА. Ф.1335. Оп.1.Д. 1881. Л.72. Д.1886. Л.55. Д.1884. Л.215 и т.д.
31. РГАДА. Ф.1335. Оп.1.Д. 1881. Л.72. Д.1886. Л.55. Д.1834. ЛЛ.386-387.
32. Там же. Д.1884. Л.31; Д.1871, ЛЛ.27, 214.238 и т.д.
33. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д. 1871. Л.152.
34. Рычков П.И. О земледелии в Оренбургской губернии.// Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. II. Уфа,1873. -С.134.

35. Мертваго Д.Б. Записки Д.Б. Мертваго (1760-1824)//изд.Русского архива. М., 1867.-С.90. Д.Б. Мертваго – советник Уфимского наместнического правления (1787-1797 гг.).
36. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1886. Л.112 об.; Д.1884. Д.935. Л.45. Д.938. Л.179 об. и т.д. Так башкиры Оренбургского уезда Кипчакской, Каракипчакской, Бурзянкипчакской, Усерганской, Бушмас-Кипчакской, Тамьянской, Чанким-Кипчакской волостей всего в 2986 дворов имели 35224 десятины сенных покосов. В это число, по всей вероятности, также вошли и все пастбища.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2. Т.28. С.214.
38. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1879. ЛЛ.57-347 об.
39. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1879.Л.62. Здесь на 173 двора имеется 4757 десятины 960 сажень пахотной земли.
40. Там же. Л.166 об.
41. Там же. ЛЛ.240-248 об.
42. Там же. Л.347. На 13666 дворов – 242755 десятины пашни.
43. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1871. ЛЛ.64 об.279.
44. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.18 Л.145.
45. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1884. ЛЛ.386-387.
46. Там же. Л.4154 об.
47. Там же. Л.374 об., Л. 376 об. У башкир Трухменского аймака Урман-Кудейской волости на каждый двор приходится по 0,3 десятины пахотной земли.
48. РГАДА. Ф.1344. Оп.1.Д.1886. Л.55.
49. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1881. Л.31.
50. Там же. Л.28, об.
51. Там же. Л.148 об.
52. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1881. Л.156 об. При этом нужно учесть тот факт, что число всех башкирских дворов также включено сюда.
53. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д. 935. Л.106 об.
54. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.938. Л.191.
55. Там же. Л.110.
56. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.1881. Л.134.
57. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.740. Л.113.
58. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.929. Л.78.
59. Там же. Л. 52
60. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.935. Л.22. Д.940. Л.162 и т.д.
61. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.935.. Л.158.
62. Труды Вольного Экономического общества. СПб.,1767. Т. IV. Ч. VII.-С.141.
63. Там же. -С.142
64. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.213. Л.47. об.-50.

65. Материалы по истории БАССР. Т.IV. М.,1956. Д.№372.
66. Записки Оренбургского губернатора И.А.Рейсдорпа // Вестник императорского русского географического общества. 1859. №9-12. Вып.27.-С.96.
67. Материалы по истории Башкирской АССР (в дальнейшем Материалы).-Т.V. -М.,1960.Д.№396.
68. Записки Дм.Волкова об Оренбургской губернии // Вестник русского географического общества.- 1859. №9.- С.55.
69. Руденко. Башкиры.- М.:Л., 1955.-С.96.
70. Труды Вольного Экономического общества. СПб.,1767. Т. IV. Ч. VII.- С.176-177.
71. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.935. Л.43.
72. Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний... часть II. СПб., 1810.-С.315.
73. Георги И.Г. Указ.соч.-С.99.
74. Там же.
75. Материалы.- Т. V. Д.№№ 277, 284, 286 и т.д.
76. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.940. Л.162. Д.740. Л.76 и т.д.
77. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.201 Л.470.
78. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18895. Л.11.
79. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.181.Л.174.
80. Там же.Л.174.
81. ГАОО. Ф.3.Оп.1. Д.201. Л.470.
82. РГИА. Ф.1350. Оп.312.Д.213.Л.50.
83. РГИА. Ф.248. О.80.Д.6611.Ч.1.Л.83.
84. РГИА. Ф.1357. Оп.1.Л.91. ЛЛ.56-56 об.
85. ПСЗ. Т.15, №18477, Запрет был наложен указом 1736 г. См.: СЗ РИ, т.9, №6887.
86. Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году.-СПб., 1802. Ч.II.- С.38-39.
87. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.935. Л.64. Л.50. Д.940. Л.32 и т.д.
88. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18895. Л.12.
89. Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы по Оренбургской губернии// Труды Вольного Экономического общества. Ч. VII, - С.141.
90. Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи Ч. IV. СПб., 1810. С.313.
91. Рычков П.И. Ответы...// ТВОО.-1767. -Ч. IV. -С.142. См.еще Материалы.- Т.V.- Д.451.-С.599.
92. Зябловский Е.Ф. Указ.соч.-С.312.
93. Материалы.-Д.398.

94. Там же.
95. Там же.
96. Там же. Д.399,400. Эти сведения взяты из ведомостей об урожайности, составленных губернской канцелярией, согласно указу Сената от 1761 г. Занижение посевных площадей в последующие годы можно объяснить явным искажением действительной картины, связанной с самой системой сбора сведений. См.Материалы. Т.5.-С.681.
97. Там же. Д.№401,402.
98. РГАДА. Ф.144. Оп.3. Д.59218. ЛЛ.10-11.
99. РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д.59664. ЛЛ.4 об. -5. *
Выше приведенные факты носят весьма противоречивый характер, но тем не менее они в какой- то мере отражают действительное положение дел.
100. ГАОО. Ф.6. Оп.2. Д.868. Л.4-8.
101. РГАДА. Ф.1355. Д.926. Табель Орен. губернии.
102. РГАДА. Ф.1355. Д.940. Л.180.
103. Там же. Л.180об.
104. Рычков П.И. Ответы...// ТВЭО. 1767. Ч. IV. С.152.
105. Материалы. Т. V. Д.№ 399,400,402.
106. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1887. ЛЛ.10, 4. *
Проблема развития горной промышленности в этой книге не затрагивается поскольку она является темой специального изучения.
107. РГАДА. Ф.1355. Д.296. Табель Орен. губернии. В 1798г. спорел винный завод помещика Левашова, расположенный в Стерлитамакском уезде. См. РГАДА. Ф.1239. Д.5964. Л.8 об.-9.
108. РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д.5664. ЛЛ.7 об.-9.
109. РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д.59813. Л.8
110. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.926. Табель.
111. Там же. Табель Оренбургской губернии.
112. РГАДА. Ф.16. Д.934. Ч.5. Л.124.
113. Там же.
114. РГИА. Ф.16. Д.160. ЛЛ.5-6.
115. Там же. Л.2.
116. РГАДА. Ф.248. Оп.80. Д.6644. Л. 23 об.-24.
117. РГИА. Ф.1409. Оп.1. Д.160 ЛЛ.2-6 об.
118. Там же. Л.5.
119. ПСЗ. Т. XXXVII. Д. №20391.
120. Архив СПб, Ф.36. Оп.1. Д.945. Л.54 об.
121. РГИА. Ф.1637. Оп.1. Д.87. Л.12 или Материалы. Т. V. Д.№451, С.591.

122. Материалы.- Т. V. Д. №451.- С.593.
123. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.87. Л.14 об.
124. Материалы.- Т. V. Д. №451.- С.593.
125. ПСЗ РИ. Т. XXII. Д. №18477.
126. РГАДА. Ф.907. Оп.1. Д.3. Л.69.
127. Там же. Л.62.
128. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.938. Л.28.
129. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1886. Л.52 об.
130. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.935. Л.97.
131. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.6080. Л.6. об.
132. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.3731. Л.9.
133. См. Материалы.- Т. V. Д. №4, 9, 10 и т.д.
134. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1879. Л.60-62 об., 84 об.
135. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1884. Л.383 об. Так, Тюкбеевская тюба Калининской волости Уфимского уезда состояла из трех деревень.
136. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1871. Л.70 об. Л.214.
137. Материалы.- Т. V. Д. №97.
138. Там же. д. №90. В данном случае башкир Кир-Иланской губернии Сатыкай Темкеев продал в 1799 г. свое «повытье» другому лицу. См. также док. №97.
139. ГАОО. Ф.6. О.1. Д.26. Л.6.
140. Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства... при межевании башкирских дач.- СПб..1899.- С.108, 109.
141. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. // Пролетарская революция.- 1939. №3.- С.165.
142. Об особом положении башкирской старшинской верхушки указывали историки Чулошников А.П. Восстание в 1755 г. в Башкирии.- М.; Л., 1940.- С.9; Демидова Н. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII века.// Исторические записки.- Вып.68. С.212; Аполлова Н. О политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII веке// Абсолютизм в России.- М., 1964.- С.376).
143. Как видно из архивных материалов, «..тархан же разумеется служилый башкирец, а не яшашник (до 1754 г., когда башкиры платили ясак –М.К.) и для того перед яшашниками они в почтении и по своему обычаю паче жалованья в награждение себе ставили. Сей заслуженный чин одним давался вечно, а другим на одну персону и тарханы на службу первые идти должны, тарханы имели вольность перед яшашниками в том, что они где бы захотели землею владеть, рыбу ловить, сено косить в том яшашники спорить не могли, только до бортных угодий, бобровых гон не касались. Каковое обыкновение ныне вывелось по тому, что всяк имеет

земли и угодий довольно, кто не платил, а как ясак со всех с них башкирцев снят, а вместо того повелено им покупать из казны соль, то от того самого и сделались они, тарханы, с прочими башкирцами почти в равном состоянии: ибо и службу и подводную гоньбу отправляют уже по очереди с башкирцами без различия, паче же по произошедшим от них бунтам и звание то тарханское в уничтожение приведено». РГАДА.Ф.248. Оп.80 Д.655/II.Л.71-71 об. См. также Вельяминов –Зернов В.В. Источники для изучения тарханства...// Записки имп.Академии наук. СПб., 884. Кн.2 6. - С.44.

144.РГАДА. Ф.248. Д.5551/1.Л.69-74 об.

145.Вельяминов – Зернов В.В. Указ.соч.-С.47.

146.ПСЗ РИ. Т.23. Д. №16759.

147.Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи.- СПб.,1773-1788. Ч.II.-С.95.

148.Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Пер. с нем.- СПб.,1799. Ч.1.- С.98.

149.Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. - СПб.,1813.- Ч.III.О.1.- С.17.

150.Саун- отдача скота на выпас беднякам. Скот принадлежал феодалу и подлежал возвращению вместе с приплодом и определенным количеством молочных продуктов. Бедняк в течении лета пользовался молоком от этого скота; Омэ или аш – работа у богатых за угощение. См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1.- Ч.1. Уфа, 1956.- С.94.

151.Об освобождении духовенства от несения каких-либо повинностей в 1793 г. просили башкирские депутаты ахунский помощник Амирхан Абызаев и старшина Абдузелил Султанов. См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т.5. Д.№445. Там же, ответ губернатора А.Путлинга. Д.№ 446.

152.Материалы.- Т. V. Д.№423,424.

153.ГАОО. Ф.3. Оп.1. Л.182. Л.415 об.-417.

154.Там же. Л.415-415 об.

155.Материалы.- Т. V. Д.№424.- С.543.

156.Там же. Д.№432.

157.ГАОО. Ф.3. Оп.1. Л.182. Л.415 об.-417. Губернатор, идя на удовлетворение просьбы старшин, указал, что «башкирцы несут службу Е.И.В. и порабощенными быть не могут»; См.также ГАОО. Ф., О.1. Д.175. Л.343 и РГАДА. Ф.248. О.80. Д.6493. Л.4; в этих документах содержатся жалобы закабаленных башкир и их просьбы об освобождении.

158.Материалы.- Т. V. Д.№69.

- 159. Там же. Д. №23.
- 160. Там же. Д. №74, 76, 100, 132, 138 и т.д.
- 161. Материалы. - Т. V. Д. №138.
- 162. Там же. Д. №22, 28, 31, 38, 39, 49, 50 и т.д.

ГЛАВА II ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ КРАЕМ

§ 1. Организация управления башкирским населением до перехода к кантонной системе управления

Царское самодержавие не было склонно признавать и сохранять систему самоуправления нерусских народов и заботилось лишь об одном — как бы приспособить отдельные части административного механизма к ним так, чтобы от этого не пострадали интересы господствующих классов и не допускалось слишком серьезного недовольства со стороны опекаемого «инородческого» населения. Отсутствие самоуправления у башкир, не говоря уже о какой-либо государственности, определило соответствующие формы административного устройства Башкортостана в составе бюрократической Российской империи.

Административное управление Башкортостаном при царизме носило военно-феодальный характер. Военно-бюрократические методы управления населением национальных окраин представляли собою обычное явление в царской России. В целом башкиры были лишены политических прав самостоятельного определения собственной судьбы и в этом, можно сказать, заключается политическая суть колониальной системы управления.

После присоединения Башкортостана к Русскому государству в административном отношении вся территория края составила Уфимский уезд, который управлялся воеводой. Тогда же Башкортостан был разделен на четыре дороги — Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую. Это деление на 4 дороги отражало былую раздробленность края и его населения. Учрежденная при Петре I Уфимская провинция спустя несколько лет вошла в состав Казанской губернии, которая была образована в 1708 году в числе восьми губерний империи¹. Но с учетом особенностей Уфимского края, расположенного на пограничной линии, население которого постоянно беспокоило правительство своими волнениями, он был подчинен указом 1728 года непосредственно Правительствующему Сенату. Управление Башкортостаном было передано воеводе с особыми полномочиями, почти равными губернаторским². В 1733-1737 гг. Уфимская провинция снова была передана Казанской губернии, а в 1737-1744 гг. находилась в ведении Оренбургской комиссии, которую соответственно возглавляли И.К.Кирилов, В.Н.Татищев и В.А.Урусов.

В 1738 году из Уфимской провинции выделилась Осинская провинция с башкирами Гайнинской волости (в будущем уезд Пермской губернии), и тогда же образовалась в составе Сибирской губернии Исетская

провинция с рядом башкирских волостей³. Впоследствии, с основанием Оренбурга, согласно указу от 15 марта 1744 года, образовалась Оренбургская губерния, в которую вошли Уфимская и Исетская провинции⁴. Это административное деление существовало до 1782 года, то есть до открытия Уфимского наместничества.

После подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг. царское правительство решило окончательно усмирить население края, в особенности башкир, не раз выступавших против колониального и феодального гнета. Этим соображением руководствовалось оно в своей политике в отношении управления башкирским населением. Поэтому представители местной царской администрации сразу же занялись поисками путей для обуздания башкир. Интересен в этом плане доклад И.А.Рейнсдорпа, составленный при участии известного историка П.И.Рычкова, в котором речь идет о мерах и средствах «признаваемых... удобнейшими к восстановлению в этом народе, следовательно и во всей... губернии спокойствия и тишины⁵». И.А.Рейнсдорп предлагал принять «...самые решительные меры...», чтобы усмирить башкир, ибо от них «можно ждать измены в случае если найдется какой-либо коварный и сильный враг, каковы в здешней стороне суть китайцы, персияне и прочие...». Для окончательного подчинения башкир властям И.А.Рейнсдорп советовал «...время от времени сей непостоянный и легкомысленный народ уменьшать, приводя его в такое состояние...бессилие и изнурение, чтоб башкиры впредь бунтовать не отважились». Для достижения этой цели он считал нужным перевести башкир в податное состояние, взимать с них рекрутов в большом количестве и высылать на службу в отдаленные места, взыскивать с башкир штраф за участие в восстании, посылать их для казенных работ в Балтийские порты, раздавать жен и детей помещикам и т.д. Что же касается их внутреннего управления, то намечалось «...всех нынешних старшин, участников восстания, от должности отрешить и на место их выбрать и определить не требуя от них (башкир) кандидатов (как то прежде было), лучших их к бунту не склонных людей». Также имелось в виду установление контроля со стороны русских дворян и помещиков за башкирами, определив их на содержание башкир управителями к двум или трем волостям, придав при этом им по одному писарю из мишарей и татар. В случае, если и эти меры не удержат башкир в повиновении, то Рейнсдорп предлагал выселить башкир из Башкортостана по разным окраинам империи и освободить их плодородные земли для поселения людей из других губерний. «Сими способами, - писал он, - и следует превратить Оренбургскую губернию в тихий край»⁶.

Некоторые меры, предложенные И.А.Рейнсдорпом, впоследствии действительно были претворены в жизнь. С башкир – участников

восстания был собран довольно крупный денежный штраф. Все башкирские старшины, принявшие участие в Крестьянской войне, были смещены с должностей, а за вновь поставленными старшинами и населением значительно усилился контроль. Для этого в башкирские волости и селения, под видом писарей, мулл и др. были направлены «конфиденты» из татар, которые регулярно доносили о настроении башкир. их старшин губернским учреждениям. Так, мишарский сотник Бакир Арсланов 18 июля 1778 года докладывал губернатору, что он «...выбран был Уфимскою провинциальною канцеляриею для разведывания по Уфимскому уезду в башкирских селениях могущего быть от башкирцев разврата и приведению их в надлежащий порядок и тишину конфидендом, в коем звании, и употреблялся в прошедшие 1776-1777 годы и в нынешнем 1778 году добропорядочно...». Признав его заслуги, губернатор распорядился «...за ту его службу и впредь вящее по оной поощрению дать в награждение на кафтан сукна...»⁷. Татарский мулла Абдулгофер Мансуров в 1776 году по приказанию Исетской провинциальной канцелярии «...ездил для разведывания между башкирцами в разные волости в каких они мыслях находятся». По доносу этого муллы башкирский старшина Каратабынской волости Расуль тархан Итзиясов был схвачен и отправлен в Оренбург за распространение слухов о Пугачеве, якобы тот жив и скрывается в казахских степях и ждет помощи от башкир⁸.

Феодальная верхушка мишарей и татар усилиями царских властей в случае надобности всегда использовалась против башкир. Присваивая татарским феодалам звания и чины, награждая их, уступая им башкирские земли, царизм возлагал на них задачу уведомления его об «изменческих поступках башкир», а при случае и подавления возможных выступлений. Здесь перед нами ярко вырисовывается прислужническая роль татарских феодалов как самых прямых и постоянных союзников царизма в Башкортостане.

Царское правительство одним из средств окончательного усмирения башкир также считало сохранения существующей вражды между казахами и башкирами, которая была возбуждена еще в середине XVIII века усилиями Кирилова и Неплюева. Поэтому в своем рапорте П.И.Панину о башкирских делах от 1775 года И.А.Рейнсдорп откровенно считал нужным «...поднимать один иноверный народ против другого», чтобы «башкирцы не вошли в согласие с киргиз-кайсаками»⁹. Это было связано с тем, что после подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг. у представителей царских властей возникли опасения, из-за массового бегства башкир в Казахские степи, совместного выступления обоих народов. В 1776 году командующий войсками Сибирской линии Скалон доносил, что киргизский султан Аблай-хан колеблется в верности к

российской стороне и что «...башкирцы передаются в подданство к нему». Далее он указывал, что разосланные им люди тоже подтвердили «колебание башкирцев»¹⁰. Поэтому царские администраторы, придерживаясь тактики натравливания башкир на казахов, заявляли. «Вражду же введенную ...И.Неплюевым в башкирцах против киргиз-кайсака, по нынешним обстоятельствам не безнужно удержать»¹¹. Для достижения этой цели они специально подталкивали башкир и казахов на взаимные набеги. В 1789 году О.А.Игельстром доказывал Екатерине II, что «В прошедшем 1787 году, когда Эрали-султан вознамерился делать нападение на рубежную цепь, я возвестил башкирцев, чтоб они для учинения баранты, на которую всегда выходят охотно, собирались в назначенные от меня сборные места...»¹². Эта политика, проводимая местными властями, нашла полную поддержку и в верхах. В 1778 году Екатерина II, касаясь башкиро-казахских отношений, наставляла И.А.Рейнсдорпа: «...предоставляем вам же употреблять башкирцов.. по вашему усмотрению для усмирения киргиз-кайсака...когда их удобным к тому найдется, или же, и в особенности под видом собственного их (башкир -М.К.) на то стремительства»¹³.

Таким образом, на вооружении царизма находился традиционный метод колониализма «разделяй и властвуй». «Натравливать народы друг на друга, - писали К.Маркс и Ф.Энгельс, - использовать один народ для уничтожения другого и таким образом обеспечивать дальнейшее существование абсолютной деспотической власти, - вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существующих доселе правителей и дипломатов»¹⁴. По такому же принципу, как мы видим, действовал царизм в своих колониальных окраинах.

Царизм, одной из задач которого было укрепление своих позиций в Башкортостане, вел дальнейшее наступление на низовые ячейки башкирского местного управления. Царская администрация стремилась к ликвидации остатков былой относительной самостоятельности самоуправления башкир.

Как известно, вплоть до открытия Уфимского наместничества территория Башкортостана делилась на четыре дороги (Ногайская, Сибирская, Казанская и Осинская), которые в свою очередь подразделялись на ряд волостей. Эти волости первоначально возникли на родо-племенной основе и носили названия соответствующих крупных башкирских племенных объединений. Но постепенно первоначальное единство старых племенных волостей разрушалось и возникали новые волости уже на основе территориального признака. Этот процесс был частично результатом внутреннего развития башкирского общества, частично следствием насильственных мероприятий царизма. Башкирские волости

делились на более мелкие единицы – тюбы и аймаки¹⁵. Впоследствии некоторые тюбы и аймаки выделились в самостоятельные волости.

По данным 1776 года, в Башкортостане во всех 4 дорогах насчитывалось 43 башкирские волости¹⁶. Однако указанное количество башкирских волостей весьма приблизительное. Из другого документа, относящегося к тому же году видно, что их было 59. По дорогам эти волости распределялись так – в Ногайской-23, в Казанской-19, в Сибирской-11, в Осинской-3, еще три башкирские волости были расположены в Исетской провинции¹⁷.

Башкирские волости управлялись выборными старшинами и их помощниками. До 1743 года волости отдельных дорог объединялись еще под руководством главных старшин. Но эта должность потом была упразднена и башкирские старшины непосредственно подчинялись провинциальным канцеляриям. В каждой волости имелось несколько старшин (их, согласно указу 1736 года, могло быть 2 или 3), они имели своих помощников. Во главе отдельных тюб и аймаков стояли сотники, подведомственные старшине.

По сведениям Уфимского воеводы Татаринова, в 1779 году в Башкирии насчитывалось 82 юртовых старшин, 27 их помощников, 12 походных старшин, 111- юртовых сотников и 14 походных сотников¹⁸.

Башкирские старшины являлись верхней ступенью органов башкирского самоуправления, которые играли большую роль во внутренней жизни общины. Следующую ступень в башкирском управлении занимали старшинские помощники. Они в случае обширности волости управляли её частью, а в отсутствие старшин исполняли их обязанности. За ними следовали сотники, которым было поручено следить за порядком в отдельных селениях, насчитывающих не более ста лиц мужского пола, годных к службе. Они, не имея каких-либо прав наказания подчиненных, полностью подчинялись старшинам¹⁹. Особо следует остановиться на роли писарей в башкирском обществе. Писари, находившиеся при старшинах, назначались русской администрацией, главным образом из мишарей или татар. Они являлись как бы агентами царских властей в башкирских волостях и кроме ведения письменных дел занимались выявлением подозрительных случаев, уведомляя обо всем генерал-губернатора. Писари находились на содержании башкир, получая жалованье в 12 рублей в год²⁰. Присутствие их вызывало, естественно, недовольство башкир. Так, например, башкирские депутаты еще в 1767 году выступили в Уложенной комиссии, требуя заменить мишарских писарей при башкирских старшинах башкирами, мотивируя это тем, что «между...башкирского народа ученых людей ныне состоит довольно»²¹. Иногда башкиры пытались самовольно заменить писарей из мишарей башкирами. Так, башкиры Айлинской волости в 1776 году перестали

собирает хлебное и денежное жалование мишарю Абдул-Хасану Юсупову, исполнявшему должность писаря, и выбрали вместо него башкира этой же волости Мутая Бектимирова²².

В число административных лиц башкирского управления входили походные старшины и походные сотники. Они, по-видимому, мало вмешивались в дела гражданского управления, не касающиеся военной службы. Их основной обязанностью было формирование башкирских команд, направляемых на службу. Находящиеся на линейной службе башкиры непосредственно подчинялись им²³.

Царское правительство, после подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг., решило всерьез заняться вопросом управления башкирами. Многие старшины, участники восстания, были смещены с занимаемых должностей²⁴. А старшин, оставшихся верными царизму, власти наградили золотыми и серебряными медалями, выдали денежную премию, кафтаны и сабли и т.д.²⁵. Эти меры способствовали укреплению союза царизма с старшинской верхушкой башкир и мишарей.

Теперь выборы башкирских старшин проходили при активном вмешательстве местной царской администрации. Она строжайше следила, чтобы старшинскую должность занимали лица, с её точки зрения «достойные и верные».

Как известно, по прежним законам по управлению башкирским народом следовало «...старшин над башкирами распорядить по воле самих башкирцев, а не инаково...»²⁷. Однако власти лишь формально придерживались этого положения и, как правило, везде и всюду утверждались на должности по управлению башкирами угодные им люди не причастные к «бывшему народному неустройству», вопреки воле народа. Такой случай произошел в 1777 году при выборах юртового старшины башкирами Енейской волости Казанской дороги. На место заболевшего юртового старшины Галия Ермухаметова башкирскому обществу нужно было выбрать нового старшину. Кандидатов было двое – походный старшина Мендикей Абдулгазыев и рядовой башкир Араслан Аитов. Большинство как тогда называли «мирских людей», а именно 110 человек, проголосовало за кандидатуру Араслана Аитова и 84 – за Абдулгазыева. Пост старшины должен был занимать человек, прошедший большинством голосов. Однако Оренбургская губернская канцелярия, ознакомившись с характеристикой выдвинутых кандидатур, пришла к выводу, что Абдулгазыев, несмотря на то, что его поддержало меньшинство, более подходит для занятия этого поста, так как он, во-первых, уже походный старшина, а во-вторых, доказал свою верность властям во время «прошлого бунта». А Араслан Аитов – всего навсего рядовой башкир, да к тому же, как выяснилось, принял активное участие в Крестьянской войне. Исходя из этих соображений, канцелярия приказала

башкирам сойтись на одной кандидатуре, а именно на Мендикее, а в противном случае угрожала привести к ним старшину из другой волости по своему усмотрению. Башкиры Енейской волости не захотели мириться с этим предложением канцелярии. Но все же, не без поддержки самого генерал-губернатора И.А.Рейнсдорпа, башкирскому обществу был навязан юртовым старшиной М.Абдулгазиев, в явное нарушение установленной среди башкир системы выборов старшин²⁸.

После такого рода «выборов» лиц, занявших старшинскую должность, приводили «по закону к присяге в верности престолу» в провинциальных канцеляриях и там же снабжали их наставлениями «Об управлении башкирским народом»²⁹. В этих наставлениях излагались функции старшин, их обязанности и права. В архиве сохранилось такое наставление, данное в 1778 году И.А.Рейнсдорпом старшине «мещерякских войск» поручику Мендею Тупееву³⁰. Аналогичными наставлениями снабжались и башкирские юртовые старшины.

По этому наставлению основной обязанностью старшин являлось «ревностное» наблюдение за подчиненным ему народом, чтобы люди всегда «...в послушании и верности пребывали, ...и ничего в них злого и противного воли Его императорского Величества не происходило».

А если среди них находились люди, имеющие «худые замыслы», то таковых рекомендовалось «...брать и отправлять в Уфимскую провинциальную канцелярию при своих рапортах с ясным описанием их замыслов и «злодейств».

Сотники и десятники также должны были следить за поведением общинников, а в случае чего докладывать обо всем старшине. А старшине полагалось регулярно доносить обо всех делах генерал-губернатору.

Также старшинам вменялось в обязанность отыскивать беглых и «безпаспортных» людей, и если таковые «...явятся, тех ловя посылать в Уфу или в ближайшие города». За укрывательство беглых взимался штраф.

Запрещалось собирать какие либо «своевольные сборища». Если у подчиненных возникали какие-то нерешенные дела и т.д., то об этом им следовало уведомить сотников, старшин, которые, если эти вопросы не могут быть решены ими, должны были обратиться к вышестоящим инстанциям.

Передвижение населения строго регламентировалось. Башкир и мишарей, желающих отъехать от своих жилищ внутри данной губернии верст от 9 до 70, могли отпускать юртовые старшины со специальными отпускными билетами со сроком не более 1 месяца. В случае необходимости выезда за пределы губернии по торговым, промысловым и другим делам жители должны были обращаться за разрешением в провинциальные канцелярии. А переезд за реку Урал, в казахские степи, категорически воспрещался.

Старшины обязаны были вести контроль за несением подчиненными линейной службы и других повинностей. Им же полагалось заботиться, чтобы жители усердно занимались хозяйством, особенно земледелием и «праздно не шатались».

Старшины могли решать сами мелкие судебные дела, возникающие среди подвластных им жителей:

а) в случае ссор и драк;

б) в случае захвата одним у другого небольшого числа лугов, пашни, строений и «...прочего экономического и в домашнем быту служащего»;

в) при обнаружении небольших краж «...меду, зверей, мелких вещей и скота стоимостью до 15 рублей» (кроме кражи лошадей и других крупных краж).

Старшины должны были разобраться во всех этих вопросах сами, виновных наказать «палками и плетью». А все значительные преступления, такие как грабеж, конокрадство, убийство, поджог и т.д. подлежали рассмотрению провинциальных канцелярий.

Согласно наставлению, старшинам запрещалось заниматься лихоимством, взяточничеством и т.д.³¹.

Все же, как показывает это наставление, низовая ячейка башкирского управления, особенно при разбирательстве различных мелких судебных дел, имела сравнительную самостоятельность. В башкирском обществе состав суда определялся участием в нем представителей духовенства, с одной стороны, и местной выборной администрации в лице старшин и сотников – с другой. Участие в судебных процессах, по всей вероятности, принимали и старики-аксакалы. Об этом, например, писали башкиры Исетской провинции в своем наказе Екатерининской Уложенной комиссии: «По малым делам разбирались (башкиры) судом: перед духовными (их) закона старейшими людьми и перед старшинами, которые нарочно для управления всех государственных между ними случающихся партикулярных делах от Оренбургской губернской и от Уфимской провинциальной канцелярией определялись начальниками»³².

Старшины и сотники, в данном случае, принимали участие не только как избранники народа, но и как представители власти и волости. А старики вводились в состав суда как знатоки местного обычного права. Представители духовенства занимались рассмотрением дел, касающихся религиозных и семейных вопросов.

Как видно из этого наставления, даже низшее звено управления башкирами и мишарями носило ярко выраженный военно-полицейский характер. Об этом свидетельствует, например, запрещение даже отъезда от своих жилищ куда-либо без письменного разрешения местных властей.

Старшины и сотники неусыпно наблюдали за каждым шагом подчиненных им жителей.

Нужно подчеркнуть, что несмотря на ограничение власти старшин, контроль со стороны царских властей над низовым аппаратом местного управления был сравнительно слабым. Свое влияние на массы царская администрация проводила через этих башкирских феодалов, которым непосредственно были подчинены рядовые башкиры. Но из-за обширности башкирских земель и разбросанности находившихся там селений, царская администрация не имела возможности установить надлежащий контроль за населением. Все это не могло удовлетворить местную царскую администрацию, которая стремилась навести порядок среди «беспокойных башкирцев». Об этом, например, в 1779 году писал генерал-губернатору И.А.Рейнсдорпу Уфимский воевода И.В.Татаринов. Он указывал, что башкирские волости находятся «в великой разстройке», поэтому башкиры «...удаленные от старшин и сотников, не имея над собою никакого начальника, а одну только свободу, нередко склоняются на всякие предерзости». Исходя из этого, он предлагал разделить башкирские волости «...на небольшие и на ближайшем расстоянии лежащие команды, дабы тем удобнее было начальникам их иметь обозрение и удерживать всякого от пороков, через то и в нарядах и на службу успех происходил бы с желаемою пользою...»³³.

Однако решение всех этих задач в будущем было связано с образованием Уфимского наместничества, т.е. с новой губернской реформой.

Следует отметить, что в целом указанные мероприятия, произведенные после Крестьянской войны 1773-1775 гг. с целью «улучшения» системы местного управления, в определенной мере усилив установление контроля над башкирскими массами, не привели к заметному изменению существующих порядков. Поэтому царские власти возлагали большие надежды на будущую реформу. Губернская реформа 1782 года внесла ряд изменений в организацию управления башкирами и мишарями, и бывшая относительная самостоятельность башкирских старшин фактически была сведена на нет и они превратились в придаток более разветвленной сети местной администрации.

Наглядное представление о сущности губернской реформы 1775 года дает история образования Уфимского наместничества. Образование наместничества произошло в соответствии с указом Екатерины II от 7 ноября 1775 года о новой системе губернского устройства и управления Российской империей в 1782 году. Как отмечается в нашей исторической литературе, «Крестьянская война 1773-1775 гг. показала слабость местного управления, и после нее усилилась характерная для политики абсолютизма централизация»³⁴.

До введения новой губернской реформы в империи сеть административных органов была довольно разбросанной, особенно в восточных окраинах России, в том числе и в Оренбургском крае. Предпринимая губернную реформу, царское правительство ставило своей основной целью укрепление самодержавно-крепостнического государства, усиление диктатуры дворянства на местах. Прежнее административное устройство империи перестало отвечать как полицейско-фискальным целям правительства Екатерины II, так и интересам помещиков и дворян, добывающихся более активного участия и влияния в органах местного управления.

В Башкортостане, который был одним из очагов Крестьянской войны 1773-1775 гг., также ощущалась крайняя недостаточность административных точек, что мешало оперативности руководства при подавлении возможных волнений народных масс, ослабляло установление контроля за их настроением. Эта реформа должна была укрепить на местах власть чиновничье-дворянского бюрократического аппарата империи. Крестьянская война 1773-1775 гг., показав слабость местного управления, ускорила проведение в жизнь губернской реформы, которая готовилась еще задолго до этого. Преобразование административных учреждений во всех губерниях империи произошло одновременно. Указ об учреждении Уфимского наместничества из двух областей – Уфимской и Оренбургской и о разделении их на уезды был издан 23 декабря 1781 года³⁵. Уфимская область была разделена на 7 уездов – Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Белебеевский, Стерлитамакский и Челябинский (последний был отделен от Пермского наместничества). Оренбургская область должна была состоять из 4 уездов – Оренбургского, Верхнеуральского, Бузулукского и Сергиевского. Города Уральск и Гурьев, до этого бывшие в составе Оренбургской губернии, были переданы Астраханской губернии. Несколько позже (в 1784 г.) Троицкая крепость была переименована в город и стала центром нового Троицкого уезда³⁶.

В январе 1782 года генерал-поручику И.В.Якоби было поручено начать разграничение Уфимского наместничества с Казанской, Симбирской и Пермской губерниями и приступить к созданию новых административных учреждений. При этом И.В.Якоби указывалось иметь в виду «...обитающих в Уфимской губернии башкирцев и мещеряков» и учредить для них «Особые Нижние расправы»³⁷. Разрешение на официальное открытие Уфимского наместничества было дано указом Сената от 29 апреля 1782 года³⁸.

Фактически торжественное открытие Уфимского наместничества, при присутствии Вятского преосвященного епископа Лаврентия, состоялось 30 апреля 1782 года³⁹. Это мероприятие началось с торжественного шествия местных дворян и чиновников, выбранных на

новые должности и сопровождалось пышной церемонией. В честь этого события даже был произведен салют залпом из 101 орудия⁴⁰. В уездных городах открытие административно-судебных учреждений или, как тогда называли, присутственных мест, происходило в течении всего мая месяца 1782 года. Генерал-губернатор вновь созданного наместничества И.В.Якоби 9 мая 1782 года доносил Екатерине II, что «...по исполнении рескрипта от 14 января мне пожалованного, собственно для башкирцев и мешеряков устроил четыре нижние Расправы: в Уфе, в Белебехах, в Челябине, в Оренбурге и во оные, а равно и в нижние земские суда, в ведомстве которых состоять будут и выбрал надлежащее число их заседателей...». Также один представитель из башкир вошел в состав совестного суда, и 4 человека из них же были назначены заседателями в Верхнюю расправу, как и следовало, ожидать, «...из лучшего людей состояния»⁴¹. Эти частичные уступки богатой верхушке башкир и мишарей должны были привлечь их на сторону царизма, облегчив тем самым управление местным нерусским населением. Введение представителей башкирских феодалов, хотя и в весьма ограниченном количестве, во вновь созданные административно-судебные учреждения, вполне соответствовало той унификации управления, которая предусматривалась проведением этой реформы.

Новая административно-территориальная единица получила наименование наместничества, очевидно, ввиду обширности края и разнородности населения, а также и из желания правительства дать главному правителю громадного юго-восточного района больше полномочий, чем власть губернатора. Влияние царской администрации как на русское, так и нерусское население было значительно усилено, в связи с учреждением губернского правления, верхнего и нижнего земских судов, губернского и городского магистратов. Открытием палат уголовной и гражданской, как высших органов суда в наместничестве, было отчасти урегулировано в крае судопроизводство. Все эти вновь созданные учреждения, особенно судебные, носили ярко выраженный сословно-корпоративный характер.

Урегулированием экономических вопросов, упорядочением финансовых и налоговых дел в губернии должна была заниматься казенная палата.

Таким образом, в Башкортостане также был составлен полный комплект общероссийских административно-судебных учреждений, которым были полностью подчинены и башкиры, вплоть до создания особой системы управления ими и мишарями в 1798 году по типу казачьего войска.

Ведущее положение в местном управлении принадлежало дворянству. Довольные этим преобразованием дворяне Уфимского наместничества в июле 1782 года отправили 4 депутатов в Петербург «для

принесения от здешнего их общества всеподданнейшей Е.И.В. благодарности» во главе с губернским предводителем дворян статским советником Н.И.Тимашевым. 21 июля они были на приеме у Екатерины II и приглашены к «обеденному столу Её Величества»¹².

Центром обширного наместничества стал город Уфа. Выбор Уфы, как губернского центра, был не случайным. Центральное положение города в крае значительно облегчало установление контроля над населением. Оренбург, как административный центр, находясь на пограничной линии, мог быть легко отрезан от подчиненных ему территорий, несмотря на то, что в экономическом отношении он более выгодно отличался от Уфы. Разделение края на уезды и возникновение новых уездных городов также значительно приблизили органы власти к населению. В результате этих преобразований Башкортостан был охвачен сравнительно густой сетью вновь созданных органов местной власти, которые были призваны неусыпно следить за настроением масс. Но, с другой стороны, поднялось значение бывших крепостей и поселений как административных центров и это способствовало развитию в них ремесла и торговли, мелких промыслов. В уездных городах увеличивалась численность населения. Хотя губернская реформа преследовала классово-охранительные цели, в то же время она способствовала развитию края в экономическом отношении. Так, в городах Стерлитамаке, Бирске, Белебее стали развиваться торговля, различные мелкие промыслы. В этом отношении по-прежнему более выгодно выделялись два губернских города – Уфа и Оренбург.

В результате этой реформы в крае значительно возросла численность чиновничества, назначаемого в основном из представителей дворянства. Тем самым дворяне, как уже было сказано, смогли добиться укрепления своего господствующего положения.

Первым губернатором Уфимского и Симбирского наместничества стал генерал-поручик И.В.Якоби, бывший до этого с 1781г. Оренбургским губернатором. Губернатор также назывался государственным наместником. Дела военные и финансовые, судебные и административные находились в ведении генерал-губернатора.

Эта реформа расширила полномочия наместника и он фактически становился полновластным хозяином губернии. Отдаленность Башкирского края от центра, обширность подчиненной генерал-губернатору территории делали из него как бы независимого правителя. Ему не только были подчинены в высшей инстанции дела судебные, административные и военные, но от него же непосредственно зависели и дипломатические сношения с пограничными казахскими жузами, со среднеазиатскими ханствами. Кроме того, в Башкортостане, коренные жители которой считались весьма «непостоянными», генерал-губернатору следовало неустанно следить за сохранением тишины и спокойствия в крае.

Так, в 1782 году до Петербурга дошли слухи о якобы готовившемся летом башкирами восстании. Екатерина II сразу же предписала И.В.Якоби предпринять «особые меры» «в рассуждении дошедших слухов о намерении башкирцев к бунту». После осмотра чиновниками башкирских волостей, Якоби доносил, что эти слухи оказались необоснованными и башкиры «...после последнего смятения не могут и поныне исправить своего разорения и состоят в самой бедности и поэтому не можно ожидать (от них) дурных последствий»⁴³. Далее он писал, что не упустит из своего виду ничего такого «...что бы споспешествовало к благоденствию вверенного мне края и к отвращению зловредных последствий употреблены будут все меры и все возможности, хотя то и самой моей жизни стоило». Екатерина II, желая быть в курсе событий, происходящих в беспокойном крае, приказала генерал-губернатору Уфимского наместничества еженедельно докладывать ей «о благополучии в крае»⁴⁴. Эта установка Екатерины II соблюдалась всеми генерал-губернаторами наместничества и они регулярно рапортовали императорам «о состоянии вверенной им губернии».

Управление Башкортостаном, который рассматривался царизмом как плацдарм для дальнейшего наступления на Казахстан и Среднюю Азию, требовало особого подхода. Генерал-губернатор должен был обладать талантом государственного и военного деятеля. Таким человеком был барон О.А.Игельстром, ставший в 1784 году генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничеств⁴⁵. С его именем связан ряд значительных мероприятий царизма, проведенных в последней четверти XVIII века в Башкортостане, а именно: открытие Мусульманского духовного собрания, ряд земельных узаконений, принятых Сенатом, начало Генерального межевания в крае, и наконец, переход к кантонной системе управления. Также он сделал очень много для укрепления русско-казахских связей. О.А.Игельстром для своего времени был человеком сравнительно умеренных взглядов. Современники отмечали, и это подтверждается документальными данными, что он, будучи последовательным проводником колониальной политики царизма в Башкортостане, все же в отличии от других губернаторов, относился к местному населению сдержанно, без проявления жестокости и алчности. О.А.Игельстром осуждал И.И.Неплюева, бывшего Оренбургского губернатора за его метод «карательных отрядов», за его грубое и чересчур высокомерное отношение к представителям нерусского населения края⁴⁶. Однако умеренность О.А.Игельстрома или других чиновников царской администрации не могла изменить общую политическую линию царизма в национальных окраинах. Их сравнительно либеральные действия могли лишь в течение определенного периода в какой-то степени облегчить положение угнетенных народов.

Царское правительство считало необходимым для сохранения спокойствия в Башкортостане и в пограничных с ним районах держать крупные военные силы, на которые в случае надобности могли бы опираться местные власти. Это ясно видно из ордера О.А.Игельстром, данного генерал-майору Фон-Трендену, командиру Оренбургского войскового корпуса. «...Вашему превосходительству известно, - писал О.А.Игельстром, - что цель пребывания в здешнем крае Оренбургского корпуса есть та, чтобы как киргиз-кайсацкие народы противу Оренбургской линии кочующие обуздать, так и удержать тишину и спокойствие в народах обитающих не только в Уфимской губернии и Оренбургской области, но и в соседственных к сим губерниям внутри пределов...империи лежащих...в случаях, которые могут нанести спокойствию вред, ежели только оные будут ведомы, тотчас решиться оные пересечь»¹⁷.

Крестьянская война заставила царские власти заменить губернские военные команды, состоявшие ранее в основном из инвалидов и престарелых, регулярными войсками и казачьими отрядами. Поэтому генерал-губернатор одновременно являлся и главнокомандующим царскими войсками, которые были сосредоточены в Башкортостане. «Главнейшим попечением» царских войск, как видим, было «успокоение здешнего края»¹⁸.

Усилению надзора царских властей за населением края, в том числе и башкирами, способствовало также разделение наместничества на уезды. Возникновение уездов и уездных городов значительно укрепило позиции царизма на местах. Несомненно, новое административно-территориальное переустройство края внесло ряд изменений и в организацию управления башкирами. Во главе администрации и полиции уезда находился капитан-исправник, которому теперь непосредственно подчинялись башкирские старшины. Существующие до сих пор полномочия старшин были сильно урезаны: рассмотрение и решение всех судебных и других дел перешло в ведение нижних расправ, созданных «особо для башкирцев и мешеряков» и нижних земских судов, находящихся в уездных центрах.

Вмешательство во внутренние дела башкир капитан-исправников, ограничение прав представителей башкирского самоуправления вызвали, как и следовало ожидать, недовольство башкирских старшин. Так, в своем прошении, поданном Павлу I, башкирский юртовой старшина Абдук Чапдарбаев просил освободить их от опеки капитан-исправников¹⁹.

Во внутреннем устройстве башкир произошли изменения и другого порядка. Во время определения границ уездов территории башкирских волостей не брались во внимание. Как отмечал О.А.Игельстром, «...волости распространены столь обширны, что часть оной находится

иногда в двух- трех уездах, например: часть в Оренбургском, другая – в Мензелинском, а третья – в Верхнеуральском...»⁵⁰. Обширность волостей, находящихся под ведомством старшин, разбросанность их по разным уездам, по мнению местного начальства, вызывали ряд затруднений при снаряжении очередных нарядов на линейную службу. Поэтому в 1789-1790 гг. О.А.Игельстром, после предварительных переговоров с башкирскими старшинами, разделил башкирские волости на ряд частей, согласно их расположению по уездам, организовал несколько команд в пределах одной и той же волости, определив над каждой из них новых «юртовых и других начальников»⁵¹. Согласно расписанию, составленному наместническим правлением, всего башкирских старшин-юртовых и походных стало 166, сотников 213, в подчинении которых находилось 20908 башкирских дворов⁵².

Таким образом, если в 1775 г. всего башкирских старшин считывалось около 100, то теперь их стало гораздо больше, а число подчиненных им людей соответственно сократилось. Это мероприятие О.А.Игельстрома, по мнению губернатора наместничества А.А.Пеутлинга, дало возможность лучше обзреть башкирское население. «...обстоятельное ведать о поступках и помысле каждого, скорее выполнять посылаемые к ним от правительства предписания и уведомлять оное неукоснительно о всем, по ведомству их происходящем»⁵³.

Однако феодальная верхушка башкир, неудовлетворенная своим подчиненным положением гражданским органам управления края, просила Екатерину II приравнять их к атаманам донского казачьего войска, и всю систему несения военной службы, внутреннего устройства перестроить по типу войска Донского с присвоением им офицерских званий и с выдачей жалования по 300 рублей в год. С такой просьбой в 1793 году обратились к Екатерине II башкирские старшины Амирхан Абызаев и Абдузелиль Султанов, которые в том же году посетили Петербург и были на приеме у императрицы⁵⁴.

Но губернатор А.Пеутлинг, на рассмотрение которого было отдано прошение башкирских старшин, не поддержал эту просьбу. Он писал в 1794 году по этому поводу генерал-прокурору А.Н.Самойлову, что «Всякое же ...сравнение башкирцов с донскими казаками, яко то пожалование их навсегда атаманами, полковниками и прочее, не могу я ...почитать за полезное», так как, по его мнению, башкирские старшины «...и без того преизбыточно щедротами Е.И.В. награждены»⁵⁵. Губернатор А.А.Пеутлинг не был сторонником переустройства управления башкирами по военно-казачьему образцу.

В 1794 году генерал-губернатором Уфимского наместничества вновь стал О.А.Игельстром, который ратовал за более широкое привлечение башкир к военной службе. Он развил энергичную и

последовательную деятельность по переводу башкир и мишарей в военно-казачье сословие с соответствующими изменениями управления ими.

В 1796 году в соответствии с указом Павла I «О новом разделении государства на губернии», бывшее Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию⁵⁶. В том же году, 31 декабря, Оренбургская губерния была разделена на 10 уездов. Были ликвидированы Белебеевский, Бугурусланский и Сергиевский уезды. Их территории были разделены между соседними уездами, входившими в состав Оренбургской губернии. Управление губернией, согласно новому положению, было возложено на двух губернаторов – военного и гражданского. Военным губернатором края стал барон О.А.Игельстром, которому подчинялись или были подчинены чиновники, ведающие военными и административными, судебными и другими делами. Непосредственно в ведении военного губернатора находились все дела, связанные с урегулированием отношений России с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами, при помощи специально созданных для этой цели учреждений – пограничной экспедиции и пограничного суда. Ему же подчинялась вся полиция губернии. Он же являлся главнокомандующим всех войск, сосредоточенных в крае, как регулярных, так и иррегулярных, несших службу по охране Оренбургской линии.

Все вопросы по несению службы «военными народами» губернии (казаки, башкиры и мишари) были отданы также под ведение военного губернатора. Однако все дела, связанные с «домостроительством и тяжбами», должны были решаться гражданским управлением⁵⁷. Такое разделение управления башкирами и мишарями было узаконено правительственным указом 23 февраля 1797 года⁵⁸. Решение всех остальных вопросов по управлению краем было возложено на гражданского губернатора. Интересно отметить, что военный губернатор должен был находиться – в Оренбурге, а гражданский губернатор – в Уфе. Это объясняется тем, что Оренбург находился вблизи границы и отсюда легче было установить связи с Казахстаном и Средней Азией, а также командовать войсками, расположенными по Оренбургской пограничной линии. А из Уфы, которая занимала центральное положение в губернии, было значительно удобнее управлять населением края.

Итак, в Башкортостане, который считался плацдармом для дальнейшего наступления на Казахстан и Среднюю Азию, новому должностному лицу – военному губернатору следовало, главным образом, заботиться о царских войсках, сосредоточенных в крае и об усилении их более широким привлечением народов края к военной службе. В соответствии с этим планом и предполагалось переустроить управление башкирами, полностью подчинив их военным властям и превратив их тем самым в военное сословие. Башкир, особенно их старшинскую верхушку,

также не совсем удовлетворяло разделение управления. ибо они, как уже указывалось, не хотели, чтобы гражданские власти вмешивались в их внутренние дела. Это особенно хорошо видно из прошения юртового старшины Бирского уезда Абдука Чапдарбаева. Он просил оградить башкир от вмешательства капитан-исправников в их «выборы», и чтобы решение всех гражданских, судебных дел было отдано в ведение самих башкирских старшин. Вместе с тем Абдук Чапдарбаев подчеркивал, что мы, башкиры, по-прежнему «...следуя по правилам наших предков, усердно желаем продолжать военную службу»⁵⁹.

Прошение Абдука Чапдарбаева, адресованное императору Павлу I, было передано на рассмотрение О.А.Игельстрома. В своем ответе, представленном по этому поводу, он считал нужным удовлетворить просьбу башкир и переустроить управление ими по типу Оренбургского казачьего войска, изъяв их от опеки капитан-исправников. Такое переустройство, как писал О.А.Игельстром, даст возможность, во-первых, собрать точные сведения о численности башкир, во-вторых, значительно улучшится несение ими линейной службы, и в-третьих, можно будет их «с успехом употребить и в другие военные дела»⁶⁰. Далее О.А.Игельстром, ссылаясь на свой ордер о введении кантонной системы управления в Башкортостане, представленный правительству еще в январе 1798 года, подчеркнул целесообразность перевода башкир в военное сословие⁶¹.

10 апреля 1798 года правительство издало указ о введении кантонной системы управления⁶². Согласно этому указу было создано башкиро-мишарское войско. Вся территория, занимаемая башкирами и мишарями, была разделена на 11 башкирских и 5 мишарских кантонов. Все административные лица кантонов и юрт становились военными. Впоследствии кантонная система управления подверглась некоторым изменениям. Введение кантонной системы управления не встретило сопротивления со стороны башкир и мишарей. Это мероприятие нашло поддержку башкирского старшинства, ибо оно получило из рук царизма ряд поблажек и часть его представителей заняла выгодные должности кантонных начальников. Система кантонного управления охватила только башкир, мишарей и русских казаков. Остальное население Башкортостана подчинялось гражданским властям и сохранило свою низовую администрацию, созданную на основе последних губернских реформ.

Как башкиры, так и мишари были включены в свои, отдельные кантоны, именуемые соответственно «башкирскими» или «мешеряжскими». Это было продиктовано стремлением царизма максимально разобщить население Башкортостана.

Кантоны, разделенные на юрты и команды, были образованы на основе территориального принципа, что вело в определенной мере к разрушению родового-племенных волостных объединений.

Замещение должностей в кантоном управлении происходило путем назначения. Юртовые старшины назначались кантонным начальником, а последние определялись оренбургским военным губернатором. Иногда за продолжительную службу, военные заслуги, они получали офицерские или казачьи чины. Но по большей части должностные лица из башкир получали только зауряд-чины иррегулярных войск: зауряд-хорунжего, зауряд-сотника, зауряд-есаула. Получая эти чины, башкирская старшинская верхушка несомненно возводилась в особое привилегированное положение по сравнению с «рядовыми башкирцами». Эта новая военно-феодалная прослойка освобождалась от телесного наказания и лично не несла никаких денежных и натуральных повинностей, имела право носить офицерскую форму. Её содержание легло тяжелым бременем на плечи трудовых масс. В лице этой элиты царизму удалось создать себе надежную опору. Так завершился перевод башкир и мишарей из гражданского состояния в военное сословие, в котором они находились вплоть до 1865 года⁶³.

Таким образом, организация управления башкирами и мишарями в последней четверти XVIII века претерпела ряд изменений. До открытия Уфимского наместничества в 1782 году, после подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг., в Башкортостане сохранилась старая система управления и прежнее административно-территориальное деление на провинции и 4 дороги. Но с 1775 года царское правительство при принятии административных мер к внутреннему устройству башкир и мишарей начинает сосредотачивать главное внимание на удержании их в повиновении и политической зависимости. А в 1782 году управление башкирами и мишарями, соответственно целям новой губернской реформы, подверглось изменению, которое выразилось в ограничении прав старшин, усилении контроля над народными массами со стороны вновь созданных уездных учреждений во главе с капитан-исправником. Переход башкир в 1798 году к кантонной системе управления означал установление царизмом среди них военно-полицейских порядков, направленных на окончательное «успокоение» башкирского края.

§ 2. Политика царизма в крае по религиозным вопросам. Открытие мусульманского духовного собрания

Царизм в своих колониальных окраинах, населенных народами другого вероисповедания, проводил политику насильственной христианизации. Эта политика преследовала ряд далеко идущих целей, направленных на укрепление позиций самодержавия среди нерусских народов. Для удержания угнетенных «иностранцев» не было достаточно лишь одной физической силы, опирающейся на крепости, укрепленные линии, войска. Средством идеологической обработки местного населения в

духе покорности царским властям должны были служить православная церковь и её миссионеры. Христианизация «инноверцев» также являлась одним из средств царизма в его русификаторской политике в национальных окраинах. Кроме того, крещение той или иной группы населения вносило раскол в ряды единого народа на основе религиозной вражды и это ослабляло его сопротивление колониальной политике царизма. Исходя из этих соображений, царское правительство в Башкортостане также проводило политику христианизации. Крещение всегда проводилось насильственными, административными мерами воздействия на местное население. Для того, чтобы как-то привлечь людей на сторону христианства, правительство предоставляло им различные льготы, освобождало на известный срок от уплаты податей, не брало с них рекрут в течении 3-х лет. А все подати и рекрутский набор за крещеных должны были нести некрещеные⁶⁴. Однако политика насильственной христианизации среди башкир, исповедовавших мусульманскую религию, не имела ожидаемого успеха. Башкиры всегда оказывали упорное сопротивление и к концу XVIII века едва ли можно было насчитать сколько-либо крещеных башкир. Наиболее крупным выступлением народных масс края, проходившим под религиозным флагом и направленным в определенной мере против насильственного крещения, было восстание 1755 года. Царское правительство, чувствуя свое неуверенное положение в Башкортостане, во второй половине 50-х годов XVIII века вынуждено было пойти по пути легализации исламских организаций. Отдельными пунктами указа от 1736 года была ограничена деятельность мусульманского духовенства, хотя башкирам было разрешено иметь 4 ахунов, т.е. по 1-му ахуну на каждую дорогу⁶⁵. Но уже указом 1756 года правительство разрешило строить мечети и ослабило гонение на мусульманское духовенство. Также была отменена уплата податей за крещеных некрещеными⁶⁶.

На ослабление христианизации и усиление позиций мусульманского духовенства оказывал воздействие также указ Екатерины II, данный Святейшему Синоду в 1773 году относительно приостановления миссионерства, в духе так называемой «свободы всех вероисповеданий»⁶⁷.

Грандиозная Крестьянская война 1773-1775 гг., активными участниками которой были народы, исповедующие мусульманскую религию, вынудила правительство секретным указом от 1775 года объявить всем губернаторам и губернским канцеляриям соблюдать среди них на некоторое время «свободу вероисповедания»⁶⁸. Этот указ был тактическим маневром, который преследовал определенные политические цели.

Открытое сопротивление мусульман Башкортостана политике христианизации заставило правительство пойти еще дальше по пути

признания исламских организаций, вплоть до открытия Мусульманского духовного собрания.

Мусульманское духовенство, особенно его верхушка, входила в состав феодальной знати местного населения, пользовалось определенными привилегиями, властью и влиянием. Поэтому царизм сделал попытку найти с ним общий язык. Тем более, в годы борьбы с восстанием Е.И.Пугачева некоторая часть мусульманского духовенства сохранила «верность престолу».

Учитывая эти факты, правительство, прекратив религиозные гонения, решило установить союз с муллами и использовать их в деле укрепления своих позиций в беспокойном крае. И, как увидим дальше, царизм не ошибся, избрав такую тактику.

Необходимо также принять во внимание активизацию внешней политики царизма, направленной на захват новых территорий в Казахстане и Средней Азии. Все религиозные дела казахов правительство надеялось подчинить вновь открытому Духовному собранию, которое целиком и полностью зависело бы от него. Политика так называемой «веротерпимости», проводимая Екатериной II, наглядным доказательством которой явилось бы действующее Духовное собрание, должна была привлечь на сторону России казахов-мусульман. В этом деле большая надежда возлагалась на татарских мулл, специально посылаемых в казахские степи, где наряду с религиозной проповедью они должны были нести работу по склонению казахов на сторону России, следить за их настроением и регулярно доносить обо всех тревожных фактах генерал-губернатору края. Таким образом, мусульманское собрание должно было стать в определенной мере орудием внешнеполитической экспансии царизма.

На открытие Магометанского духовного собрания довольно заметное воздействие оказало и другое внешнеполитическое обстоятельство, а именно русско-турецкие войны второй половины XVIII века. Екатерина II, идя на открытие Магометанского духовного собрания, стремилась нейтрализовать религиозное и политическое влияние Турции на мусульман России. В сентябре 1787 года Екатерина II направила генерал-губернатору Уфимского наместничества О.А.Игельструму секретное письмо с повелением иметь «...самоприлежнейшее надзирание, чтобы в тех народах не могли случиться каковые-либо неприязненные нам подсылки и вредные нам внушения...» в связи с началом русско-турецкой войны. Также она предписала за подвластными Российской империи народами соблюдать «...всевозможную осторожность в обращении»⁶⁹. То же самое подтверждает бывший советник Уфимского наместнического правления Д.Б.Мертваго. Он пишет, что когда шла война с Турцией, царская

администрация опасалась возмущения народов. «исповедующих магометанский закон»⁷⁰.

Ряд фактов свидетельствует, что опасения России турецкого влияния на мусульман имели реальное основание. В 1788 году О.А.Игельстром доносил Екатерине II, что по сведениям «...испытанных в верности Казанских и Сеитова посада татар», стало известно о приезде «...в Бухарию через город Багдад из Константинополя от турецкого султана в качестве посла пашин...с определением, чтобы бухарские и другие магометанского закона в здешнем краю обитающие народы, при настоящей Порты Оттоманской с Россию войной, по силе заповеди закона их подкрепляли силы турецкие и восприяли против России оружие...». Турецкий посол объявил всем мусульманам, что Турция ведет войну с Российской империей «...за веру Магометанскую и для защищения оной по силе заповеди закона сего призывает их к себе на помощь»⁷¹. По наущению турецких агентов, бухарский хан Аталык также призывал казахских старшин «...выступать на стороне правоверной Турции против неверных россиян». Далее хан, как ревнитель мусульманской религии, просил прислать старшин в Бухару людей «...для научения закона магометанского»⁷².

О.А.Игельстром, чтобы предотвратить какие-либо отрицательные последствия от происков Турции, направил казахским старшинам письмо, где говорилось, что Екатерина II является сторонником свободного вероисповедания, защищает мусульманскую религию и заботится о строительстве мечетей и обеспечения их муллами⁷². С той же целью еще в 1875 году был дан указ О.А.Игельstromу о построении мечетей и школ при них для казахов в Троицке и Оренбурге⁷⁴. Тогда же было приказано генерал-губернатору края направить верных татарских мулл в казахские степи⁷⁵. Так постепенно царское правительство решило поставить мусульманское духовенство на свою службу. Логическим завершением этой политики царизма в отношении мусульманской религии было открытие Мусульманского духовного собрания.

31 мая 1786 года О.А.Игельстром представил Екатерине II проект открытия Мусульманского собрания⁷⁷. Этот проект О.А.Игельstromа лег в основу указа правительства от 22 сентября 1788 года об учреждении «Духовного магометанского собрания»⁷⁸. Положение о Духовном мусульманском собрании состояло из 8 пунктов, определяющих штат этого учреждения. Во главе Собрания стоял муфтий, непосредственными помощниками которого были 9 мулл «из казанских татар, в верности и добропорядочном поведении испытанные». Духовное собрание приравнивалось к средним судебным органам и ему подчинялись все духовные чины империи, исключая Таврическую область, где было открыто особое Духовное управление. Лица, рекомендованные на

должность мулл и ахунов, должны были проходить испытание в духовном собрании и после письменного одобрения той или другой кандидатуры на этот пост их уже утверждало наместническое правление. Но испытание кандидатур на духовную должность следовало устраивать в присутствии двух заседателей из верхней расправы. Также лицам, желающим получить духовное звание, следовало иметь при себе характеристику за свидетельством земского исправника. Эти меры показывают стремление царских властей не допустить на духовную должность неугодных им людей. Прокурору верхней расправы вменялось в обязанность вести контроль за деятельностью Духовного собрания⁷⁹.

Итак, все духовные дела мусульман были строго централизованы и подчинены местным властям.

Обязанности Духовного собрания также были строго регламентированы. По предложению О.А.Игельстрома был принят проект положения о компетенции Духовного собрания, состоящий из 9 пунктов. Духовному собранию вменялось в обязанность разбор и решение всех дел, касающихся семейных и религиозных вопросов, как-то: бракосочетание, развод, строительство мечетей, соблюдение религиозных обрядов и т.д. Муллы и ахуны, занимающиеся на местах всеми этими делами, должны были регулярно информировать обо всем Духовное собрание. Строительство мечетей также строго контролировалось со стороны наместнического правления. На 100 дворов полагалось строить не более одной мечети. Обеспечение их положенным количеством служителей культа входило в обязанность Собрания, во избежание появления мулл-самозванцев⁸⁰. Если раньше в Башкортостане в каждой дороге (Казанской, Сибирской, Ногайской, Осинской) имелось по одному ахуну, то теперь разрешалось их иметь в каждом уезде по два. Они должны были наблюдать за деятельностью мечетей, школ, служителей при них, которые находились в их ведомстве. Все дела, связанные с нарушением духовных обязанностей со стороны населения, подлежали решению ахунов и мулл. Если эти религиозные проступки требовали более сурового наказания, например, телесного, то такие дела передавались на рассмотрение гражданских судебных мест*. Все мусульманские школы – медресе находились в ведении Духовного собрания, которому полагалось иметь все сведения об учащих и уведомлять, об этом генерал-губернатора или Приказ общественного призрения⁸¹.

Таким образом вся деятельность мусульманского духовенства находилась под контролем властей. Компетенция духовного собрания была строго регламентирована.

Первым муфтием был избран показавший себя верным слугой царя, бывший главный ахун Башкортостана Мухаметжан Хусаинов (Гусейнов). Он родился в татарской торговой семье. Еще в молодости

Мухаметжан был послан с секретным поручением в Бухару и Кабул, где выдавал себя за учащегося, приехавшего для получения высшего духовного образования. По возвращении в Оренбург служил офицером. В 1785 году он был назначен ахуном при Пограничной экспедиции, в том же году – первым ахуном Башкортостана, а после открытия Мусульманского духовного собрания стал муфтием (умер в 1824 году)⁸².

Мухаметжан Хусаинов раньше неоднократно входил в состав посольств, направляемых к казахским ханам и старшинам. Он за эти услуги, по ходатайству О.А.Игельстрема, в 1785 году получал жалование в 150 рублей в год. В 1786 году оно было повышено до 300 рублей в год «за усердную его службу»⁸³. Впоследствии М.Хусаинов, за «верную службу» царскому правительству, был несколько раз награжден ценными подарками, деньгами. Он, скупая с разрешения властей обширные земельные угодья башкир, стал крупнейшим землевладельцем Башкортостана, имевшим право содержать лично зависимых крестьян из мусульман⁸⁴. Царизм, определив этого человека на пост муфтия, не ошибся: Мухаметжан Хусаинов верой и правдой служил престолу. Для этого муфтия личное обогащение, власть и влияние имели гораздо большее значение, нежели религиозные дела, духовная и морально-этическая сторона поведения. Кстати, и последующие муфтии Духовного собрания не отличались высокой нравственностью.

Заседателями при Духовном собрании были поставлены трое мулл из татарских феодалов: Фахрутдин Абдрешитов, Сайфулла Муртазин и Фейзулла Адилев. Кроме них, в состав собрания входили еще шесть человек канцелярских служащих и переводчиков. По штату Духовное собрание должно было состоять из двенадцати человек – председателя или муфтия, 3-х заседателей, 2-х приказных служащих, канцеляриста, 2-х подканцеляристов и 2-х копиистов. Секретарь, подканцеляристы, и копиисты были назначены из русских, хорошо знающих татарский язык⁸⁵. Их присутствие там еще более усиливало контроль за деятельностью Духовного собрания.

Официальное открытие Мусульманского духовного собрания в Уфе состоялось 4 декабря 1789 года. Муфтий Мухаметжан Хусаинов, после открытия Собрания, первым делом обратился с посланием (фетвой) к мусульманам края. Он призывал их не слушаться мятежных мулл, не понимающих «истинного смысла божьих слов». На вопрос, как различать по святому закону Российскую империю от магометанского государства, в данном случае Турцию, он, ссылаясь на священное писание, разъяснял, что мусульмане России должны сохранять верность своим царям, слушаться своего муфтия. Им муфтий внушал, что нет ничего противного «быть подданным Российской империи», ибо от этого они не теряют «мусульманского имени»⁸⁶. Эти призывы муфтия, надо полагать, были

продиктованы опасением России турецкого влияния на мусульман края и в особенности Казахстана.

Численность мусульманского духовенства, находившегося под ведомством Духовного собрания, была довольно значительной. По данным сенаторской ревизии 1800 года, в ведении Духовного собрания по Оренбургской губернии религиозную деятельность вели 28 ахунов, 4 ахунских помощника, 269 мулл, 696 азанчеев. Со всеми другими духовными лицами и учителями медресе их насчитывалось 1921 человек⁸⁷. В губернии мусульманских мечетей всего было 1141⁸⁸, т.е. в среднем на 251 с лишним человек, исповедующих ислам, приходилась одна мечеть.

Эти факты свидетельствуют, что численность мусульманского духовенства была довольно значительной и она могла оказать и оказывала большое влияние на мусульман. От муфтия и всего мусульманского духовенства царское правительство требовало верности и «доброго поведения». Они действительно оправдали доверие царских властей. Мусульманское духовенство, обычно назначаемое из числа татарских феодалов, весьма далеких от духовных дел, выполняло роль соглядатаев за настроением масс, доносило обо всех проявлениях недовольства среди населения Духовному собранию, царской администрации. Духовенство, которое было, по замечанию современников «вдвое многочисленнее самого чиновничества», жило за счет народа, как писал один из публицистов XIX века, «одурманивая и угнетая его»⁸⁹. Поэтому муллы и ахуны, как представители социальной верхушки, активно участвовали в борьбе со всякими проявлениями недовольства населения против колониального гнета. Муфтий в своей речи по поводу открытия в г.Уфе Магометанского собрания, всячески расхваливал Екатерину II, призывал мусульман быть «...всегдашними и ревностными назидателями общего блага и спокойствия»⁹⁰.

Используя свое влияние на верующих, мусульманское духовенство на практике доказало свою верность «престолу». В ходе народного восстания в Башкортостане в 1834-1835 гг. генерал-губернатор В.А.Перовский обратился к муфтию с просьбой оказать содействие в успокоении умов населения. Муфтий Абдусалам Абдрахимов сразу же откликнулся на просьбу губернатора и обратился к мусульманам края с фетвой или посланием, где призывал их отстать от мятежа. Муфтий проклял именем бога «...всех возмутителей, которые ввергают народ в различные бедствия».

Ссылаясь на священные книги, он увещевал, что «мятеж повергнет людей в замешательство и смущение, в раздоры, несогласия и различные трудности без всякой пользы закону Божию, а потому воспрещается, ибо он есть великое зло на земле»⁹¹.

Безусловно то, что мусульманская религия сыграла в целом положительную роль в истории башкирского народа. Ислам прививал верующим идеи доброты и гуманизма, высокой морали и порядочности. Мусульманская религия способствовала распространению через мектебе и медресе грамотности, просвещения. Однако Духовное собрание, где господствовали муллы из татар, всячески пыталось не допустить среди башкир распространения светского образования. Так, указанный мулла Исафилов ходатайствовал перед царем о запрещении обучения башкирских детей в Казанском университете, а также просил отменить обучение русскому языку мусульман⁹². Консервативная часть мусульманского духовенства в Белебеевском уезде выступала даже против перехода башкир к земледелию⁹³. Но самым негативным в деятельности Мусульманского духовного собрания было то, что оно проводило широкомасштабную политику ассимиляции башкир, действуя через многочисленный отряд мулл из татар, которых царские власти считали более надежными, чем муллы из башкир.

Царское самодержавие в лице татарского духовенства приобрело союзника и верного помощника в колониальном социальном, духовном угнетении башкирского народа.

Однако легализация мусульманских организаций, уступки мусульманскому духовенству не означали отказ самодержавия от политики христианизации. Правительство лишь изменило формы и методы миссионерской деятельности среди жителей края. Правда, в 1789 году деятельность миссионерских проповедников была приостановлена по случаю волнения среди башкир, вызванного слухом, что их хотят крестить насильно. Дело в том, что в 1788 году Тобольская духовная консистория дала распоряжение о посылке проповедников в «иноверческие» селения Челябинского уезда. Узнав об этом, башкиры и тептяри, жившие в Челябинском, Троицком уездах, начали волноваться, думая, что их хотят крестить насильно⁹⁴. Башкиры, как пишется в документах «...собравшись в великом числе в одну свою деревню и пригласив своего ахуна, имели по обстоятельству сему между собой совет, на котором согласились, чтоб им от принуждения их к принятию закона христианского всеми мерами защищаться, не щадя жизни»⁹⁵.

Слухи об этих событиях дошли до Сената. Опасаясь открытого выступления башкирского народа против крещения, Сенат дал указание Синоду запретить на время посылку проповедников в «инородческие селения». Со своей стороны Синод направил епархиальным архиереям указ об отправлении впредь проповедников для миссионерской работы среди «иноверцев» только после предварительного сношения с генерал-губернатором края⁹⁶.

Как видно из указаний Сената и Синода, полного отказа от политики христианизации в Башкортостане не было и попытки крещения «иноверцев» продолжались. Интересно заметить, что было предписано выдавать деньги мусульманским феодалам («...за отходящие от них, по принятии христианского закона, крепостных людей»⁹⁷). Этот указ, как видим, был принят с целью облегчения крещения людей исламской веры, попавших в кабалу. Православная церковь стремилась воспользоваться любым случаем для крещения «иноверцев». Так, представители православного духовенства, нанимая башкир, мишарей и других в работники, часто заставляли их креститься. Они также умело использовали тяжелое материальное положение башкир и других мусульман и за некоторую льготу обращали бедняков, разорившихся людей в христианство, особенно во время несения ими линейной службы. Так, в 1798 году многие башкиры, служившие на Сибирской линии, были крещены и определены в Сибирское казачество⁹⁸. В 1880 году башкиры Байлярской волости Рафик Мукаев и Хамза Сулгаев во время службы в Омской крепости «по их желанию» были крещены и переведены в «оклад крестьянский»⁹⁹. В начале XIX века из башкир и мишарей было обращено в христианство более 300 человек с переводом их в разряд государственных крестьян, а некоторые были включены в состав Оренбургского казачьего войска¹⁰⁰.

Но среди башкир в целом успехи христианизации, по мнению исследователей, были слишком незначительны, чтобы составить понятие о мере влияния православного русского населения на иноверцев¹⁰¹. Например, если в течении 1776-1779 гг. в Зауралье было крещено всего 157 башкир, то по данным 1791-1794 гг. крестившихся среди них уже не было¹⁰².

Отказ башкир от крещения и их борьба против политики христианизации не связаны с религиозным фанатизмом. Башкирам вообще были чужды чувства религиозного фанатизма и враждебного отношения к людям, исповедующим другую религию. Как писал С.Г.Рыбаков, «...в религиозном отношении башкиры также верные сыны ислама, но они чужды той фанатичности, какую встречаем у татар... Башкиры менее обнаруживают боязни за свою религию, чем татары, спокойно рассуждают о своей и русской вере, не обнаруживая ни малейшей склонности возвеличивать свою, считая все веры равными»¹⁰³.

Отказ башкир креститься объясняется их стремлением сохранить свой духовный мир, выработанный в определенной мере под влиянием ислама. Борьба против политики христианизации означала для них также борьбу против духовного порабощения. Важнейшей причиной боязни крещения у башкир является то, что, как правило, людей, принявших православие, переводили на положение государственных крестьян. А

башкиры, как известно, очень остро реагировали на попытку перевода их в податное состояние и отсюда отдавали предпочтение несению военной службы. Поэтому они не хотели креститься и оказывали упорное сопротивление политике христианизации.

Более активно и успешно действовали миссионеры среди «язычников» Башкортостана – чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов. Как отмечали сами проповедники, «обращение магометан представляет более затруднений, нежели обращение язычников»¹⁰⁴.

Таким образом, в последней четверти XVIII века царизм прибрал в свои руки и взял под контроль всю деятельность мусульманского духовенства. Учрежденное правительством мусульманское духовное собрание стало послушным орудием в деле укрепления позиций самодержавия в крае. По меткому определению одного из исследователей истории края, Мусульманское духовное собрание стало «филиалом охраны помещицкой России»¹⁰⁵. Но в то же время, идя на уступки мусульманскому духовенству, царизм не отказывался от своей прежней политики христианизации «иноверцев». В целом царизм умело использовал как мусульманскую, так и православную религии в своей колониальной политике.

§ 3. Повинности башкир. Постепенный перевод башкир в военно-служилое сословие

Расширение границ империи царским самодержавием предусматривало не только освоение и эксплуатацию новых земель, их природных богатств, но и вовлечение в сферу феодально-крепостнического гнета все более возрастающего числа подданных. Этот гнет народов колониальных окраин России осуществлялся царизмом через различные повинности и налоги, возложенные на них. Поэтому вопросы, связанные с несением населением Башкортостана повинностей и податей, занимали существенное место в политике царизма.

В Башкортостане, который вообще отличался своеобразием политического и экономического положения, система фискального гнета, повинностей также имела свои специфические особенности. Известно, что с 1754 года башкиры и мишари были освобождены от уплаты ясака. Но с этого времени они должны были покупать у казны соль, которую сами добывали бесплатно. Тем самым башкиры и мишари, наряду с другими служилыми сословиями, составляли так называемое неподатное население края. Однако снятие ясака не заменялось лишь покупкой соли из казны. Теперь башкир стали привлекать на военную службу в более широких масштабах, чем раньше. Поэтому в последней четверти XVIII века основной повинностью башкир стало несение военной службы по охране юго-восточных границ империи. Также башкиры, как и прежде, принимали

непосредственное участие во всех войнах, которые велись Российской империей.

В связи с внешними и внутривластными обстоятельствами порядок несения башкирами и мишарями линейной службы в последней четверти XVIII века претерпел ряд изменений. Логическим завершением упорядочения несения башкирами военной службы был переход в 1798 году к кантонной системе управления. Новый порядок пограничной службы означал окончательный переход башкир в военно-казачье сословие.

Служба башкир и мишарей по охране границ была очень выгодной царскому правительству, так как они несли ее за свой счет, «на собственном коште», без какой-либо помощи извне. Кроме того башкиры, имея военные навыки, которые они приобрели участвуя в войнах России, во время прошедших восстаний, могли быстро выставить по требованию военных властей конные полки, всегда готовые отправиться в поход.

Снаряжение на линейную службу требовало больших расходов, которые ложились тяжелым бременем на плечи башкир, особенно бедных. Каждый воин, наряжаемый на службу, должен был иметь двух хороших коней, исправное оружие, провиант, достаточный для пропитания при следовании до пункта назначения и необходимое количества денег для содержания себя и коней во время службы. Кроме того следовало иметь каждому по одной косе, топору, а также теплое платье¹⁰⁶. Все члены башкирского общества должны были участвовать в снаряжении того или иного человека на линейную службу, особенно в том случае, если отправляемый на службу не мог приобрести все необходимое за свой счет. Как правило, службу несли бедные, на которых ложилась вся тяжесть, а богатые члены общества сплошь и рядом откупались, посылая на службу вместо себя другого человека за определенное вознаграждение. Каждому нанимаемому вместо себя человеку, который должен был служить на Сибирской линии, выплачивали от 30 до 50 рублей, если на Оренбургской линии – от 10 до 20 рублей¹⁰⁷.

Особенно тяжелым стало несение линейной службы с 80-х гг., когда в связи с началом русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) было значительно увеличено число наряжаемых на службу. Башкиры и мишари раньше выставляли одного воина с восьми дворов, а с 1786 года стали, по приказу генерал-губернатора О.А.Игельстрома, наряжать на службу с трех дворов по человеку¹⁰⁸.

Естественно, общее количество отправляемых на службу людей значительно увеличилось. Так, до 1786 года на Оренбургской линии протяженностью более 2500 верст службу по ее охране несло от 2048 до 2939 башкир и мишарей¹⁰⁹. Если брать данные 1777 года, на Оренбургской линии находились 1920 башкирских и мишарских воинов. А на Сибирскую

линию на 2-х годовичную службу было направлено их 760 человек¹¹⁰. С 1786 года число служащих на линиях башкир и мишарей резко возросло. В том же 1786 году было отправлено на службу уже 5143 человек¹¹¹.

Численность воинов, наряжаемых на службу, колебалась время от времени. Так, в 1788 году линейную службу, несло более 7447 мишарей и башкир¹¹².

Помимо линейной службы на Оренбургской линии, с 1769 года башкиры и мишари командировались также и на Сибирскую линию по 1000 человек через каждые 2 года, которые находились на казенном содержании. Однако и их башкирское общество должно было обеспечивать при отправлении на службу лошадьми, всем необходимым снаряжением и деньгами от 10 до 30 рублей¹¹³. А во время службы каждый рядовой воин получал в месяц по 1 рублю денег, т.е. 12 рублей в год, старшина получал 100 рублей в год, сотник – по 18 рублей в год. Также каждому воину выдавали ежемесячно фураж и провиант¹¹⁴.

Организация линейной службы башкир и мишарей имела определенный порядок, установленный военным ведомством и местными властями. Непосредственная ответственность за командировку башкир на службу, за соблюдение этих порядков лежала на башкирских юртовых старшинах. Они соблюдали очередность при отправке башкир на службу и обо всем уведомляли генерал-губернатора. Получив приказ генерал-губернатора об отправке очередной партии башкир и мишарей на службу, старшины приводили их на сборные пункты. При этом они должны были тщательно проверить, чтобы каждый наряжаемый на службу имел соответствующее снаряжение. А в пунктах сбора из рук юртовых старшин эти отряды башкир и мишарей во главе с походными старшинами и сотниками принимали земские исправники. В случае, если юртовой старшина не смог бы представить в назначенный срок на сборное место предписанное число воинов, или которых по комплектации невозможно принять на службу, то его снимали с должности и предавали земскому суду¹¹⁵.

Для отвода воинских команд на место назначения в уездные сборные пункты посылались из регулярных воинских частей обер-офицеры, которым уже, в свою очередь, капитан-исправники передавали башкирские и мишарские команды, согласно ведомости. В этих ведомостях имелись данные о количестве наряжаемых, о возрасте и годности к несению службы, а также сведения о вооруженности и обеспеченности провиантом и деньгами каждого воина, согласно которым обер-офицеры должны были производить осмотр башкирских отрядов. После всего этого, примерно в 20-х числах апреля башкиры и мишари под командованием обер-офицера выступали в поход к месту назначения и обо всем этом следовало рапортовать генерал-губернатору. По прибытии к месту

назначения башкирские отряды поступали в распоряжение дистанционных комендантов, которые распределяли их по крепостям, редутам и форпостам¹¹⁶.

Служба на линии продолжалась примерно до середины ноября, т.е. до обильных снегопадов, затрудняющих продвижение кочевников к пограничной линии.

На башкир и мишарей была возложена задача охранять Оренбургскую линию, которая брала свое начало от реки Тобол, опускалась вниз по течению реки Урал и доходила до Каспийского моря. Участок линии, на которой несли службу башкиры и мишари, на юге доходил до Илецкого городка, а остальная часть охранялась Уральским казачьим войском. Службу по охране границ, кроме башкир, несли регулярные войска, Оренбургские казаки, калмыки и пятисотенный Тептярский полк¹¹⁷. Вся линия, охраняемая ими, как видно из расписания регулярных и иррегулярных войск, расположенных на Оренбургской линии на летнюю службу в 1788 году, была разделена на 5 дистанций. Первая дистанция включала в себя все крепости и редуты, расположенные от Разсыпной крепости и до г.Оренбурга. Вторая протянулась вверх по реке Урал от Нежинского редута до редута Банной, который расположился несколько севернее крепости Орской. Данная дистанция называлась Верхнеозерской. Третья, Кизильская дистанция, включала все крепости от Калпацкого редута и до редута Курсанский. Четвертая - Троицкая дистанция доходила до крепости Каракульской. Последняя, Звериноголовская дистанция заканчивалась самой северной точкой линии – Алабужским редутом, расположенным на реке Тобол¹¹⁸.

По крепостям, редутам и форпостам этих дистанций, расположенных от 10 до 30 верст друг от друга, распределялись башкирские и мишарские отряды. Охрана двух последних дистанций – Троицкой и Звериноголовской, полностью была возложена на башкир и частично на казаков¹¹⁹. Служба на линии продолжалась более 6 месяцев, примерно с 15 мая и до 15 ноября. В остальное время года юго-восточная граница империи охранялась регулярными войсками и казаками, постоянно жительствовавшими в крепостях и редутах Оренбургской линии. А Сибирская линия охранялась круглый год, где башкиры и мишари безвыездно служили в течении двух лет. В 1800 году линейная служба в Сибири была заменена этапной службой по Сибирскому тракту¹²⁰.

На линейную службу поочередно привлекались здоровые башкиры и мишари в возрасте от 20 до 50 лет. Фактически они служили до тех пор, пока имелась на то «физическая способность». Тех людей, которые по старости или по болезни не могли дальше направляться на службу, по их собственному письменному заявлению увольняли от службы и выключали из «дворового числа». Например, в 1782 году башкир Усерганской волости

Якшигуль Сеитов обратился с просьбой к Оренбургскому обер-команданту Н.А.Ладыженскому освободить его от несения службы, так как ему «уже 60 лет, да к тому же он больной и бедный». Н.А.Ладыженский приказал старшине Усерганской волости уволить и исключить из дворового числа просителя¹²¹.

Часто на службу привлекались малолетние, не достигшие 20-летнего возраста, престарелые, и люди, не могущие по состоянию здоровья нести службу. Это было связано с бедностью указанных людей, которые за определенное вознаграждение шли служить вместо своих богатых однообщинников. Это явление также было связано и со злоупотреблениями старшин, которые, нарушая установленную очередность, чаще привлекали к службе бедных башкир. На эти недостатки, например, указывал сам О.А.Игельстром, видя в них причину слабости линейной охраны¹²².

Как уже указывалось, несение линейной службы было очень обременительной повинностью для башкирских масс. Наряду с увеличением с 1786 года числа отправляемых на службу людей, в связи с ухудшением русско-казахских отношений в 80-х гг., в 1787 году с разрешения вышестоящих властей О.А.Игельстром организовал полк «добровольцев» из мишарей по типу казачьих иррегулярных полков¹²³. Содержание этого полка также легло на плечи башкирского и мишарского населения¹²⁷. Поэтому генерал-губернатор О.А.Игельстром в 1788 году подал рапорт Екатерине II с просьбой частично облегчить тяжелое материальное положение башкир, взяв часть расходов, связанных с линейной службой, на казну. Он указывал, что более 7 тысяч воинов «зависят от самих себя» и если добавить к этому 1000 человек вновь сформированного полка, находящихся «на собственном содержании», то «...башкирский народ может от того весьма почувствовать отягощение». И, исходя из этого, О.А.Игельстром просил обеспечить «им казенное содержание»¹²⁵.

Правительство, прислушиваясь к мнению О.А.Игельстрема, а также учитывая неоднократные жалобы башкир на тяжесть содержания войск, 29 января 1791 г.* издало указ, которым было повелено: «...башкирцам, кои наряжаются на летнюю линейную службу, за то время, покуда они продолжают оную, производить каждому по окладу рядового солдата»¹²⁶. Интересно, что этот указ первоначально распространялся лишь на башкир. Несколько позже, в октябре 1791 года, по рапорту генерал-губернатора А.А.Пеутлинга Екатерина II распорядилась распространить силу этого указа и на мишарей¹²⁷.

Одной из причин, побудивших царское правительство пойти на такую уступку, было ухудшение в 80-х гг. русско-казахских отношений. В это время в Младшем казахском жузе началось крупное движение под руководством Срым Датова. Хан Младшего жуза, сторонник России, был

вынужден бежать под покровительство царских властей. В этих условиях местная царская администрация серьезно опасалась возможного перехода башкир на сторону взбунтовавшихся казахов, ибо некоторые чиновники доносили, что «... между башкирами имеются тайные злоумышления»¹²⁸.

Этими же соображениями руководствовалось царское правительство, когда указом от 17 января 1797 года заменило выдачу провианта или 50 копеек денег в месяц денежным жалованием по рублю на человека в месяц¹²⁹.

Однако эти указы не всегда соблюдались. Башкиры, командированные на линейную службу, часто не получали положенного им провианта и денег. Так, в 1795 году комендант Звериноголовской дистанции полковник Ангелар доносил, что башкиры «... состоят теперь здесь без получения провианта, на что никакого положения не сделано ... и имеют они ныне себе пропитание из единственного только доброжелательства частных людей, отчего показывается в них ропот и недовольствие»¹³⁰.

Все более широкое привлечение башкир на линейную службу вело не только к росту расходов на их содержание. Отсутствие мужчин в хозяйстве в разгар полевых и других работ довольно отрицательно сказывалось на положении башкир, особенно бедных. Поэтому башкирские старшины Амирхан Абызаев и Абдузелиль Султанов 1793 году обратились к Екатерине II с просьбой внести изменения в существующий порядок несения службы. Они писали, что «многие, распродав все свое имущество, оставили жен и малолетних детей своих на произвол судьбы, а большая часть, оставив не только хлебопашество... домостроительство и прочую экономию, но даже состарившихся немощствующих своих родителей без всякой помощи, удалились на службу... употребив к тому, как и всегда исполняемо было, собственное свое одеяние, оружие и прочие нужные воину вещи»¹³¹. А также они, указывая, что теперь «... место брани заступил мир ...», просили наряжать на службу, как было до 1786 года «... не более одного из восьми башкирских дворов человека...»¹³².

Как видно из этого же прошения, башкирские старшины изъявили желание нести службу отдельно от мишарей, ссылаясь на то, что якобы мишари «... через разные происки учиняясь командирами, немалые служащим башкирам наносят обиды...»¹³³.

Также они просили башкирских старшин уравнивать с атаманами и полковниками донского войска, присвоив им звания обер-офицеров с получением соответствующего жалованья¹³⁴. В этой просьбе вырисовывается желание башкирской старшинской верхушки получить право на выслугу офицерских званий, получив чины полковников и атаманов.

В 1794 году с аналогичной просьбой (за исключением пункта об уравнивании с донскими казаками) обратились к генерал-прокурору А.Н.Самойлову и мишарские старшины¹³⁵.

Просьба башкир и мишарей была удовлетворена лишь частично. В 1794 году А.А.Пеутлинг в своем представлении по этому поводу генерал-прокурору А.Н.Самойлову указывал, что впредь наметется наряжать на службу с 5 дворов одного человека¹³⁶. При этом он, ссылаясь на указ 1791 года о выдаче башкирам на месяц по 50 копеек денег, подчеркивает, якобы «...башкирцы сию службу считать себе отягощением...не имеют права»¹³⁷. А жалобу башкир на мишарей А.А.Пеутлинг считал необоснованной. Просьба башкирских старшин об уравнивании с донскими казаками также осталась без рассмотрения.

Тяжесть несения службы усугублялась из-за злоупотреблений со стороны старшин, земских исправников. Недаром сам О.А.Игельстром был вынужден признать допускающиеся злоупотребления со стороны «башкирского правления обще с земскими исправниками»¹³⁸.

В 1781 году поверенный башкир Юмартынской волости Кадырбай Мусин обратился к губернатору И.В.Якоби с жалобой на мишарского старшину Мухамет-Рахим Ибраева, который при сборе людей для двухгодичной службы на Сибирской линии затребовал с каждого человека по 40 рублей, что и было взыскано с них, а другой старшина Амерхан Юсупов, якобы «за излишнее за них бытие в Сибирской линии» собрал с тех же башкир 300 рублей денег. Лица, сопротивлявшиеся этим вымогательствам, были вызваны в Табынскую канцелярию и посажены под караул¹³⁹.

Часть старшин присваивала себе деньги и провиант, предназначенный для выдачи рядовым воинам. Так, в 1777 году башкиры и мишари, сбежавшие из Сибирской линии, показывали, что старшина Абдулвахит Смаилов постоянно не выдавал им «денежное и хлебное жалование»¹⁴⁰.

От башкирских старшин не отставали и земские исправники, занимаясь вымогательством, взяточничеством при сборе и отправке очередной партии воинов на линейную службу. По свидетельству башкир Белебеевского уезда исправник Алексеев систематически занимался вымогательством среди них¹⁴¹. А в 1800 году в Оренбурге рассматривалось дело об исправнике Протопопове, который обвинялся в притеснениях и взятках, «чинимых им в Уфимском округе»¹⁴².

Не легче было положение башкир, несших линейную службу. Нехватка продуктов питания, плохие жизненные условия в линейных крепостях доводили их до настоящей нищеты и разорения. Служба на линии была разорительной также из-за злоупотреблений штаб и обер-офицеров полевых батальонов, под командованием которых находились

башкиры. В 1794 году старшины Юмран-Табынской, Бишауль-Табынской и других волостей в своем прошении на имя правителя Уфимского наместничества А.А.Пеутлинга изложили жалобу башкир, вернувшихся со службы. Офицеры использовали их для выполнения собственных работ «без всякой платы». От чрезмерного изнурения пали лошади, в результате чего «служашие приходят в дома свои пешие».¹⁴³ писали они.

Но, несмотря на всю тяжесть линейной службы, башкиры предпочитали оставаться в неподатном состоянии. Это было следствием того, что они всегда опасались утверждения среди них крепостнических порядков.

Возникает вопрос, как относилось правительство к этой проблеме, и были ли попытки с его стороны перевести башкир в податное состояние? Да, были. Еще в период разгара Крестьянской войны 1773-1775 гг., в 1774 году Правительствующий Сенат рассматривал вопрос о переводе башкир в податное состояние путем раздачи их помещикам, дабы «пресечь вольность и их всегдашнюю к возмущению склонность»¹⁴⁴. В представленном П.И.Панину докладе с таким же планом выступил генерал-губернатор края И.А.Рейнсдорп для установления в губернии «спокойствия и тишины»¹⁴⁵. Однако к таким попыткам башкиры относились крайне враждебно. Обсуждаемый в правительственных кругах проект таил в себе большую опасность в том отношении, что антиколониальная борьба башкир была слишком упорной и повторное вооруженное выступление было вполне реальным. Недаром генерал-губернатор О.А.Игельстром докладывал Екатерине II, что «...почти ни один год не проходит чтобы не рождалась искра, стремящаяся воспламенить внутреннее беспокойство»... и «лишь бы явился отважный ... предводитель», башкиры готовы «тотчас произвести бунт или мятеж»¹⁴⁶. Поэтому впоследствии рассматривался вопрос о переводе в податное состояние лишь части башкирского населения, главным образом тех, кто попал «по той или иной причине в кабалу»¹⁴⁷.

Интересен в этом плане указ Сената от 11 декабря 1789 года «о дозволении башкирцам вступать в податное состояние»¹⁴⁸. Дело в том, что двое башкир из Верхнеуральского уезда пожелали перейти в податное состояние с платежом 80-копеечной тептярской подати. Местная казенная палата дала запрос в Сенат – зачислить ли их в податное состояние и «если впредь таковые же из башкирцев желающие вступить в число платящих подать являться и сами просить будут, то причислять ли во оную?». Сенат дал положительный ответ: «Удовлетворить в сем случае, как их, так и подобных им людей желаниям»¹⁴⁹.

Таким образом, этот указ показывает, что царское правительство не возражало переводу башкир в податное состояние, однако вышеуказанная причина заставляла его предоставлять решение этого вопроса самим башкирам.

Нежелание башкир перейти в податное состояние объясняется еще тем, что они с ненавистью относились к гражданским властям, ибо грабежи и насилия их были еще свежи в памяти народа. То, что башкиры предпочитали нести военную службу и опасались податного состояния, было известно органам царской власти¹⁵⁰. Поэтому царское правительство решило превратить башкир в военно-казачье сословие. Тем более сами башкирские старшины, как известно из прошений А.Субзаева¹⁵¹, А.Чапдарбаева¹⁵², просили освободить их от опеки гражданских властей и перевести башкир полностью в военно-казачье сословие.

Особенно энергично действовал в этом направлении генерал-губернатор края О.А.Игельстром. Он также считал, что «...сей народ (башкиры – М.К.) по всем сведениям, которые из архивов почерпнуть можно, с самого заведения Оренбургской линии...с верностью отправляет службу, кроме тех случаев, когда им казалось, что будут его вынуждать к перемене веры и присоединят к людям податным государственными обложениями...»¹⁵¹. Исходя из этого, он предлагал «...составить из оного войско подобно казачьему, учредить над оным главное войсковое правление и частное начальство по примеру казаков»¹⁵⁴.

Еще в апреле 1789 года О.А.Игельстром решил внести ряд изменений в несение военно-сторожевой службы башкир. Он разделил башкирские волости по командам или юртам. Во главе 103 юрт, на которые было разделено 20908 башкирских дворов, состояли назначенные им же юртовые старшины и их помощники (52 чел.). Отправляемых из этих юрт на службу лиц должны были возглавлять походные старшины (63 чел.) и сотники (213)¹⁵⁵. Этот порядок, по мнению О.А.Игельстрема, создавал ряд удобств как при сборе башкир для отправки на службу, так и для успешного надзора над всем башкирским населением.

Однако башкиры, хотя и считались «военным народом», все же по-прежнему находились под ведомством гражданских властей. Лишь с 1797 года башкиры, в связи с образованием должности военного губернатора, которым стал тот же О.А.Игельстром, по линии военной службы, исключая «домостроительство и тяжёбые дела», были отданы под ведомство военного начальства¹⁵⁶.

Окончательный перевод башкир в военно-казачье сословие состоялся в 1798 году в связи с установлением кантонной системы управления, и порядок несения в этот период башкирами и мишарями линейной службы достаточно хорошо освещен в нашей исторической литературе, поэтому нет необходимости повторять уже известные положения.

Таким образом, основной повинностью башкир и мишарей в последней четверти XVIII века была личейная служба по охране юго-восточных границ империи.

Кроме того на башкир и мишарей были возложены и другие повинности: содержание почтовых трактов, подводная гоньба, ремонт дорог, мостов, переездов и установка вех в зимнее время.

Башкиры и мишари не только обслуживали ямские станции, расположенные по важным Уфимским и Исетским трактам, но и содержали их за свой счет. Всеми этими делами ведали почтовые комиссары, назначаемые из башкирских и мишарских феодалов, согласно указу Правительствующего Сената от 1776 года¹⁵⁸. Эти комиссары собирали с населения на содержание почтовых станций, ямщиков и лошадей так называемые «почтовые деньги» из расчета по 20, иногда по 25 копеек с каждого двора. Так, например, в 1780 году с 16736 башкирских дворов было собрано 3430 руб. 80 коп. почтовых денег¹⁵⁹. На постройку новых почтовых станций, на ремонт старых ямских домов деньги также взимались с башкир и мишарей. В 1782 году почтовым комиссаром Ишмухаметом Сулеймановым на ремонтные дела было собрано с мишарских дворов 3446 рублей денег – по 4 рубля 3 четверти с каждого двора¹⁶⁰.

Тяжелым бременем лежала на плечах башкирских и мишарских масс подводная повинность. Башкиры и мишари на своих подводах возили по трактам почту, эстафету, рекрут, проезжающие воинские команды, а также представителей царской администрации. Обеспечение подводами для развозки по крепостям и редутам провианта и фуража также было возложено на них. Так, для доставки почты каждая башкирская команда должна была выставить по 10 подвод. Состоятельные люди вместо подвод давали деньги – за пару подвод от 5 до 10 рублей¹⁶¹. Как видно из донесения старшины Усерганской волости Бикбов Исхакова, по Исетскому тракту «на Бердяшском и Акбердинском ямах для воски почты и курьер находится на каждом по 4 ... и сверх оных при тех же ямах по указу содержится 12, да на Никитском редуте 21 лошадей, но при всем, сим, – как пишет он, – во время проходу по оному... тракту тяжестей они (т.е. башкиры его команды – М.К.) на подводах провожают»¹⁶². Наглядное представление о том, что возили башкиры, дает реестр, составленный старшинами Тангаурской волости о подводной гоньбе:

Возили из Верхнеуральской крепости до Преображенского завода провиант в зимнее время на 80 поводах;

Из Верхнеуральской крепости в г. Оренбург возили воинскую команду на 140 подводах, «довольствуя лошадей оных безденежно овсом и сеном»;

На 200 подводах возили рекрут;

От крепости Бердяуш до Ускалыкского яма возили «денежную казну «в три рас на 46 подводах»;

Возили от Бердяуша и до Воздвиженской крепости вино на 30 подводах, по 3 бочки в каждой;

В конце реестра указывается, что от них «было в возке 835 подвод»¹⁶³.

Особенно страдали от подводной повинности жители тех волостей, селения которых располагались близко к большим трактам, крепостям. Старшина Бурзянской волости Киньябулат Алкашев в 1777 году рапортовал губернатору о том, что «...команды его башкирцы отбегая от гоньбы подвод уходят от селений, лежаших возле тракта в степь»¹⁶⁴.

Это свидетельствует о том, что башкирам было нелегко нести подводную повинность. Башкиры должны были давать подводы проезжающим по трактам царским чиновникам, которые ездили по казенным делам. Для того, чтобы получить подводу с башкир, проезжим полагалось иметь специальные проездные документы, называющиеся прогонными. За проезд по прогонам владельцам лошадей и подвод проезжим следовало уплачивать определенную сумму денег. Однако везде и всегда это положение не соблюдалось. Часто различные лица брали с башкир подводу вовсе без прогонных документов, при этом всегда старались обмануть и обобрать «безгласного» башкира. Один из очевидцев того времени писал об этом так, что «...жители ужасно жалуются...ибо у них подводы берут не только без прогонов, но сверх того еще и бьют»¹⁶⁵.

В 1799 году башкирский старшина Илкейминской волости Ногайской дороги Бакир Таймасов доносил губернатору, что башкиры, живущие на проезжих дорогах Уфимского тракта, терпят «много обиды от проезжающих по оному разного звания людей и воинских команд, которые ...не имея подорожных (билетов) ...берут много подводы, да и не платя еще за оные прогонов и пользуются таким же насильным взятием съестных и прочих припасов»¹⁶⁶. Насколько обременительными были эти повинности свидетельствует тот факт, что башкиры на условиях несения за них повинностей, припускали на свои земли переселенцев. Так, в 1795 году башкиры Кубовской волости Уфимского уезда разрешили группе чувашей пользоваться вотчинными их землями. За это чувашаи должны были давать за башкир подводы для доставки почты до различных станций, мостить мосты, проводить проходящие по трактам воинские команды, обеспечивая их фуражом, сеном¹⁶⁷. В том же году башкиры деревни Карашиды Минлярской волости того же уезда уступили чувашам часть своих земель «...за подводную гоньбу...без оброку в вечное и потомственное владение». Чувашаи должны были провожать за башкир «проходящие команды», мостить мосты, выставять подводы «для прогонов»¹⁶⁸.

Таким образом башкиры, кроме военной службы по охране юго-восточных границ империи, несли и другие повинности, как содержание почтовых трактов, подводная гоньба и другие. Они не платили государству каких-либо податей и составляли так называемое неподатное население края. Попытка правительства перевести башкир в податное состояние,

встретив их сопротивление, не дала желаемых результатов. Поэтому царизм решил пойти по пути более широкого привлечения башкир к военной службе, превратив их в военно-казачье сословие. Сами же башкиры, несмотря на тяжесть линейной службы, предпочитали её другим видам повинностей и податей. Также следует подчеркнуть, что правительство, придерживаясь такой особой позиции в отношении башкир, проводило в определенный мере политику приручения «склонных к бунтам» башкир. Тем самым оно превращало башкир и мишарей в более привилегированное военное сословие, подготавливая из них своих будущих слуг, которых легко было бы использовать в случае войны, а также и полицейских целях. В то же время неверно было бы представлять себе, что несение этих повинностей было легче, чем плата различных податей. Несколько позже газета «Петербургские ведомости» писала по этому поводу так: «Сравнивая повинности башкир с повинностями свободных хлебопашцев податного сословия, ...увидим, что башкиры более отягощены..., чем последние»¹⁶⁹.

§ 4. Борьба башкир против социального и колониального гнёта

После подавления Крестьянской войны 1773-1775 гг., одним из очагов которой был Башкортостан, царское правительство предприняло целый ряд мероприятий, чтобы впредь не допустить открытого вооруженного выступления башкирского народа против социального и колониального гнета. Жестокое подавление царизмом башкирских восстаний XVII- XVIII вв. окончательно подорвало политическую, моральную и жизненную силы народа. Башкиры, как отмечается дореволюционными исследователями, совершенно «присмирели» и край уже не испытывал таких крупных волнений, как это было прежде. Но это объясняется не только обескровлением башкирского народа. Как известно, во всей обширной Российской империи, после подавления Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева, также не было грандиозных крестьянских восстаний, столь характерных для XVII – XVIII вв. Это объясняется, по мнению наших историков, рядом причин: политическая – усиление власти дворян и помещиков в связи с изменением в форме управления и установлением жестокого военно-полицейского режима; социально-экономическая – дальнейшее разложение крепостного строя, постепенное проникновение рыночных отношений в деревню, что вело к расслоению крестьянства и расколу его рядов. Крестьянство, объективное содержание выступлений которого не выходило за рамки узких социально-политических требований, не несло преобразующего начала всего нового (хотя и ослабляло старые порядки), постепенно уступало свое место

(передовое в рамках феодального режима) в борьбе за ликвидацию крепостнических порядков в условиях зарождения и развития рыночных связей другим сословиям и классам.

Безусловно, Башкортостан как национальная окраина царской России, имел ряд специфических особенностей в вопросах социальной, национально-освободительной борьбы. Но, тем не менее, и здесь сказалось влияние общих закономерностей. Царское правительство, как уже неоднократно подчеркивалось, делало все, чтобы не допустить выступления народных масс края, особенно башкир, против национального и колониального гнета. С этой целью была проведена реорганизация управления краем, вводилась кантонная система управления, возникло Мусульманское духовное собрание и т.д. В то же время более широкое приобщение башкир к земледелию, которое вело к распаду родовых общин, к возникновению частной собственности на землю, значительно усилило расслоение внутри башкирского общества. Проведение Генерального межевания в крае еще более углубило имеющиеся социальные противоречия в башкирском обществе и в конечном счете привело к обострению отношений между различными слоями населения Башкортостана на основе бесконечных земельных споров. Тем самым царизм добился значительного ослабления борьбы народных масс края против социального и колониального гнета. Но это не означало полного отсутствия сколько-либо значительного сопротивления против колониальной политики царизма и т.д. Это сопротивление приобретало различные формы: подача жалоб и прошений, отказ от несения повинностей, побеги в казахские степи и иногда попытки вооруженного сопротивления. Для такого рода выступлений поводов и причин в крае было больше, чем достаточно. Недаром О.А. Игельстром отмечал, что башкиры «... готовы тотчас произвести бунт и мятеж», «лишь бы явился отважный им предводитель»¹⁷⁰.

Башкирскому народу, подвергавшемуся эксплуатации со стороны собственной феодальной верхушки, приходилось испытывать на своей шее всякого рода притеснения и насилия, совершаемые русскими дворянами и помещиками.

Местная царская администрация, которую представляли русские помещики и дворяне, отличавшаяся сверху и донизу пристрастием к лихоимству, взяточничеству, казнокрадству и произволу, была орудием эксплуатации населения Башкортостана. Общая политическая линия царизма, направленная на укрепление своих позиций в крае через посредство местных властей, дала широкую возможность местным представителям властей осуществлять свои корыстные цели за счет всевозможных притеснений «инородцев». Но, в то же время, царское правительство, хотя и стояло на защите интересов господствующих

классов. придерживаясь определенных политических соображений, шло иногда на ограждение местного населения от чрезмерных злоупотреблений, допускаемых как местными властями, так и отдельными лицами. Ведь недаром оно пыталось представить себя силой, призванной якобы защищать интересы всех подданных империи. Безусловно, это было тактическим прикрытием, к которому прибегали и прибегают все доселе известные правительства и правители. Разумеется, что некоторые частные уступки угнетенному народу не могли изменить общее тяжелое его положение.

Активное сопротивление башкирского народа натиску царских властей также вынуждало правительство относиться к ним более осторожно. Но в исследуемый период, как и на протяжении всей дореволюционной истории, грабежи и обман, допускаемые в отношении башкир со стороны царских чиновников, военных чинов были распространенным явлением. Недаром большинство дореволюционных исследователей истории края видело в них одну из причин башкирских восстаний XVII – XVIII вв. Жалобы и челобитные башкир красноречиво говорят об этом. Так, в 1776 г. башкиры деревни Каран Казанской дороги Мансур Саферов с товарищами доносили Ногайбацкой конторе о насилиях, чинимых поручиком Валмасовым из Великолуцкого пехотного полка, который был квартирован по соседству с их деревней. Поручик Валмасов, как пишут башкиры, приехав в их деревню с сержантом А. Коневым «требовал з деревни нашей во взятку денег и протчего, страшая нас разорением». Таким путем Валмасов с сержантом собрали с населения деньги, гусей и уток, яйца, полпуда меду и т.д. Когда двое башкир выразили недовольство их действиями, то они были жестоко избиты солдатами и брошены «на улице, дабы де съели собаки»¹⁷¹.

Широко было распространено взяточничество. При рассмотрении дела секретаря Оренбургского пограничного суда Чекалова выяснилось, что он брал взятки с присланных для разбора судебных дел башкир. Общая сумма этих взяток достигла огромной цифры – 16720 руб.¹⁷²

Часто жаловались башкиры на царских чиновников, особенно на притеснения со стороны земских исправников, членов уездных и земских судов и т.д. Так, в 1800 г. в Оренбурге рассматривалось дело бывшего Уфимского исправника Протопопова, который притеснял жителей уезда, брал взятки¹⁷³. Башкиры Мензелинского уезда жаловались на секретаря нижнего земского суда Дм. Тисенкина за «чинимые им притеснения и обиды»¹⁷⁴.

Естественно, действия царских администраторов в Башкортостане вызвали недовольство народных масс края и толкали их к активной борьбе. Показательно в этом отношении донесение одного из офицеров царской армии, относившегося с сочувствием к башкирам. Он

писал, что в Башкортостане «притеснения почти до совершенной степени дошли» и трудно найти другое такое место. «в котором ... находится столько людей, которые состоянием своим недовольны». Исходя из этого, он указывал, что башкиры «готовы отомстить» за насилия и «если притеснения и несправедливости не будут прекращены, то непременно из того воспоследует бунт». Интересным представляется его заявление о том, что «без кровопролития законный порядок не восстановится»¹⁷⁵.

В Башкортостане еще были свежи следы прошедшей здесь Крестьянской войны. Поэтому в 70-х гг. XVIII в. проявление недовольства со стороны башкир было связано с именем Е.И. Пугачева. Недаром один из царских чиновников доносил графу П.И. Панину, что те «... башкирцы говорят – хотя одного Пугачева искоренили, только еще у него два брата живых», и что «рано Демидов заводы строит»¹⁷⁶. В этих условиях местные власти предприняли меры предосторожности, предупредив о возможных выступлениях башкир начальство горных заводов и Исетскую провинциальную канцелярию. Царские власти стремились в те годы пресечь даже какое-либо упоминание имени Пугачева. Призрак грозного «Пугача», олицетворявшего Крестьянскую войну, еще продолжал беспокоить их.

В 1775 г. башкир Белокатайской волости Савкабий Кусяляпов был жестоко наказан плетью за «произносимые им ... « при встрече со старшим сержантом Черноярского полка Смирнягиным и капитанармусом Мясниковым¹⁷⁷ слова, что де не всех мы вас перекололи, да ... еще сыщем Петра Федоровича». Оренбургский генерал-губернатор И.А. Рейнсдорп своим указом от 16 ноября 1775г. предписал «ежели впредь в пустых произношениях непристойных слов кто оказываться будут ... касательно народному возмущению оных сечь нещадно плетью»¹⁷⁸.

В 1776г. по доносу татарского муллы Абдулгофера Мансурова были пойманы и отправлены на расследование в Оренбург тархан Расул Итзимясов и Хамзя Апышев - башкиры Каратабынской волости, которые были обвинены в распространении слухов, что-де Пугачев жив и скрывается в казахских степях и ждет помощи от башкир¹⁷⁹.

Имелись факты и открытого вооруженного выступления отдельных, разрозненных отрядов повстанцев.

Так, в ноябре 1777 г. отряд башкир, состоящий из 100 человек, напал на Вознесенский медеплавильный завод (казенный) и увез оттуда пушки и порох. Для поимки повстанцев был отправлен конвой во главе с прапорщиком Черепановым¹⁸⁰.

В 1778 г. в пределах Гайнинской волости Осинской дороги произошло вооруженное выступление башкир во главе со старшиной Токтамышом Ижбулатовым, «да пригода Осы пахотным солдатом»

Тихоном Бреховым. Местные власти доносили губернатору, что «башкирцы разьезды имеют великими партиями, а паче вооруженные»¹⁸¹.

Однако эти движения не вышли за пределы одной волости, они носили весьма узколокальный характер и были подавлены. В дальнейшем, в 80–90-х гг. XVIII в., сопротивление башкир колониальному и социальному гнету приобретает иные формы. Наиболее распространенной формой выражения недовольства башкирами существующим положением была подача жалоб и прошений. Не часто эти жалобы, за редким исключением, рассматривались и получали справедливое решение. Да и само написание жалобы или прошения было сопряжено с большими трудностями, из-за царящей волокиты и неразберихи в административно-судебных учреждениях. Об этом, например, писали в 1800 г. сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин в своей записке Сенату о необходимых изменениях в управлении Оренбургской губернией. «Таковые беспорядки, оприч нарушения законов и оскорбления святости правосудия, могут, наконец, посеять явственное неудовольствие в оные народы», - отмечали они, указывая на медлительность и бездействие органов местной власти при рассмотрении жалоб жителей края. Лишь изредка жалобы, дошедшие до вышестоящих властей, решались в пользу обиженных просителей. В 1802 г. башкиры, мишари, тептяри ряда деревень Бирского уезда подали жалобу Александру I о причиняемых членами Бирского земского суда «тягчайших обидах». Как видно из их жалоб, они уже «неоднократно утруждали ... главное тамошное начальство» своими прошениями, «но оное не только не зделало совершенное нам удовлетворение, но притом по несколько времени содержало нас под стражей». И, как пишут они, видя, что «теми судами в пользу нашу никакие дела не решаются» вынуждены были обратиться к самому царю¹⁸².

Наконец, именным указом Александра I, данным Оренбургскому губернатору Бахметеву, было повелено виновных передать строгому действию закона и суда, «обиженным доставить удовлетворение, распорядив и на будущее время, чтобы безгласный, отдаленный сей народ не был отчужден от силы и покровительства общих законов»¹⁸³. Естественно, что такие отдельные справедливые в своей основе решения царя не могли изменить в целом существующие порядки, которые были порождены самой крепостнической системой, благоприятствующей расцвету насилия и произвола в отношении народных масс.

Бегство людей, находившихся в кабальном положении, также было формой сопротивления гнету. В 1781 г. татарский мурза М. Чанышев доносил Оренбургскому обер-коменданту о том, что сбежал находившийся у него в работниках башкир Янгигарган Алимгулов, подговорив к бегству еще одного дворового человека и захватив двух его лошадей¹⁸⁴. После этого события всем старшинам Усерганской волости было приказано

принять меры для поимки сбежавших людей¹⁸⁵. Такие факты не единичны. Об этом свидетельствует ряд донесений феодалов о такого рода побегах¹⁸⁶.

Широкое распространение получил отказ рядовых башкир подчиняться своим старшинам, которые доводили до возмущения своими насильственными действиями обедневших однообщинников. Так, башкиры Юрматынской волости жаловались на юртового старшину Арсланбека Макишгулова, который часто отправлял малообеспеченных башкир вне очереди на службу, «чинил обиды и разные поборы». Исходя из этого, жалобщики отказались нести линейную службу¹⁸⁷. В 1800 г. в 10-м башкирском кантоне был избит старшина рядовыми башкирами за причиняемые им бесконечные притеснения и поборы¹⁸⁸. Следует также отметить, что к концу XVIII в. значительно увеличивается количество жалоб, подаваемых башкирами на своих старшин¹⁸⁹. Эти факты говоря о том, что в конце XVIII в. значительно обостряется социальная борьба внутри башкирского общества.

Таким образом, несмотря на установленный в крае жестокий военно-полицейский режим, сопротивление масс колониальному и социальному гнету продолжалось.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ПСЗ РИ.- Т.IV.№2218
2. ПСЗ РИ.- Т.VIII.№5516,6518.
3. Рычков П.И. Типография Оренбургская.-СПб., 1762.Ч.1, - С.100; Ч.2.-С.156,192.
4. ПСЗ РИ.- Т.XII.№8901
5. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1.Д.191.Л.8.
6. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1.Д.196.ЛЛ.8-18 об.
7. ГАОО. Ф.3. Оп.1.Д.181.ЛЛ.611-611 об.
8. ГАОО. Ф.3. Оп.1.Д.159.ЛЛ.1-10, об.
9. РГАДА. Ф.Паниных. О.1. Д.196.Л.100
10. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв.(Сб. документов и материалов)- Алма-Ата, 196.- Д.№41.- С.85.
11. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). М.; Л., 1940,- Т.IV. Д.№33.- С.122.
12. Там же.- С.122.
13. ГАОО. Ф.3, Д.154.Л.126 об.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд.- Т.5.- С.160.
15. Тюба – подразделение башкирских волостей (обычно самое мелкое), составлявшее башкирскую общину. Иногда совпадала с аймаком, большей же частью

- представляла часть аймака; Аймак - родовое подразделение, часть волости. См.: Материалы. Т.4. Ч.2. С.605.
16. РГВИА. Ф.ВУА. Д.18. 804. ЛЛ.21-24
 17. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1. Д.196. ЛЛ.72-75. об.
 18. Архив Пушкинского дома Ленинграда. Ф.596. Д.IV-75/
По другим данным всего башкирских старшин было около 103 и мишарских 12. РГАДА. Ф.Паниных. Оп.1. Д.196. ЛЛ.75. об., (1775)
 19. Лепехин И.И. Записки путешествия... «Полное собрание ученых путешествий». СПб.. 1821. Ч.II. С.51-53.
 20. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т.V, Ч.1. С.389.
 21. Материалы.- Т.V.- С.684.
 22. Материалы.- Т.IV.Ч.1. - С.389.
 23. ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.42. ЛЛ.57 об.-62.
 24. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.155. ЛЛ.21.
 25. ПСЗ РИ Т.20. №14540. 1776 г.
 26. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.154. ЛЛ.162 об.-113.
 27. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.171. ЛЛ.16.
 28. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.184. ЛЛ.439-441.
 29. Там же. ЛЛ.446.473.
 30. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.181. ЛЛ.717-724.
 31. ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.181. ЛЛ.717-724.
 32. Ташкин С.Ф. Иностранцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Вып. I. Оренбург, 1921. С.247.
 33. Архив ПД Ленинграда. Ф.596. Коллекция А.Н. Островского, Д.10-119.
 34. История СССР. Т. III. - С.485.
 35. ПСЗ РИ. Т.XXXI. №15307.
 36. ПСЗ РИ. Т.XXI. №15992. В составе Оренбургской области.
 37. ПСЗ РИ. Т.XXI. №15324; РГАДА. Ф.248. Оп.80. Д.6551. Л.1 об.
 38. РГАДА. Ф.248. Оп.80. Д.6551/1. Л.76.
 39. РГАДА. Ф.248. О.80. Д.6551/1. Л.76. Дата открытия Уфимского наместничества рядом исследователей указывается неточно. Так Алекторов А.Б. в своей работе «История Оренбургская» (Оренбург, 1883) пишет, что «...в 1783 г. 17 мая произошло торжественное открытие Уфимского наместничества. См.: С.71; Игнатьев Р.Г.

называет другую дату-1785 г. См: Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. /Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. С.12; Чернавский считает 17 мая 1784 года днем открытия наместничества. См.: Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем //ТОУАК. Вып.1. Оренбург, 1900. С.83 и т.д.

40. РГАДА. Ф.16. Д.932.Ч.1. Л.11-12 об.

41. Там же. Л.10 об.

42. РГАДА. Ф.248. Оп.80. Д.6551/1. Л.781-788.

43. РГАДА. Ф.16. Д.931/1. ЛЛ.28-29.

44. Там же.

45. Барон О.А.Игельстром вышел из лифляндской дворянской семьи. Участвовал в первой русско-турецкой войне. В 1784 году по рескрипту Екатерины II получил место генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств. В 1790 году участвовал в войне против Швеции. В 1792 году был переведен главным начальником над русскими войсками, расположенными в Польше. В 1797 году Павлом I вновь назначен Оренбургским губернатором. Дослужился до звания генерала от инфантерии. Умер в 1817 году. См.: Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк.Т.1.Вып.П. Оренбург, 1901.- С.184. Тенденциозную оценку деятельности О.А.Игельстрема в Оренбургском крае дает один из дореволюционных исследователей Юдин П.Л. Он считал его «плохим администратором и бездарным военным человеком». Особенно Юдин нападает на него за допущение им открытия Мусульманского духовного собрания, объявляя его даже «противником русской власти». См.: Юдин П.Л Барон О.А.Игельстром в Оренбургском крае (1784-1793)//Русский архив. М.,1897. №4. С.513-555.

46. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков.-Алма-Ата, 1950.- С.232.

47. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.5 ЛЛ.317 об.

48. РГАДА. Ф.7.Д.2553.Л.9.

49. Материалы.- Т.5. Д.№448.

50. РГИА.Ф.1350. Оп.56.Ч.1.Л.4.

51. РГИА.Ф.1350.Оп.56.Д.563.Ч.1.Л.4.См.также Материалы.- Т.V. Д.№446.- С.569.

52. Там же.
53. Материалы.- Т.5. Д.446.- С.570.
54. Материалы.-Т.5. Д.445.- С.568.
55. Там же.- Д.№446.- С.572.
56. ПСЗ РИ.Т.23.Д.№17634.
57. ГАОО. Ф.6. Оп.1.Д.40.ЛЛ.1-1 об. См. Материалы -Т.V. Д.№449.
58. ПСЗ РИ. Т.25,- Д.№.18477.
59. Материалы.-Т.5.- Д.448.
60. РГИА.Ф.1350. Оп.56.Д.563.Ч.1.Л.3-6.
61. РГИА.Ф.1350. Оп.56.Д.563.Ч.1.Л.13.
62. ПСЗ РИ.- Т.25.- Д.№.18477.
63. Асфандияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкортостане//Из истории Башкортостана. Уфа. 1968.- С.157.
64. Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.1. Уфа, 1956.- С.192.
65. ПСЗ РИ.- Т.IX,- Д.№.6890.
66. Чулошников А.П. Восстание в Башкирии в 1755г. М.;Л.,1940.- С.89-91.
67. ПСЗ РИ. Т.XIX. Д.№.13996.
68. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии//Материалы по истории Татарии. Казань.1948. Ч.1.- С.247.
69. Архив графа Игельстрома//Русский архив. М.,1886. №11.-С.362-362
70. Записки Мертваго Д.Б.(1760-1824)//Русский архив.- М.,1867.-С.43.
71. РГАДА. Ф.16.Д.934.Ч.4(1). ЛЛ.10-17 об.
72. РГАДА. Ф.16.Д.934.Ч.3(3) Л.147.
73. РГАДА. Ф.16.Д.934.Ч.4(1) ЛЛ.51 об.-53 об.
74. ПСЗ РИ.- Т.ХХП,- Д.№.16255.
75. Там же. №16292.
76. Там же
77. РГАДА. Ф.16.Д.934.Ч.4(3) ЛЛ.142-144.
78. ПСЗ РИ.- Т.ХХП. Д.№.16710.
79. Материалы.- Т.V,Д.№443.
80. В Башкирии более образованных людей называли муллами или абызами.

*В соответствии с указом правительства от 1833 г. все мусульмане России были обязаны строго выполнять догмы

ислама, а в случае вероотступничества виновные подвергались наказанию тремя способами: первый раз – розгами, второй раз – палками и третий раз – нагайками. См. Материалы общества по изучению Башкортостана. Краеведческий сборник. Уфа, 1930. №3-4. С.79.

81. Материалы.- Т.V.-Д.№444.

82. М.Вяткин.Журна Оренбургского муфтия //Исторический архив. Т.П.- М.; Л., 1939. С.117.

83. Материалы.- Т.V.-Д.№683.

84. В 1792 году Сенат специальным указом разрешил муфтию М.Хусаинову «и потомству его покупать поросшие земли у башкирцев и заселять оные иноверцами, покупаемые за границую». Это было сделано по просьбе самого муфтия. См.: ПСЗ РИ. Т.23, №17099.

85. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.90. Л.332.

86. РГИА. Ф.16.Д.934. Ч.5(2). Л.101-105.

87. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.90. Л.335.

88. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.426. Табель Оренбургской губернии.

89. Статья башкирца из Белебея «О землевладении в Башкирии»// Экономист.- СПб., 1862. - С.99.

90. РГАДА. Ф.16. Д.984. Ч.5(2) Л.Л.81-86.

91. Шукшинцев И.С. Волнения в Башкирии в 1865 году.//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.Х1. Оренбург,1903,-С.104.

92. ЦГИА РБ. Ф.2.Оп.1.Д.3587.Л.6.

93. ЦГИА РБ. Ф.2.Оп.1.Д.3608.Л.42.

94. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем//ТОУАК.Вып.ВП.Оренбург,1900.Вып.1,С.121

95. РГАДА. Ф.7.Д.2753,Л.3-8.

96. Можаровский А. Ход миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М.,Изд.Московского университета.1880,С.104; РГАДА. Ф.76.Д.2753.Л.21.

97. ПСЗ РИ. Т.ХХVIII. №20548.

98. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск,1891.С.81.

99. ЦГИА РБ. Ф.2.Оп.1.Д.21.28

100.ЦГИА РБ. Ф.2.Оп.1.Д.4299Л.Л.54-58 об.

101. Суходольский Л.С. Распространение христианства в пределах Оренбургского края в XVIII столетия//Оренбургские губернские ведомости. 1859 Апрель. №15.
102. Там же. 1859 Август. №31.
103. Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния иногородцев Урала//Наблюдатель. 1895. №7. С.283-284.
104. Ешевский С.В. Миссионерство в России//Журнал Министерства народного просвещения. Ч.135.СПб.1867. С.76.
105. Атнагулов С. Башкирия. М.-Л., 1925. С.21.
106. ГАОО.Ф.6.Оп.1.Л.53 об.
107. Архив Пушкинского дома Санкт-Петербурга. Ф.596. Коллекция А.Н.Островского. Д.IV-122.
108. Материалы.- Т.V. Д. №445.
109. Там же.- Д. №446.
110. Архив Пушкинского дома Санкт-Петербурга. Ф.596. Коллекция А.Н.Островского. Д.IV-78.
111. Материалы.- Т.V. Д. №446.
112. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.4(1) Л.63.
113. РГВИА. Ф.26. Оп.152. Д.19. Л.23-24.
114. Архив ПД Санкт-Петербурга. Ф.596. Коллекция А.Н.Островского. Д.IV-75.
115. ГАОО.Ф.6.Оп.1.Д.42.ЛЛ.57 об.-62.
116. РГИА. Ф.1146. Оп.1. Д.131. Л.77-79.
117. РГАДА. Ф.239. Оп.3. Д.62361. Карта Оренбургской линии.
118. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.4(1) Л.60 об.-65 об.; РГАДА. Ф.1239.О.3. Д.62361. Карта Оренбургской линии.
119. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.4(1) Л.62.
120. ПСЗ РИ. Т.29. №22487; Т.39. №29129.
121. ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.201.ЛЛ. 417.430-433.
122. РГВИА. Ф.26. Оп.152. Д.19.Л.525.
123. ПСЗ РИ.- Т. XXII №16592.
124. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.4 Л.107 об.
125. Там же.
126. РГАДА. Ф.16. Д.998.Л.1.См. также Материалы. Т.V. Д. №446, С.571. * В Очерках по истории БАССР. Уфа, 1956, Т.1 Ч.1. дата принятия этого указа названа не точно - 1790 г., С.268.
127. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.5(7) Л.412-412 об.
128. РГАДА. Ф.16. Д.934.Ч.5(7) Л.368.

129. ПСЗ. Т. XXIV. №17742.
130. РГАДА. Ф. 248. Оп. 81. Д. 6660. Ч. 2. ЛЛ. 508-508 об.
131. Материалы. - Т. V. - Д. №445. С. 567.
132. Там же. С. 568.
133. Там же.
134. Материалы. - Т. V. - Д. №445.
135. Материалы. - Т. V. - Д. №447.
136. Материалы. - Т. V. - Д. №446. С. 571.
137. Материалы. - Т. V. - Д. №446. С. 571.
138. РГВИА. Ф. 26. Оп. 152. Д. 19. Л. 519.
139. РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 73. ЛЛ. 27-28 об.
140. РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 67. Л. 1.
141. РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 92. Л. 147.
142. РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 64 об.
143. УГИА РБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 1-1 об.
144. Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. - С. 232.
145. РГАДА. ф. Паниных. Оп. 1. Д. 196. ЛЛ. 1-19.
146. Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. - С. 836.
147. Материалы. - Т. V. - Д. №437.
148. ПСЗ. Т. 23. №16824.
149. ПСЗ. Т. 23. №16824.
150. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10077. «Весьма привязаны к военному делу и званию и столько же опасаются податного состояния», - писали царские чиновники о башкирах.
151. Материалы. - Т. V. - Д. №445.
152. Материалы. - Т. V. - Д. №448.
153. РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 1. ЛЛ. 4 об.-5 (Мнение Игельstromа на прошение Чапдарбаева).
154. Там же. Л. 446.
155. Материалы. - Т. V. - Д. №446.
156. Материалы. - Т. V. - Д. №449.
157. ПСЗ РИ. Т. 26. №18477.
158. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 154. Л. 84.
159. Архив ПД Санкт-Петербурга. Ф. 596. Коллекция А. Н. Островского. Д. IV-78; Д. IV-122;
160. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 201. Л. 2.
161. Архив ПД Санкт-Петербурга. Ф. 596. Коллекция А. Н. Островского. Д. IV-122.
162. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 201. ЛЛ. 71-71 об.
163. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 201. Л. 322.
164. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 175. Л. 354.

- 165.РГАДА. Ф.7.Оп.81.Д.2884(1), Л.58 об.
166.ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.182.Л.66.
167.Несколько документов конца XVIII века о земельных отношениях башкир и чуваш. Известия археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1913.,-Т.28.В.1-6,- С.589.
168.Там же.- С.591.
169.Петербургские ведомости. 1865. №235.
170.Материалы по истории Казахской ССР. М.:Л., 1940, - Т.IV. Д.№33,- С.122.
171.РГАДА. Ф.907.Оп.1. Д.4. Л.1-1. об. (Ногайская земская контора).
172.РГАДА. Ф.1239. Оп.3.Д.59738.Л.34 об.
173.РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.90. Л.64 об.
174.Там же. Л.71.
175.РГАДА. Ф.7.Д.2884(1), ЛЛ.45-48; Донесение прапорщика Ганридера о злоупотреблениях в Уфимской губернии (1786 г.). Интересно, что прапорщика Ганридера, после следственного дела над ним, обвинив в вольнодумстве и объявив сумасшедшим, держали под стражей, под конец он был выслан за границу.
176.Пугачевщина. Материалы по истории революционного движения в России. 1931. М-Л. Т.3. С.411.
177.ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.1. Д.175.Л.100.
178.ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.1. Д.175.Л.100 об.
179.ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.159.Л.1-10 об.
180.ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.175.Л.259.
181.РГАДА.Ф.452. Оп.2. Д.70. Л.2-2 об.(Уфимская провинц. канцелярия)
182.РГАДА. Ф.5. Оп.доп. Д.41.Л.288-289 об.
183.ПСЗ РИ. Т.XXXII №20231.
184.ГАОО.Ф.3.Оп.1.Д.201.Л.356.
185.ГАОО.Ф.3.О.1.Д.201.Л.357.
186.Там же.
187.ЦИАЛ. Ф.1537. Оп.1. Д.83. Л.214 об.
188.ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.427.ЛЛ.1-1 об.
189.РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.83. ЛЛ.193,195,196. и т.д.

ГЛАВА III

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БАШКОРТОСТАНЕ

Земельный вопрос в дореволюционном Башкортостане, в силу определенных исторических обстоятельств, был всегда сложным и запутанным. Особого обострения он достиг в XVIII в., когда царское правительство, заинтересованное в более широком освоении башкирских земель, внесло существенные изменения в прежние земельные узаконения, действующие в крае.

Башкортостан к концу XVIII в. представлял собой многонациональный край, где пришлое население существенно отличалось по своим правам владения землей от коренных жителей-башкир. Земельный вопрос часто являлся предметом их взаимного спора и бесконечных тяжб, решение которых требовало вмешательства царских властей. Обострение земельных отношений в крае в исследуемый период было связано также с проблемами продажи башкирских земель, урегулирование которых занимало существенное место в земельной политике царизма. Земельную политику царизм всегда проводил с учетом своих выгод, как политических, так и экономических. Но в то же время царское правительство было вынуждено считаться и с земельными интересами башкир, так как оно опасалось их возможных волнений из-за массового обезземеливания, а также считало нужным сохранить за башкирами их вотчинные земли в интересах несения ими военной службы и отбывания других повинностей.

Особое место в земельной политике царизма в Башкортостане занимает межевание башкирских земель, которое началось в конце XVIII в.

Данная глава посвящена в основном освещению политики царизма по этим трем проблемам. Вопросы регулирования земельных отношений между башкирами и припущенниками¹ хронологически охватывают период с 1775 г. по 1798 г., т.е. до начала Генерального межевания в крае. Политика царизма по вопросам продажи башкирских земель прослежена на протяжении более длительного периода, с конца XVIII в. по 1832 г.

Это объясняется тем, что в 1832 г. правительство издало закон о башкирских землях, определивший новый этап в его аграрной политике.

§ 1. Земельные отношения между башкирами и припущенниками в свете политики царизма

Как известно, одним из главных условий добровольного присоединения Башкортостана к русскому государству было признание за

коренным населением их вотчинных прав на владение занимаемых ими земель. Тем самым башкиры, в отличие от других нерусских народов, вошедших в состав Русского государства, избавились в дальнейшем от перевода их на положение государственных крестьян с изъятием в пользу казны всех земель, за выделом определенной подушной нормы. Такая осторожная и гибкая политика Русского государства на первых порах объясняется необходимостью укрепления своих позиций в Башкортостане, который, занимая выгодное географическое положение на рубеже Европы и Азии, являлся опорным пунктом для дальнейшего продвижения в казахские степи и Среднюю Азию. В этих условиях русскому правительству было не выгодно возбуждать недовольство башкирского народа изъятием его земель в пользу казны. В первую очередь московские государи, признавая вотчинные права башкир на их землю, хотели заручиться поддержкой башкирской феодальной знати, которая фактически являлась владельцем обширных земельных угодий. При этом нужно учесть, что цари всегда рассматривали себя верховными собственниками всех вновь присоединенных земель, в том числе и башкирских. Поэтому башкиры за признание за ними вотчинных прав на свои земли должны были нести определенные повинности в форме ясака и военной службы. Однако царское правительство, официально признавая вотчинное право башкир на их земли, на самом же деле проводило политику, способствующую в определенной мере захвату башкирских земель. Земли башкир захватывались уже с конца XVI в. под строительство крепостей, острогов и слобод, дарились русским дворянам, различным служилым людям, монастырям и разного рода пришельцам как пожалования за службу. Но они, не довольствуясь своими пожалованными поместьями, самовольно расширяли земельные владения за счет башкирских земель. Все это совершалось при скрытом содействии царских властей, хотя правительство формально и не отказывалось от признания вотчинных прав башкир на их земли. Земельные захваты вызывали недовольство башкирских масс и толкали их к активной борьбе. Поэтому правительство вынуждено было сделать попытку приостановить самовольные и хищнические захваты башкирских земель. В Соборном Уложении 1649 г. было указано запретить продажу и сдачу в аренду башкирских земель, как вотчинных². Башкирские восстания конца XVII в. вынудили правительство в 1682 г. еще раз подтвердить право башкир на их земли, затем в 1680 – 1690 гг. были выданы башкирам разных волостей жалованные грамоты, закрепляющие их земельные владения за ними³. О неприкосновенности башкирских земельных владений говорится и во владенной выписи 1698 г., выданной уфимским казакам и стрельцам⁴.

Эти меры на деле не дали ожидаемых результатов, и захваты башкирских земель продолжались. Тем не менее, вышеуказанные шаги

правительства все же затрудняли захват башкирских земель в больших масштабах. Однако царское правительство само было заинтересовано в более усиленной колонизации Башкортостана русскими помещиками и дворянами, которых оно считало своей опорой в беспокойном крае. Также царские власти хотели, чтобы Башкортостан стал районом, производящим товарный хлеб. На первых порах царские власти действовали осторожно, но с начала XVIII в. царизм начал проводить активную внешнюю политику, рассчитанную на земли башкир. В 1730 г., когда началось повсеместное строительство крепостей и оборонительных линий в Башкортостане, по указу императрицы Анны Иоанновны, как пишется в официальных документах «по согласию Башкирцев», были изъяты у них огромные земельные участки, а остальные земли по-прежнему были предоставлены башкирам «во владение»⁵. Кроме того, правительство, заинтересованное в интенсивном развитии горной промышленности в богатом полезными ископаемыми крае, с начала XVIII в. приступило к систематической раздаче башкирских земель под горные заводы. Но все же коренные жители края продолжали еще владеть обширными земельными угодьями, согласно прежним законодательным актам правительства. Однако эти узаконения не отвечали земельным интересам как правительства, так и всего пришлого населения различных сословий и званий, которое стремилось расширить свои земельные владения за счет изъятия башкирских вотчинных угодий. Поэтому им была более выгодна возможность свободной купли и продажи башкирских земель. И царизм, учитывая эти обстоятельства, не замедлил осуществить в жизнь их пожелания. Правительство Анны Иоанновны, под предлогом наказания восставших башкир, 11 февраля 1736 года издало указ, в котором было уделено существенное внимание земельному вопросу⁶. Этим указом оно отменило запрещение продавать и покупать башкирские земли, и положило тем самым начало к широкому захвату их. Кроме того, повелено было отобрать земли башкир-бунтовщиков для раздачи их мишарям, состоящим на государственной службе, за их активное участие в подавлении башкирского восстания 1735 – 1740 гг. Топтяри и бобыли, сторонники правительства в ходе восстания, были освобождены от арендной платы башкирам-вотчинникам. В дальнейшем этот указ вызвал целый ряд спорных и запутанных дел по земельному вопросу среди башкир и припущенников, о чем еще будет идти речь. Нужно подчеркнуть, что этот указ правительства преследовал определенные цели: во-первых, открыть доступ свободной колонизации башкирского края русскими и другими переселенцами из соседних губерний, во-вторых, наказать башкир за их участие в восстании, в-третьих, уступками башкирских земель мишарям усилить существующую между ними взаимную рознь и тем самым привлечь их феодальную верхушку на свою сторону.

Царское правительство продолжало свою прежнюю политику пожалований башкирских земель, якобы «пустопорозжих», представителям местной царской администрации. Указом Правительствующего Сената от 8 августа 1743 г. все служащие в Оренбургской комиссии офицеры и чиновники получили в награду «за усердную службу» земельные угодья⁷.

Что касается указа 1736 г., то его практическое осуществление было задержано мощным башкирским движением 1735 – 1740 гг. Лишь в 1744 г. Оренбургская губернская канцелярия предприняла попытку провести в жизнь земельные узаконения 1736 г. и разрешила мишарям переселиться «на порозжие бунтовщицьи земли», с тем, чтобы они впредь не платили башкирам оброка за земельные участки, взятые у них⁸. Башкиры, недовольные этим решением губернской канцелярии, приступили к продаже и отдаче на оброк по записям и без них так называемых «бунтовщицких земель» различным лицам, а мишари требовали переселить их на эти земли. Земельные отношения в губернии стали до крайности запутанными. Царское правительство, стремясь найти выход из создавшегося положения, учитывая недовольство башкирских масс изъятием их земель, 1 сентября 1755 г. издало указ о прощении раскаявшихся башкир и решило возвратить им ранее отобранные у них земли⁹. Однако указ 1736 г. по-прежнему сохранял свою силу, и, по этой причине, создалась большая путаница в земельных отношениях между башкирами и мишарями. К тому же, известно, у башкир земля принадлежала целой общине, и определить границу между землями «бунтовщиков» и «верных» было невозможно. Планы и описания «бунтовщицких земель», составленные в 1748 – 1749 гг. капитаном Шишковым и геодезистом Калининым, сгорели во время пожара 1759 г. и точное определение границ «бунтовщицких земель» еще более затруднилось.

Также после указа 1736г., разрешавшего куплю и продажу башкирских земель, резко возрос приток переселенцев в Башкортостан, которые селились на новом месте одни по договору с башкирами, другие самовольно, без него. Часто оказавшиеся в Башкортостане переселенцы-татары, произвольно причисляя себя к башкирам, требовали владельческие поземельные права на исконные башкирские земли, тем самым хаос в земельных отношениях в крае еще более обострялся. Бесконечные жалобы башкир вынудили правительство указами 1762 и 1762 гг. выселить нахлынувших на земли гайнинских башкир «татар и прочих сходцев» и теми же указами было определено не селиться вновь на башкирские земли «без особого на то предписания»¹⁰. Недаром башкиры в своем наказе депутатам в Уложенной комиссии 1767 г. просили оградить их от самовольных захватов вотчинных земель со стороны припущенников, заводчиков и других лиц¹¹.

Но, тем не менее, местная царская администрация решение земельного вопроса в крае видела в возможно большем изъятии земель у башкир и заселения их русскими. Оренбургский губернатор князь А.А. Путятин в 1767 г. представил в Уложенную комиссию письменный доклад, где предлагал все якобы «свободные» башкирские земли без всякого вознаграждения причислить к казенным землям. Это предложение он мотивировал тем, что «башкиры по своему невежеству никогда бы не осмелились продавать принадлежащие им земли» в нужных для заселения края переселенцами размерах¹². Тем самым А.А. Путятин фактически отрицал вотчинное право башкир на их земли. Однако екатерининская Уложенная комиссия не приняла каких-либо решений по земельному вопросу в Башкортостане и в крае продолжали оставаться прежние натянутые земельные отношения.

Разгоревшаяся в крае Крестьянская война под предводительством Ем. Пугачева отвлекла внимание как местного населения, так и царских властей от сложных земельных проблем. После подавления Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. земельная политика царского правительства в Башкортостане характеризуется его стремлением окончательно укрепить и усилить свои экономические и политические позиции. Иля по этому, пути царизм все же опасался массового выступления против своей политики башкирского народа, которых он считал народом непостоянным и склонным к бунтам. Поэтому правительство повело более осторожную политику по отношению к башкирам и их земельным интересам. Этим объясняется указ правительства 1775 г. о всеилостивейшем «в винах их, преступников, прощении» и новое подтверждение вотчинных прав башкир на их земли¹³. Недовольные таким оборотом дела оставшиеся верными царскому правительству мишари в 1778 г. подали прошение оренбургскому генерал-губернатору И.А.Рейнсдорпу с претензией на башкирские «бунтовщицьи земли»¹⁴. И.А.Рейнсдорп направил это прошение на рассмотрение Уфимской провинциальной канцелярии и при этом подписал, чтобы «неприметным образом, через нарочно посланного благонадежного и искусного человека изыскать на месте сколько описано было посланным капитаном Шишковым и Башкирцев в бунте под поселение мешерьякам земли, сколько из оной припущенным башкирским сходцам в оброк отдано ... и продано и затем порозжей состоит, и что окажется его уведомить»¹⁵. Уфимская провинциальная канцелярия в 1779 г. направила с этой инструкцией в башкирские волости прапорщика Калугина для доставки указанных сведений, предложив ему «отобрать о всем том сведения не от Башкирцев, а от мешерьяков, и что окажется рапортовать», что Калугиным и было исполнено¹⁶. Рассмотрев все эти данные, 18 декабря 1783 г. Уфимское наместническое правление сделало предложение об удовлетворении просьбы мишарей¹⁷. Однако царское правительство,

прислушиваясь к донесениям генерал-губернаторов, которые докладывали, что де «...башкирцы ныне ведут себя добропорядочно», решило не тревожить башкир отыскиванием «бунтовщичьих земель» и поэтому предложение наместнического правления осталось без практического решения. Мишарские старшины продолжали настаивать на претворении в жизнь положений указа 1736 г. и в 1788 г. подали в Правительствующий Сенат новое прошение, состоящее из нескольких пунктов. Они жаловались, что местные власти не приняли мер к переселению их на «бунтовщичы земли» и мишари по-прежнему живут «между башкирского народа ... на башкирских землях, платя за оные башкирцам оброки» и «генеральное» утверждение «бунтовщичьих» земель за ними зависит «от начальства»¹⁸. Это прошение в том же году было переправлено из Сената генерал-губернатору Уфимского наместничества О.А.Игельstromу с предписанием, чтобы «... башкирцам в принадлежащие мешерьякам бунтовщичы земли и угодьи запретить въезжать и на оной селиться», а также ему было указано по возможности просьбу мешерьяков «законно удовлетворить»¹⁹.

Увидев сложность этого вопроса, О.А.Игельstrom, как и его предшественники, указал Уфимскому наместническому правлению собрать все сведения о башкирских «бунтовщичьих землях» и представить эти данные ему. Правление доносило, что сведений о башкирских землях сохранилось мало, а также оказалось чрезвычайно сложным определение «бунтовщичьих земель» из-за невозможности отыскать участников бывших восстаний и их земельных участков, ибо «всякой волости земли состоят в общем владении всех Башкирцев, а не отдельно каждый башкирец владеет особым участком» и если отнимать земли частями, от тех волостей в которых были бунтовщики, тогда обижены будут оставшиеся верноподданными. Прислушиваясь к мнению правления, О.А.Игельstrom предлагал земли бунтовщиков, которые находятся до сих пор в общем владении башкир и не взяты мишарями, согласно указу 1736 г. «... оставить за ними (т.е. башкирами – М.К.), ибо теперь они послушны и усердны, ежегодно до 10 тысяч выходят на службу» и «не в пример мешерьякам более выгод службою приносят». Уфимское наместническое правление, придерживаясь этого указания О.А. Игельstromа, находило, что «по сим обстоятельствам и за силою именного 1755 г. указа ... нельзя отнять у Башкирцев в пользу мешерьяков землю, на кою они их по договорам на срочные годы из оброку поселиться допустили и кои им по правам принадлежат. Те же земли, кои прежде были отобраны от Башкирцев и по велению правительства планами снабжены – те земли башкирцы своими считать не могут и не должны». Далее правление предписало наделить мишарей, которых башкиры не хотели больше держать на своих землях, казенными землями. Поэтому Уфимская казенная палата должна была собрать сведения об имеющихся в Уфимском

наместничестве свободных казенных землях. Согласно предъявленной палатой О.А. Игельstromу ведомости, оказалось в наместничестве удобной 774416 десятин и не удобной 1724446 десятин таких земель²⁰. На эти земли и намечалось переселить мишарей, живущих на вотчинных башкирских землях. По получении этих сведений, в 1789 г. О.А. Игельstrom представил рапорт в Правительствующий Сенат. В своем рапорте он советовал прекратить иск на «бунтовщицьи земли», а если Сенат не будет согласен с его мнением и захочет продолжать иск, то в таком случае считал нужным дать «повеление выяснить по волостям, сколько там вотчинников находятся, и из них точно кто был ли в бунте и кто во оном не был, и потом, какие башкирские волости имеют свои земли в общем владении, разделить оные на части и узнать, сколько частей принадлежат бывшим в бунте и сколько не бывшим в оном». А после этого, по мнению О.А. Игельstromа, те земельные участки, которые принадлежат бунтовщикам, следовало отобрать в казенное ведомство и потом ими наделить мишарей. Однако такое решение земельного вопроса он сам считал опасным. Поэтому О.А. Игельstrom указывал, что этот путь решения земельной проблемы в крае «не подает нынешнему времени иметь башкирцам поводы к неудовольствию»²¹.

Правительствующий сенат, опасаясь нового возмущения башкир, согласился с мнением О.А. Игельstromа. Он своим указом от 1790 г. определил прекратить иск мишарей на башкирские «бунтовщицьи земли». Было повелено эти земли «воровскими ... не называть». Земельные участки, полученные припущенниками по приказу правительства, с законно оформленными крепостями решено было оставить за ними же. За мишарями также сохранилась свобода брать у башкир по договорам землю и жить там. Если башкиры отказывались их припускать или мишари сами этого не хотели, то последние наделялись казенной землей в соответствии с указом 11 февраля 1736 г., т.е. старшины получали по 200 четвертей, есаулы, писаря и сотники – по 100, рядовые – по 50 четвертей. Согласно этому указу тептяри и бобыли получали по 15 десятин земли на душу. Генерал-губернатору края было поручено наблюдать за точным исполнением этого указа, чтобы «обид или притеснений причиняемо не было»²².

Мишарей, которые требовали отдачи им всех так называемых «бунтовщицких земель», не мог удовлетворить этот указ Сената, прекращающий иск на земли. Об этом писали в своем прошении, данном Совету в 1792 г. мишарский старшина Абдуллин, тептярский – Мавлют Мусин и писарь Кутлузаман Ишмухаметов. Они же заявили, что переселение на свободные казенные земли им «совершенно разорительно», так как те земли лежат «за 400 верст» от их обжитых мест, и поэтому никто из припущенников не желает переселяться. Свое нежелание переселиться

просители мотивировали еще и тем, что мишари и тептяри с момента переселения в Башкортостан платили башкирам много оброчных денег и поэтому земли, на которых они живут в настоящее время, как бы являются уже купленными ими навечно. Исходя из этого, мишари и тептяри просили оформить земли, где они живут по крепостям: «оставить по урочищам за ними ..., а башкирцам запретить их продавать и крепости уничтожить и оставить их в спокойствии»²³.

Башкиры, как и ожидалось, восприняли этот указ весьма одобрительно и требовали скорейшего претворения в жизнь его положений, что прекратило бы, как они писали, земельные неурядицы в крае, вызванные указом 1736 г. Вместе с тем они в своих прошениях жаловались на земельные притеснения со стороны припущенников и разного рода переселенцев, незаконно, насильным образом занимавших их земельные угодья. Обо всем этом свидетельствует прошение «депутата от башкирского народа Субзаева²⁴ с товарищами», поданное Сенату в 1793 г. Они писали, что пришлые люди «в противность законам башкирского народа, против согласия большинства вотчинников» поселяются на их вотчинных землях. Далее башкиры жаловались на то, что «российские люди брали в кортому на срочные годы рыбные ловли по рекам», но «по истечении срока не вышли из оброчных земель» и поселились на башкирских землях «без позволения». Также башкирские депутаты указывали, что из-за земельных споров происходят между коренными жителями и пришлым населением «великие несогласия, ссоры и смертное убийство». Поэтому, как они пишут, башкиры от всяких тяжб и волокиты «пришли ... в нищету и разорение». Для того, чтобы положить конец всем этим неурядицам, башкиры требовали переселить мишарей на пустопорожные казенные земли согласно указу 1790 г. По мнению башкирских депутатов, принятие этих мер прекратило бы бесконечные судебные дела по земельным спорам и оставило бы «башкирцев на вечные времена в спокойствии и полном пожалованными землями владении»²⁵. Такого рода прошения, поступающие в Правительствующий Сенат как со стороны припущенников, так и со стороны башкир, не были единичными. Например, мишари Уфимского уезда жаловались, что башкиры продали им принадлежащие земли незаконным образом разным лицам²⁶. Башкиры Сынринской волости Бузулуцкого уезда в свою очередь писали о заселении их земель насильным образом «чужими людьми»²⁷. Такого же характера была жалоба башкир Кипчакской волости Уфимского уезда о самовольном «поселении на их землях отставных солдат, черемис и вотяков»²⁸. Эти прошения и жалобы дошли до Екатерины II, которая, ознакомившись с ними, «повелела» Сенату рассмотреть их и, разобравшись во всем, принять соответствующие меры. Сенат, после ознакомления со всеми этими прошениями, в 1793 г. принял решение признать право владения

припущенниками теми землями, на которых они поселились и владеют по договорам с башкирами или с дозволения правительства. А башкирам запрещалось «... впредь всякое притязание на те земли, которые оным просителям (т.е. припущенникам – М.К.) ко удовольствию их предоставлены будут». Припущенников, владеющих башкирскими землями по одним только словесным договорам с башкирами, без каких-либо документов, оформленных на них в губернских административно-судебных учреждениях, намечалось «с оных земель по силе ... 1790 г. сентября 25 дня определения Сената 3-го пункта перевести на пустопорожные земли, отдавая им на основании указа 1736 г. положенную пропорцию, оставшие же после перевода их (земли) оставить во владении башкирцев, яко им принадлежащие»²⁹. Сенат также запретил башкирам продажу и отдачу на оброк земель, по праву принадлежащих мишарям и тептярям. В случае обнаружения подобных фактов предусматривалось «таковые сделки, яко против законов последовавшие, уничтожить и запретить впредь оных совершать»³⁰. Уфимскому генерал-губернатору А.А.Пеутлингу было предписано Сенатом: «... войти в подробное рассмотрение всех сих обстоятельств, изтребовав надлежащие противу оных сведений, как от наместнического правления и казенной палаты, так и от прочих ему подчиненных мест и людей, что до каждого принадлежат будет, сделать бы нужные с своей стороны замечания, а по исполнении сего, донес бы о всем том, что открывається Сенату, особым рапортом»³¹.

Таким образом, этот указ с одной стороны в определенной мере учел жалобы припущенников, запретив башкирам продавать разным лицам им принадлежащие земли. А с другой стороны запрет самовольных поселений на башкирских землях явился попыткой удовлетворить просьбу башкир. Во всем остальном указ Сената 1793 г. мало чем отличался от указа 1790 г. Однако указ 1793 г. не решил и не смог решить существующих в крае спорных земельных вопросов. Положительной стороной двух последних указов Правительствующего Сената было то, что на время прекратились бесконечные споры, идущие вокруг так называемых «бунтовщичьих земель»³².

Башкиры продолжали по-прежнему жаловаться на самовольные захваты их земель русскими помещиками, мишарскими феодалами и другими лицами. Например, в 1797 г. башкиры Булярской волости Мензелинского уезда возбудили дело о самовольном захвате их земель помещиками Можаровыми³³. Надворный советник подполковник Н.Е.Можаров в 1784 г. купил землю у башкир Ирехтинской волости Бирского уезда³⁴. А в 1785 г. он выделил часть этой земли своему брату М.Е.Можарову³⁵. Впоследствии они самовольно начали расширять свои земельные угодья за счет соседних башкирских земель Булярской волости. Башкиры неоднократно подавали жалобу на земельные притеснения со

стороны этих помещиков местным властям, однако положительных результатов добиться не смогли. Царская администрация, сама состоящая из тех же притеснителей, всячески затягивала решение таких спорных дел, а если и решала их, то не в пользу башкир. Поэтому в 1797 г. башкиры указанной волости были вынуждены обратиться с жалобой на тех же помещиков к Павлу I, который, рассмотрев эту жалобу, предписал генерал-губернатору края «... с виновными поступить по законам, а обвиненным доставить справедливое удовлетворение ...»³⁶.

Естественно, что не все жалобы башкир на земельные захваты доходили до верховной власти, а если даже они и доходили то, в конечном счете, последнее слово оставалось за местной царской администрацией. Такие жалобы не единичны. Башкиры Кудейской волости жаловались на незаконное присвоение их «жалованных земель» мишарским подпоручиком Рахматуллой Салтанмратовым. Как видно из материалов сенаторской ревизии 1800 г., это дело так и оставалось не решенным, хотя жалоба была подана еще в 1796 г. Также башкиры жаловались на припущенников, которые не выходили из оброчных земель по истечении срока договора или вообще отказывались от платежа оброка. Поэтому башкиры, не желая лишаться своих земель, предпочитали в таких случаях продавать эти земли другим лицам, чаще всего русским помещикам. Наиболее показательным в этом плане является земельный спор, возникший в 90-х гг. XVIII в. между башкирами, их припущенниками и русским помещиком Т.С.Аксаковым. В 1767 г. башкирами Минской волости были припущены для поселения тептяри «на жалованную им (башкирам – М.К) землю». Но впоследствии тептяри, как пишут башкиры, «переменя свое звание наименованы башкирами и поселение имеют в нарушение той записи в деревне Тимкиной и прочих, почитая же себя они, тептяри, равными участниками по владению окружными землями с нами, угрожают «более неплатежом оброка и распространением своих владений»³⁴. Поэтому башкиры в 1790 г. продали эти земли помещику Т.С.Аксакову. Тептяри, выступающие против этой продажи, подали жалобу на башкир, обвиняя их в нарушении согласия «земли ни продавать ни отдавать разного звания людям в оброк» генерал-губернатору А.А.Пеутлингу. Он, рассмотрев эту жалобу, запретил башкирам без согласия тептярей продавать свои земли и приказал уничтожить уже оформленную купчую. По случаю же запрещения продажи башкирами тех земель Т.С. Аксаков, через Нижний земский суд потребовал от башкир возвращения взятых ими от него за проданную землю 2000 рублей денег. Башкиры заявили, что они уже израсходовали те деньги и возратить обратно не могут, и поэтому просили Земский суд допустить Т.С.Аксакова к владению проданной землей. Однако просьба башкир не была удовлетворена, так как ждали решения Сената на представление

А.А.Пеутлинга о выдаче купчей Т.С.Аксакову. О том же, чтобы уничтожить определение А.А.Пеутлинга и утвердить купчую просил у Сената и сам Т.С. Аксаков³⁸. Это дело затянулось на несколько лет. Лишь к 1802 г. Межевой департамент Сената передал это дело на рассмотрение Оренбургской межевой конторе, чтобы та рассмотрела его на основании инструкций генерального межевания³⁹.

На сложность и запутанность земельных отношений в Башкортостане к концу XVIII в. оказывали влияние и происходящие изменения в социальной жизни его населения. Эти новые явления были связаны с более интенсивным переходом башкир к земледелию, который способствовал разрушению общинной собственности на землю. А появление частной собственности на землю приводило к более четкому социальному расслоению башкирского общества, что вело к усилению среди башкир классовых противоречий. Поэтому в этот период появляются спорные земельные отношения и между самими башкирскими волостями, в некоторых случаях даже между деревнями. Такие земельные споры более характерны для северо-западных районов края, где башкиры в основном занимались земледелием. Об этом свидетельствует, например, земельная тяжба, возникшая между жителями башкирских деревень, расположенных в Белебеевском и Бирском уездах⁴⁰. Такой же характер носит жалоба башкир Бирского уезда Унларской волости на башкир того же уезда деревни Янсеитовой. В данном случае жители указанной деревни обвинялись в незаконном захвате земель, принадлежащих жалобщикам⁴¹.

Нужно подчеркнуть, что появление таких спорных дел в земельном вопросе среди самих башкир было следствием стремления феодальной верхушки безраздельно распоряжаться общинными угодьями. Все земельные споры велись, в основном, представителями богатой башкирской верхушки, которые были более заинтересованными в сохранении обширных земельных владений, фактическими хозяевами которых являлись они сами. Бедные башкиры-общинники вынуждены были довольствоваться самым малым, и подавали свой голос в случаях крайних притеснений. То же самое можно сказать и о феодальной верхушке припущенников с их бесконечными притязаниями на башкирские вотчинные земли. Однако жалобы башкир на земельные захваты со стороны русских помещиков и дворян, заводчиков, феодальной верхушки припущенников, отвечали интересам не только одних башкирских феодалов, но и простых общинников. Борьба башкир за сохранение за собой своих земельных угодий, которые являлись экономической основой их дальнейшего существования, отвечали в определенной мере интересам всего башкирского народа. Эти жалобы и прошения, вызывая в некоторых случаях положительную реакцию властей, в какой-то мере оберегали земли башкир от земельных притязаний вышеперечисленных лиц.

Тем временем местная царская администрация, выполняя указ Правительствующего Сената от 1793 г., приступила к сбору сведений о башкирских землях, являющихся спорными. Об этом доносил Сенату в 1794 г. генерал-губернатор А.А.Пеутлинг. Уфимское губернское наместническое правление должно было собрать через земских исправников у мишарей, башкир, тептярей и бобылей сведения «о состоящих во владении их землях»⁴². В том же году поступили в Сенат два прошения мишарских чиновников капитана Асадуллина и старшины Янышева. В первом прошении они объяснили, что капитан-исправники собирают сведения без представителей из народа и опираются на показания якобы «самых простых людей, не знающих ничего о землях». Поэтому жалобщики просили, чтобы при сборе этих сведений «позволить быть с их стороны ... двум или трем чиновникам из старшин». Во втором прошении они настаивали, чтобы для сравнения сведений собрать такие же справки «и от башкирских волостей»⁴³. Эти два прошения показывают, что феодальная верхушка мишарей, непосредственно участвуя в сборе сведений о земельных угодьях края, всячески стремилась сохранить за собой возможно больше земельных владений, путем дачи выгодных для себя справок. Правительствующий Сенат одобрил эти меры, принятые А.А.Пеутлингом и указал удовлетворить просьбу мишарских старшин⁴⁴.

Однако сбор сведений наместническому правлению довести до конца не удалось. В 1798 г. Оренбургское губернское правление доносило Сенату, что выполняя приказ А.А.Пеутлинга, земские исправники, из-за обширности губернии, лишь к 1795 г. смогли доставить нужные материалы и правление недавно приступило к их рассмотрению. Но окончить разбор сведений правлению не пришлось, так как все эти дела, находившиеся в здании губернского правления, сгорели во время пожара, случившегося 19 декабря 1795 г.⁴⁵ Правлению пришлось снова приступить к сбору сведений через Нижние земские суды. Но завершить до конца это дело ему опять не удалось. В 1798 году в крае началось генеральное межевание башкирских земель. Царское правительство, при помощи этого мероприятия, стремилось ликвидировать существующие в Башкортостане земельные неурядицы, так как попытки местных властей собрать сведения обо всех земельных угодьях края для решения земельных споров кончились неудачей. Об этом говорит тот факт, что в 1798 г. Оренбургский гражданский губернатор И.М.Баратаев предложил правительству всех припущенников, живущих на землях башкир, как на законных основаниях, так и самовольно поселившихся, оставить там же до конца генерального межевания, а после этого переселить их на «пустопорожние земли»⁴⁶, ибо царское правительство надеялось по ходу генерального межевания отрезать земли, принадлежащие башкирам, и создать свободный земельный фонд для заселения их припущенниками и переселенцами.

Таким образом, сложность и запутанность земельных отношений в Башкортостане были следствием колониальной политики царизма, который, действуя по принципу «разделяй и властвуй», натравливал один народ против другого. Попытки царского правительства как-то урегулировать спорные земельные вопросы в крае не дали каких-либо ощутимых результатов, а в некоторых случаях его действия, наоборот вызывали еще большее обострение земельных отношений в крае. Правительство своей земельной политикой, скрытым образом всячески содействовало дальнейшему изъятию башкирских земель в пользу русских помещиков и дворян. В то же время оно, опасаясь волнения народных масс края, также не желая окончательного обнищания башкирского населения из-за потери ими своих земельных угодий, вследствие которого они были бы неспособны нести царскую службу, проводило политику лавирования и уступок, когда дело касалось земельного вопроса. Такую же политику правительство проводило по земельному вопросу и в отношении припущенников. Дальнейшее обострение социальных противоречий в Башкортостане, вызванных определенными сдвигами в его экономическом развитии, привело к еще большему осложнению земельных отношений в крае. Царское правительство надеялось решить эти земельные неурядицы путем проведения генерального межевания в Башкортостане. Однако, как увидим, и генеральное межевание башкирских земель не устранило и не могло устранить существующие земельные неурядицы в крае.

§ 2. Вопросы продажи башкирских земель и политика царизма

Царское правительство постоянно интересовалось вопросами продажи башкирских земель. Недаром в земельной политике царизма в Башкортостане существенное место занимала именно эта проблема. Как уже говорилось выше, весь XVIII в. в истории края был периодом усиленной его колонизации. Однако массовому проникновению сюда переселенцев стояло препятствие – запретение продажи башкирских земель. Плодородные и обширные башкирские земли, удобные для развития хлебопашества, привлекали жителей соседних губерний, испытывавших недостаток земли. В этот период также наблюдался интенсивный наплыв в Башкортостан русских помещиков и дворян, которые стремились захватить побольше башкирских земель, необходимых им для ведения крепостного хозяйства. Само царское правительство тоже было заинтересовано в освоении края русскими элементами, так как это привело бы к развитию земледелия в крае и соответственно увеличению производства хлеба, нужного как для внутреннего потребления, так и для вывоза. Поэтому оно известным указом 1736 г. сняло запрет с продажи

башкирских земель и тем самым открыло широкий доступ для их захвата. Отсутствие на первых порах каких-либо установленных законодательным актом порядков продажи башкирами своих земель, а потом их нарушение, открыли широкую возможность покупателям для всяческого рода злоупотреблений и ухищрений при совершении земельных сделок. Местная царская администрация, заинтересованная в возможно большем изъятии башкирских земель, не обращая внимания на эти явления, оформляла крепости и купчие на проданные земли. Русские дворяне и помещики, скупая почти по ничтожной цене огромные плодородные земельные угодья у башкир, в дальнейшем самовольно расширяли их. Все это вызвало недовольство башкир и усилило земельную неурядицу в крае. В этих условиях Оренбургская губернская канцелярия сделала попытку установить определенный порядок продажи земель и, сначала в 1742 г., а потом в 1759 г. постановила, чтобы земельные сделки заключались обязательно с согласия всех владельцев земли, т.е. всех башкир-общинников⁴⁷. Однако при заключении земельных сделок эта установка редко когда соблюдалась.

После подавления Крестьянской войны под предводительством Е.Пугачева, царское правительство, желая усилить позиции русских дворян и помещиков в Башкортостане, все более способствовало их переселению сюда с крепостными крестьянами. К концу XVIII в. в крае насчитывалось уже более 150 вновь поселившихся дворянских родов, владевших поместьями⁴⁸. Эти помещики и дворяне, скупая или просто захватывая башкирские земли, закрепощали и селили на них крестьян из центральных губерний России. Так, в 1775 г. было переселено помещиками в Башкортостан крестьян из Тульской губернии 407 душ, а в 1786 г. было перевезено еще 755 душ. Из Костромского наместничества в этот же период было переселено крестьян 1222 душ⁴⁹. По примерным подсчетам, за последние 45 лет (с 1760 по 1805 гг.) помещиками было переселено более 60000 душ крестьян⁵⁰. Владения этих помещиков достигли огромных размеров. Дворянские семьи Тимашевых, Мансуровых, Ермолаевых, Крашенинниковых и Бахметьевых захватили, например, почти всю восточную полосу Оренбургского уезда⁵¹.

Земли башкир скупались за бесценок, так как башкиры о стоимости земли имели самое смутное представление. Поэтому огромные земельные участки, обозначенные лишь по урочищам, продавались по произвольной цене, кто как мог договориться с их хозяевами. Примером такой дешевой купли может служить земельная сделка, заключенная башкирами Куваканской волости с тульским купцом Лугининым. Он в 1775 г. купил 200 тысяч десятин земли всего за 400 рублей⁵². А Авзяно-Петровский и Кагинский заводы откортомили у башкир 180 тысяч десятин леса из расчета выплаты ежегодно по 20 руб. на вечные времена⁵³. Говоря о

продаже своих земель башкирами Пермской губернии, сенатор П.Обрезков, осмотревший эту губернию, писал, что они «... продают десятки тысяч десятин земли за несколько сотен рублей»⁵⁴. К этому заключению он пришел после осмотра купчих, закрепляющих земельную сделку. Указывая на дешевизну башкирских земель, все же следует иметь в виду то, что в этих земельных актах цены всегда указывались меньше, чем они были в действительности. Это делалось для того, чтобы сократить взимаемые в казну высокие крепостные и гербовые пошлины. Тем не менее, всеми дореволюционными исследователями отмечается дешевизна башкирских земель.

Массовая скупка земель в крае после Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. в определенной мере вызвала повышение цен на землю. Местные дворяне и помещики, заводчики, имеющие больше возможностей для закупки на выгодных условиях обширных земельных участков, встали на путь земельной спекуляции. Они перепродавали скупаемые у башкир земли с большой прибылью другим лицам, обычно крупным помещикам центральных районов. Так, например, отставной канцелярист А.М.Островский в 1776 г. продал И.И.Рушанскому за 1000 рублей землю, купленную им у башкир Юрминской волости Казанской дороги в 1775 г. за 250 рублей⁵⁵. Весьма показательна в этом плане продажа надворным советником М.М.Бекчуриным земли помещику А.М.Мартынову за 2000 рублей, которую первый купил у башкир Енейской волости пять дней тому назад за 1000 рублей⁵⁶. Иногда скупаемый у башкир земельный участок переходил несколько раз из одних в другие руки, постепенно повышаясь при этом в цене. Приведем такой пример. Прапорщик И. Чанышев в 1777 г. купил у башкир Тамьянской волости Ногайской дороги землю за 400 руб., и ту же землю в 1790 г. заложил С.И.Аничкову за 1500 руб., а в 1791 г. С.И.Аничков, уплатив ему эту складную сумму, перепродал указанную землю А.Ф.Моисееву за 3250 руб.⁵⁷ Таким образом, земельная спекуляция в Башкортостане была в этот период обычным явлением, которое способствовало изъятию башкирских земель во все возрастающих масштабах.

Повсеместное распространение получили в крае прямой обман и захват башкирских земель покупателями путем произвольного расширения границ купленных ими земельных участков. Это облегчалось тем, что при оформлении купчих записей не указывались точные размеры проданной земли, которые обычно обозначались, по не совсем определенным урочищам. Наиболее алчными захватчиками башкирских земель являлись заводчики. Например, Архангельский медеплавильный завод Е.И.Козицкой, который был основан на купленной у башкир в середине XVIII в. земле, постоянно расширял свои владения, захватывая насильственным образом земли башкир Кумрук-Табынской волости

Стерлитамакского уезда. Жалоба башкир этой волости на земельные притеснения указанного завода так и осталась без рассмотрения⁵⁸. Подобные факты были широко распространены, что доказывается массой жалоб башкир. «...Многие лица, - писал один из дореволюционных исследователей по этому поводу, - снабдив себя... договорами на отвод земель и на прииск руд, устроили заводы на башкирских землях, некоторые с разрешения только местных начальников и без утверждения Сената. А захватившие насильно такими незаконными путями башкирские земли, старались сбывать их продажей или уступкой уже от себя. Иногда, чтобы изгладить всякие следы таких захватов и, затем, чтобы уже не встречать препятствий в записке за собой насильно захваченных земель, с людьми не стеснялись даже вовсе истреблять законных владельцев земель - башкир...»⁵⁹.

Также лица, выступающие в роли покупателей башкирских земель, шли на всякого рода ухищрения при заключении земельных сделок. Известный земельный спекулянт М.М.Бекчурин в 1789 г. сумел купить и оформить сделку на земли башкир Бешаул-Табынской волости за 100 руб., без согласия вотчинников-башкир около 150 дворов⁶⁰. Поэтому он, опасаясь возникновения споров, в том же году ту же землю перепродал барону О.А.Игельstromу, с большой выгодой для себя - за 560 рублей⁶¹. А впоследствии этот участок земли из рук О.А. Игельstromа перешел помещику Н.П.Шипову, естественно за более высокую цену⁶². Башкиры неоднократно обращались с жалобой на М.М.Бекчурина, но постоянная смена хозяев этой земли затрудняла ведение расследования по данному делу и жалобщики так и не смогли добиться решения в свою пользу. В 1788 г. башкиры Уршакминской волости Стерлитамакского уезда обратились к губернскому прокурору Н.И.Тимашеву с жалобой на Уфимскую гражданскую палату, за составление ею поддельной купчей на землю, проданную без их согласия мишарскому старшине Ишмухамету Сулейманову⁶³. При проверке данной жалобы выяснилось, что из 100 башкир этой волости на продажу согласились 75 человек, поэтому вместо недостающих подписей Сулейманов заставил подписаться посторонних людей, предварительно дав им взятку. А по установленному порядку, как известно, на продажу общинной земли требовалось согласие всех лиц мужского пола, являющихся совладельцами данной земли. Это дело дошло до Сената и его определением от 1790 г. купчая, данная гражданской палатой Сулейманову, была ликвидирована⁶⁴.

От всех этих злоупотреблений больше всего терпели всякого рода убытки и разорения башкиры-общинники. Их при продаже ими своих земель также всячески обманывали и обчитывали свои старшины-богатеи. Как уже указывалось, башкиры должны были продавать свои земли с общего согласия на этот акт всех общинников. На деле получалось так, что

каждый отдельный вотчинник пользовался угодьями по своей возможности и в том размере, как позволяли ему его хозяйственные средства. Поэтому состоятельная верхушка башкирского общества, владея сотнями голов скота, беспрепятственно пасла свои табуны, занимая большую часть общественной земли, косила сено, сколько ей было под силу. А все остальные несостоятельные башкиры-общинники, не владея достаточным количеством скота, из-за отсутствия разделения общественных угодий по отдельным хозяевам были лишены возможности реализовать свои далеко не использованные вотчинные права на общинные земли. В силу этого беднейшие члены башкирского общества, составляющие подавляющее большинство, не будучи юридически лишенными прав использования общественной земли, фактически не имели возможности осуществить это право в надлежащем размере. Все это истекало из того, что возможности использования земли при своеобразной форме эксплуатации башкирами своих прав на нее всецело зависели от количества скота и других материальных средств, находящихся во владении того или другого общинника. И эта особенность в деле эксплуатации башкирами своих земель наиболее ярко отражалась в тех случаях, когда общество сдавало принадлежащие ему угодья в оброк или продавало их. При продаже земель или при даче их в оброчное содержание, большинство башкир-бедняков, не имеющих возможности использовать общественные угодья, легко соглашались на все условия земельных сделок, притом на самых выгодных для покупателя или арендатора условиях. А богатые башкиры, понимая, что в продаваемом участке земли теряют состоящие до этого времени в действительном и исключительном их пользовании угодья, либо совсем отказывались от их продажи, либо требовали от покупателя для себя лично крупных вознаграждений, нанося тем самым в том и другом случае ущерб остальным членам общества. В первом случае рядовые башкиры теряли возможность получать какие-либо деньги как бы за пустующую для них землю, во втором случае, по уплате весьма значительных так называемых «темных денег» покупателями богатой верхушке, бедняки получали для общего делажа несравненно меньше денег, по сравнению с действительной стоимостью проданной земли. Зная это, скупщики башкирских земель сначала договаривались с богатыми общинниками, заплатив им определенную сумму «темных» денег. Несмотря на это, беднейшее большинство шло на продажу земли, зная, что богатые члены общества получат больше, чем они, ибо в противном случае сделка могла сорваться и в результате им ничего вообще не достанется. Иногда земельные сделки заключались вовсе без согласия рядовых общинников, лишь по договоренности со старшинской верхушкой. Так, состоятельные башкиры Шемшадинской волости Бирского уезда сотник Ишмай Кулумбетов и помощник старшины Ярыш Гляшев «с товарищами» продали без согласия

рядовых башкир-общинников «общественные с ними земли»⁶⁵. Башкирский поверенный нескольких деревень Каршинской волости Уфимского уезда жаловался на сотника Язуз Акбашева «с товарищами», которые также продали земли, состоящие в общем владении. Благовещенскому заводу без согласия бедного большинства⁶⁶. В случае надобности башкирские феодалы не гнушались использовать даже прямое физическое насилие для достижения своих целей. В 1786 г. башкиры Гайнинской волости подали жалобу на сотника Султана Мустакаева, Булата Ягузина и других, обвинив их в продаже общинных земель «собственным своим усильством, без мирского согласия с принуждением малоимущих башкир», которых «сажали под стражу и наказывали побоями»⁶⁷. Следует подчеркнуть, что сделка на продажу земли совершалась поверенными, которых положено было выбирать с согласия всех владельцев земли, в подтверждение чего эти поверенные обязаны были представить в крепостную контору доверенность и договор, подписанные всеми общинниками. Эти поверенные, в большинстве случаев выбираемые из числа состоятельной верхушки общины, всячески прикрывали злоупотребления своих собратьев. Таким образом, башкирские феодалы при продаже общинных земель имели полный простор для осуществления своих корыстных целей, вопреки интересам большинства общинников. Все это в совокупности способствовало широкому расхищению башкирских земель не только в конце XVIII в., но и на протяжении всего последующего периода.

Постепенное разрушение общинной собственности на землю, особенно в тех районах, где этот процесс шел более интенсивными темпами, привело также к появлению бесконечных земельных споров при продаже земель между башкирскими тюбами и аймаками, деревнями, даже целыми волостями. Чаще всего такие тяжбы возникали между башкирами в тех случаях, когда при продаже земельного участка принадлежность его к той или другой деревне точно установить было невозможно. Об этом говорят, например, земельные споры, возникшие в башкирских селениях Бирского уезда при продаже земель⁶⁸.

Всевозможные злоупотребления не только со стороны покупателей башкирских земель, но и со стороны своей богатой верхушки вызывали среди башкирских масс недовольство. Неоднократные жалобы обиженной части башкир-общинников на земельные притеснения, дошедшие до Сената, вынудили последнего указом 1791 г. определить, чтобы согласно прежним указам 1742, 1759 и 1790 гг. «продажа земли башкирцами чинена была со общего всей волости их владельцев той земли согласия». А также Уфимскому наместническому правлению и Пермской гражданской палате было указано соблюдать установленные порядки продажи башкирских земель, «а все дела противные этим узаконениям

уничтожить»⁶⁹. Однако этот указ Сената, повторяющий прежние положения по вопросам продажи земель, не смог положить конец бесконечным земельным неурядицам.

С другой стороны, местные дворяне и помещики, все более заинтересованные в расширении своих владений за счет башкирских земель, требовали пересмотра существующих порядков продажи земель башкирами. Прежде всего, они были недовольны сложностью оформления земельных сделок, особенно в плане обязательного согласия всех башкир-общинников на продажу своих земель. Гражданский губернатор края князь И.М.Баратаев, выражая волю местных русских феодалов, просил в 1798 г. Сенат внести изменения указам к продаже башкирских земель. Он писал, что существующая система продажи земель в Башкортостане очень сложна и поэтому было бы «выгодно для дальнейшего распространения хлебопашества в крае облегчение доступа к башкирским землям», лежащим якобы бесполезно. Исходя из этого, И.М.Баратаев предлагал пересмотреть порядок продажи башкирами своих земель. Его предложение сводилось к тому, чтобы лицам, покупающим у башкир землю, следовало добиться согласия на это только больше половины ее владельцев и при этом давать согласие или отказ мог лишь один представитель от каждого двора, а не все члены общества, как было прежде. Также если большинство выступало за продажу, то несогласное меньшинство не имело права препятствовать заключению сделки и подавать жалобу⁷⁰. Разумеется, претворение в жизнь этого предложения И.М.Баратаева привело бы к более усиленному расхищению башкирских земель и еще более обострило бы и без того сложные земельные отношения в крае. Имея в виду эти соображения, Сенат никакого практического решения по докладу Баратаева не принял⁷¹. Как известно, в 1798 г. в Башкортостане началось генеральное межевание земель. Башкирский народ, понимая, что это мероприятие царского правительства приведет к изъятию их земель в пользу казны, воспринял его в целом негативно. Поэтому правительство, при создавшейся сложной обстановке в крае, не смогло пойти на удовлетворение пожеланий местных дворян и помещиков. В противном случае можно было бы ожидать еще большего возмущения башкирских масс и прежние порядки продажи земель, еще раз подтвержденные указом Сената от 1792 г., сохранили свою силу вплоть до 1818 г.

Развитие рыночных отношений в недрах феодального строя, которое ощущалось и в Башкортостане, на «жило свой отпечаток на земельные отношения в крае. Оно ознаменовалось новым наступлением на башкирские земли, особенно в связи с усилением переселенческого потока в Башкортостан в начале XIX в. И все это создавало угрозу обезземеливания башкирских масс. Их земли, кажущиеся бесконечными, постепенно сокращались. В этой обстановке даже среди представителей

правлящих кругов стали раздаваться голоса с требованием ограничения распродажи башкирских земель. В 1810 г. сенатор П.Обрезков, ознакомившись с положением башкир Пермской губернии, представил Александру I записку. Он, указывая на дешевизну башкирских земель, из-за которой они теряют огромные их массивы, писал, что «... башкиры могут быть доведены до крайности такой, что службы и обязанности звания своего не будут в состоянии исполнить, ибо оставаясь безземельными или при малом числе земель, не будут в состоянии содержать лошадей, а не имея оных, они будут не только бесполезные люди в империи, но может быть, обратятся в тягость правительству». В данном случае показательным то, что П.Обрезкова прежде всего интересовало благосостояние империи, а не башкирского народа. Исходя из указанных соображений, он предлагал оставить башкир по-прежнему вотчинными владельцами своих земель. Также он считал необходимым установить твердый контроль при продаже земель со стороны местных начальников и Сената, вплоть до отказа ими утвердить некоторые земельные сделки⁷². Александр I препроводил его представление на рассмотрение Сената. Однако Сенат не принял никакого практического решения по предложению П.Обрезкова⁷³.

Расхищение башкирских земель продолжалось. Обеспокоенный массовым обезземеливанием башкир, оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен в 1818 г. также представил на рассмотрение Сената донесение об этом тревожном факте. Он писал, что «... у башкир за распродажей и отдачей живущим в их округах припущенникам их земель, остается у них самое умеренное число оных для собственного продовольствия по обширному их скотоводству, следственно при размножении народа сего, может скоро воспоследовать недостаток в земле. Сверх того ... беспрестанные споры и жалобы по продаже башкирских земель весьма обременяют присутственные места, губернское начальство и даже высшее правительство». Поэтому для пресечения таких дел и сохранения во владении башкир остающихся за ними земель, он предлагал «... запретить вовсе продажу тех башкирских земель, кои состоят в общественном владении не только разных волостей, но и селений, представляя право продажи одним тем из башкир владельцам, которые имеют особенно собственную землю на общих правилах... ибо сие только может обеспечить Башкирцев в исправности для службы, какую они по званию своему исправляют»⁷⁴.

Сенат поддержал данное предложение П.К. Эссена и в октябре 1818 г. своим указом запретил башкирам продажу общинных земель. Свои земли могли продавать лишь башкиры-частновладельцы, имеющие на них законно оформленные крепости⁷⁵.

Как и следовало ожидать, запрещение продажи башкирских земель не встретило одобрения со стороны небашкирского населения Башкортостана, особенно переселенцев, поток которых значительно усилился после указа Министерства финансов от 1824 г., разрешившего казенным крестьянам малоземельных губерний переселение в Оренбургский край⁷⁶. Само правительство фактически также было заинтересовано в освоении Башкортостана более усиленными темпами и поэтому в последующий период в государственных учреждениях началось рассмотрение дела о распространении на башкир указа правительства от 20 мая 1805 г. В этом указе говорилось, что при отдаче в оброк земли и прочих угодий, принадлежащих селениям, принимать в уважение мнение 2/3 хозяев домов, хотя бы еще одна треть и не была согласна⁷⁴. Этот указ, естественно, облегчил бы уступку башкирами своих земель. И вот, наконец, после долгих дебатов, в 1832 г. за подписью царя Николая I принимается закон о башкирских землях, где было указано вторым пунктом «прекратить действие указа 11 октября 1818 г., коим воспрещена была продажа башкирских земель» и «применить к продаже оных, равно и ко всем другим видам отчуждения, существо указа 20 мая 1805 г., т.е. довольствоваться согласием двух третей общества, несмотря на нежелание третьей»⁷⁸.

Таким образом, это новое земельное законодательство царского правительства, как видим, учло требование дворян и помещиков об упрощении порядков продажи башкирских земель. Все это вводилось для осуществления главной, преследуемой правительством в башкирском земельном вопросе цели — освоения обширного башкирского края русскими помещиками и дворянами, и вообще всеми переселенцами. Эта тенденция приобрела особую актуальность в условиях зарождения рыночных отношений в крепостнической России. Поэтому правительство, как видим, всячески поощряло продажу башкирами своих земель.

Как же отражалась на положении башкир продажа ими своих земель? Если подойти к этому вопросу с позиций защиты интересов башкирского народа, то продажа своих земель имела для них явно отрицательные последствия. Ибо башкиры, теряя свои исконные земли, лишались материальных основ своего будущего существования. А с другой стороны, если учитывать интересы развития производительных сил края в целом, то введение в хозяйственный оборот обширных башкирских земель было несомненно положительным явлением, способствующим росту производства хлеба в крае.

§ 3. Начало Генерального межевания в Башкортостане

Важнейшее место в земельной политике царизма в Башкортостане занимает Генеральное межевание башкирских земель, которое началось в конце XVIII в. При помощи этого мероприятия царское правительство надеялось экспроприировать в пользу казны, помещиков и заводчиков лучшие башкирские земли, покончить с постоянными тяжбами и конфликтами, обусловленными запутанностью земельных отношений в Башкортостане и иметь свободный земельный фонд для дальнейших переселений.

В других губерниях Российской империи Генеральное межевание земель началось несколько раньше, чем в Башкортостане. Задержка Генерального межевания в Оренбургской губернии (как и в Саратовской, Симбирской, Вятской и Новороссийской губерниях) объясняется особыми условиями края.

Генеральное межевание башкирских земель должно было проводиться на основе межевой инструкции, принятой еще в 1766 г.⁷⁹ Однако обширность и малонаселенность губернии, местные ее особенности по вопросам землевладения требовали особого подхода при межевании земель края и поэтому правительство издало ряд дополнений к прежней инструкции о межевании применительно к вышеуказанным губерниям⁸⁰. Содержание этих дополнений сводилось к устройству поземельных владений путем нарезки из обширных и малоизвестных казенных земель казенным крестьянам, под выгоны городам, под дороги для возки соли и прогона скота, под пастбища «кочующим инородцам», различным категориям народов, населяющих эти губернии, казакам, которые имели особые привилегии и занимались преимущественно скотоводством, добычей соли и рыбной ловлей.

В июле 1797 г. был принят Сенатом указ о размежевании земель Оренбургской губернии, наряду с Саратовской, Новороссийской и Симбирской губерниями. Фактически Генеральное межевание в Башкортостане началось весной 1798 г. Учрежденная еще в 1773 г. Костромская межевая контора, переведенная в 1784 г. в Нижний Новгород и переименованная в Нижегородскую, в 1797 г. была со всем своим составом переведена в Уфу и стала называться Оренбургской межевой конторой. По штату в ней состояли 3 члена, один прокурор, 2 секретаря, 22 приказных служителя и 32 землемера с инвалидной командой, которая должна была сопровождать землемеров во время межевых работ для предотвращения могущих возникнуть выступлений со стороны местного населения⁸¹.

Все земельные споры, возникающие во время межевания, должны были рассматриваться в межевой конторе. При решении земельных

конфликтов преимущество получала та сторона, которая могла в подтверждение своих прав предъявить законным образом оформленные крепостные документы. Если тяжущиеся стороны не располагали такими документами, то спорные земли должны были перейти «в число государственных земель»⁸².

Земли предполагалось размежевать по владельческим дачам. Землемерам в ходе межевания следовало разобраться в правах владельцев (частных или общинных) на земли, укрепленные за ними согласно документам, и определить их размер, число душ, владеющих дачей. В функцию землемеров входило также составление и утверждение раздельных актов на размежеванные дачи, снятие планов с этих дач, которые понадобились бы в будущем для разрешения спорных земельных вопросов.

Башкиры, всегда подозрительно относившиеся к любому мероприятию царизма в крае, прекрасно понимая, что Генеральное межевание приведет к сокращению их земельных угодий, восприняли это известие весьма отрицательно⁸³. Особенно тревожило это мероприятие башкирских старшин, ибо межевание общинных земель лишило бы их возможности свободно эксплуатировать земли своей волости. Это видно из прошения юртового старшины Абдука Чапдарбаева, с которым в 1798 г. он обратился к императору Павлу I. Абдук Чапдарбаев, ссылаясь на то, что башкиры землями владеют «с добрым порядком» просил «оное межевание ... в здешних нам принадлежащих местах ... не производить, и от такового неизвестного ... нового оных (земель – М.К.) распределения нас избавить». Далее, по его мнению, в случае невозможности удовлетворить просьбу башкир, то размежевать земли только по отдельным деревням, а леса, принадлежащие им, оставить вовсе без межевания. Также он просил освободить башкир от платежа пошлин за размежеванные земли⁸⁴.

Генерал-губернатор О.А.Игельстром, на рассмотрение которого было отдано прошение Чапдарбаева, представил рапорт Павлу I по этому поводу. Он, поддерживая просьбу Чапдарбаева, высказал мнение размежевать башкирские земли без какого-либо «в домашности их разделения, но разграничить их только с одними соседними им владельцами»⁸⁵.

Кроме того Игельстром считал необходимым при межевании земель в Башкортостане, учитывая особенности башкирского землевладения, руководствоваться особыми «межевыми регулами», ибо существующие межевые правила изданы, по его взгляду, «вообще для помещиков и казенных поселян»⁸⁶. Далее он предлагал заменить денежную пошлину за межевание, которая может достигнуть огромной суммы при обширности башкирских земель, натуральной оплатой скотом, особенно лошадьми⁸⁷. Что касается возможных споров при межевании между

башкирами и припущенниками. О.А.Игельстром считал нужным решать эти дела в судебных местах и при этом тяжущиеся стороны должны были предъявлять документы, доказывающие их право на владении спорной землей⁸⁸.

Таким образом О.А.Игельстром, за некоторым исключением, поддержал просьбу Чапдарбаева относительно особого подхода к межеванию башкирских земель. Однако просьба башкир вовсе отменить межевание их земель, или, в крайнем случае, оставить без межевания леса и освободить их от платежа пошлины за межевание, не была удовлетворена. Фактически правительством было принято во внимание только желание башкир межевать их земли в общую владельческую дачу.

Размеры наделов, которые должны были получить башкиры в начале Генерального межевания, не были определены. Согласно прежним межевым инструкциям, крестьян полагалось наделять землей, исходя из нормы 15-ти десятин на душу. Распространение этого положения на башкир привело бы к изъятию их земель в огромных масштабах, так как они владели землей значительно больше указанной нормы. Землемеры, не имея каких-либо указаний на этот счет, начали отмежевывать башкирам землю, исходя из 15-ти десятинной нормы, а излишки земель должны были отойти казне. Естественно, это вызвало возмущение башкир. В 1798 г. башкиры Кубеляцкой волости Троицкого уезда подали жалобу в Сенат по поводу того, что у них землемеры отрезали 60441 дес. земли в пользу казны, оказавшихся якобы излишними⁹⁰. Сенат, не приняв конкретного решения о нормах башкирских наделов или вообще о сохранении за башкирами всех им принадлежащих земель, ограничился указанием оставить эти земли за жалобщиками «впредь до рассмотрения всех казусов башкирских земель»⁹¹.

Такие земельные «излишки» во время Генерального межевания выявились повсюду в Башкортостане. Так, в 1808 г. у башкир Булярской волости Мензелинского уезда было выявлено таких земель 27741 дес. 1617 саж.⁹² Или, например, башкиры Каратаныпской волости Бирского уезда по казенной норме должны были иметь всего 3255 дес. земли, а на деле им принадлежало свыше 74689 дес. 2689 саж. земли⁹³.

В 1811 г. Межевой департамент Сената, рассмотрев эти факты, решил излишки земель объявить спорными, то есть никому не принадлежащими «впредь до особого рассмотрения дел о башкирских землях»⁹⁴.

После многократных жалоб башкир, Сенат лишь в 1823 г. издал указ о наделении башкир землей, исходя из расчета 30 дес. на каждую душу. Обнаруженные излишки земель сверх указанной нормы было решено оставить в «споре»⁹⁵.

Этот указ сохранил свою силу вплоть до нового определения Сената от 1826 г. о 40-десятинной норме наделения башкир землей. Однако и после этого в правительственных учреждениях долго дебатировался вопрос о нормах наделения башкир землей. В 1826 г. Комитет министров дал записку Сенату на основе рапорта Оренбургского военного губернатора П.К.Эссена о башкирских землях. В этой записке указывалось, что башкир мужского пола по 7 ревизии насчитывается 107173 душ и они владеют около 11647 424 дес. земель. Поэтому, если даже нарезать им земли по 40 -дес. норме, остается 5924869 дес. земельных излишков, которые предлагалось башкирам распродать в течение 3-х лет не дешевле 3 руб. за 1 дес. В случае невозможности башкирам сбыть излишки в течение указанного срока, эти земли должны были отойти казне с выплатой за каждую десятину по 3 руб.⁹⁶ Но Сенат поддержал только пункт о 40 дес. норме наделения башкир землей, а в отношении купли казной излишних земель не дал согласия, ссылаясь на то, что «казна не так уж богата»⁹⁷.

Затем, в том же году был издан указ, устанавливающий примерные нормы наделов на душу мужского пола, по которому башкиры-вотчинники должны были получать по 40 дес. надела, служилые мишари, тептяри, татары – по 30 дес. на душу, а крестьяне различных категорий – по 15 дес.⁹⁸ Излишки против такого надела составляли собственность башкир, и они могли их продавать посторонним лицам. Припущенники, если их земельные наделы не доходили до указанных норм, наделались землей, взятой у башкир за определенное вознаграждение или по их желанию переселялись в малонаселенные места⁹⁹.

Как уже указывалось выше, башкиры просили освободить их от платежа пошлин за межевание земель. Дело в том, что за каждую отмежеванную десятину взималась пошлина в размере 3 коп. Как известно, О.А.Игельстром предложил заменить денежную пошлину платежом скота. Однако его предложение не было принято во внимание. Затем, в 1799 г. прокурор Оренбургской межевой конторы А.Блажиевский обратился с этим вопросом к генерал-прокурору Беклешеву. Он писал, что в некоторых башкирских волостях размеры земельных владений достигают огромной цифры, иногда свыше 600000 дес., и если брать 3-копеечную пошлину за планы и межевые книги, то набирается солидная сумма, которую башкиры не смогли бы платить. Поэтому он предлагал «... для лучшей удобства вместо оной пошлины отрезать от каждой волости в казну такое число земель, каким заместиться может пошлина, полагая за десятину 50 копеек»¹⁰⁰.

Сенат в 1806 г., ознакомившись с предложением А.Блажиевского, дал указание оренбургскому генерал-губернатору Г.С.Волконскому выяснить, будут ли согласны на это башкиры и после представить свое мнение. Это дело затянулось на несколько лет. И лишь в 1817 г. военный

губернатор края доносил, что он прилагал большое старание для приведения в согласие башкир «на уступку в казну их земель», но они «при всех убеждениях согласия на то не изъявили и отозвались, что и так у них много лучших земель отобрала казна для поселения разного сословия людей и рудокопных заводов и за продажу разным помещикам, остается по приумножению народа для собственного продовольствия (земель) без излишества». Исходя из этого башкиры согласились лучше выплатить 3-х коп. пошлину, чем отдавать свои земли за бесценок в казну¹⁰².

Но бедствие, которое несло Генеральное межевание башкирам, не ограничивалось лишь выплатой пошлины. Генеральное межевание, из-за бесконечных злоупотреблений, допускаемых со стороны лиц и органов, ведавших им, привело к массовому расхищению башкирских земель. У башкирских масс эти вопиющие злоупотребления вызвали резкое недовольство. Помещики и дворяне часто подкупали землемеров, а те отмежевывали башкирские земли в их пользу. Межевая контора, Межевой департамент Сената были завалены жалобами жителей края на неправомерные действия землемеров. Даже сенаторы М.Г.Спиридов и И.В.Лопухин, в 1800 г. осмотрев дела Оренбургской межевой конторы, пришли к выводу, что «... особенно приметно недеятельность конторы в делах по жалобам на землемеров, на кои жалобами вопиют: но всегда почти в обиде каких-нибудь безгласных и безграмотных башкирцов, мешеряков и прочих в пользу какого либо богатого заводчика или помещика ...» и, «... здешняя межевая контора с подчиненными своими не заслужили доброй славы, особливо между бедными: мало ожидают от нея правосудия и много сомневаются в ее бескорыстии»¹⁰³.

Межевой департамент Сената не обратил внимания на эти сигналы, и злоупотребления продолжались. Еще в 1798 г. в самом начале Генерального межевания башкиры Юмран-Табынской волости Уфимского уезда жаловались на землемера Ярцева, который отмежевал их сенокосы помещику Т.С.Аксакову. При межевании земель помещики, склонив на свою сторону землемеров, стремились закрепить за собою насильно отобранные у башкир земли. Так, в 1799 г. землемер Казимирский отмежевал бугульминскому помещику И.Кротову часть земельных владений, насильно отобранных им у башкир. Об этом писали башкиры дер. Япрыковой Бугульминского уезда¹⁰⁴. С аналогичной жалобой на землемера Казимирского и заводчика Осокина обратились башкиры Кириланской волости того же уезда¹⁰⁵. Однако эти жалобы в большинстве случаев оставались без рассмотрения и удовлетворения просьбы жалобщиков. Оренбургская межевая контора, как уже было сказано, решала эти спорные дела, как правило, в пользу помещиков. Поэтому башкиры вынуждены были обращаться, требуя справедливого решения земельных споров, к вышестоящим органам. В 1802 г. башкиры

Тюбелецкой волости Троицкого уезда подали на имя Александра I прошение, где писали, что Оренбургская межевая контора не принимает никаких мер по их неоднократной жалобе на землемера Семенова, который отмежевал их леса к заводам Лугинина¹⁰⁶. В 1803 г. представитель башкир Бешаул-Табынской волости Уфимского уезда Муллакай Мусин в своей жалобе, обращенной тоже к Александру I, указывал, что землемеры все спорные вопросы решают в пользу помещиков, не принимая их показания во внимание¹⁰⁸. Но Сенат рассмотрение этих жалоб оставил на будущее время «вплоть до решения здесь вопросов о башкирских землях»¹⁰⁹. Когда башкиры увидели, что их жалобы безрезультатны, они перешли к более активным формам сопротивления. Так, в 1819 г. Пермское губернское правление доносило Межевому департаменту Сената о том, что тувльинские башкиры «не исполнив порядка законом установленного, показали себя совершенными нарушителями оного, и собравшись в большом количестве утверждали, что они к обмежеванию земель и лесов землемеров не допустят; при чем делая ему Васильеву (землемеру — М.К.) всякие угрозы и устраивания, объявили, что они еще соберут общество пятьсот человек и сделают бунт, того Васильева с поверенными свяжут, а рабочих людей перебьют и возьмут под стражу»¹¹⁰.

В пользу помещиков, дворян и заводчиков отмежевывались землемерами не только земли башкир. Земельные притеснения коснулись и русских крестьян, простых мишарей, тептярей и других. Удельные крестьяне села Новотроицкое Мензелинского уезда, например, жаловались на землемера Добровольского, обвиняя его в отмежевании лесов, состоящих в их владении, под видом пустошей, княгине Марии Волконской¹¹¹. Удельные крестьяне села Архангельское Бирского уезда писали межевой конторе, что землемер Шмидт отрезал часть их сенных покосов в пользу помещиков Ездаковых¹¹². Уфимские мещане подали жалобу на землемера Ярцева, который отвел принадлежащие им оброчные земли помещику Зубову¹¹³.

Таким образом, Генеральное межевание земель в Башкортостане сопровождалось незаконным захватом земельных участков башкир-общинников и крестьян господствующей верхушкой, интересы которой, прежде всего, защищали сами органы, ведающие этим мероприятием. Отвод земель в пользу помещиков и дворян облегчался тем, что масса башкир, русских крестьян, тептярей и мишарей не имела крепостных документов, доказывающих их юридическое право на владение своей землей. А по межевой инструкции, как известно, на владение той или иной спорной землей следовало предъявить документы. Помещики, имея в своих руках такие документы на владение земельными угодьями, где обычно границы дач обозначались по не совсем определенным урочищам, всегда оказывались в этом отношении в более выгодном положении.

Земли башкир захватывались при проведении Генерального межевания не только помещиками, дворянами и заводчиками. Многие земельные участки башкир, под видом пустошей или «спорных земель» отошли в пользу казны, хотя Сенат своим указом от 1826 г. оставил за ними все их вотчинные владения. Расхищение башкирских земель в этом случае шло под прикрытием межевых инструкций, тем самым создавалась видимость отсутствия каких-либо нарушений законности и справедливости. В 1827 г. при размежевании земель Урман-Кудейской волости из принадлежавших башкирам 160295 дес. земли им было отмежевано всего 6420 дес., остальные земли подлежали отчуждению¹¹⁴. У башкир деревень Унгарово-Акташево, Улукулево Бишаул-Табынской волости из 35052 дес. земли, исконно принадлежавших им, при межевании было отрезано 2900 дес.¹¹⁵

Довольно большие денежные пошлины, взимаемые за разбор в судебных органах земельных дел, за написание жалоб и прошений, вызванных межеванием земель, также ложились тяжелым бременем на плечи башкирских масс.

Неопределенность пределов земельных владений, отсутствие в руках тех или иных владельцев крепостных документов вызывали во время межевания много споров, тяжб не только между башкирами и русскими помещиками, припущенниками, но и между самими башкирскими волостями, тюбами и деревнями по земельным вопросам. Так, в 1804 г. возник спор из-за земель, расположенных на речке Усень, между башкирами Кириланской и Калнинской волостей Белебеевского уезда. Каждая из тяжущихся сторон доказывала, что те земли издревле принадлежат им¹¹⁶. Таких фактов можно было бы привести много, но ограничимся этими. Следует подчеркнуть, что размежевание башкирских земель имело цель «размежевания» и самих башкир, так как взаимные земельные споры, тяжбы усиливали среди них тенденцию к разобшению общих интересов, связанных до этого в какой-то мере общностью земель страны, не так резко очерченных между отдельными владельцами. Потеря былой сплоченности ослабляла возможность совместного сопротивления против гнета царизма.

В районах Башкортостана, где преобладало полукочевое скотоводческое хозяйство, земли целой волости, состоящей из нескольких деревень, межевались в одну дачу, а в некоторых случаях, по просьбе самих башкир, вотчинные земли нескольких волостей межевались вместе. А в северо-западных районах края, где владельцами земли выступали более мелкие единицы как тюбы, аймаки, иногда и деревни, дело обстояло гораздо сложнее, чаще возникали земельные тяжбы. Особенно много недоразумений обнаруживалось между башкирами и припущенниками. По межевой инструкции, земли припущенников, если они на них имели

крепостные документы, должны были размежаться в отдельную от башкир дачу. Но в некоторых башкирских волостях их селения были расположены сплошь и рядом чересполосно с башкирскими, или даже в одной и той же деревне проживали как башкиры, так и мишари, тептяри и т.д. В таких случаях землемеры межевали башкирские земли и земли припущенников в одну дачу, без какого-либо разделения, называя ее башкирской. Припущенников, которые стремились закрепить земли за собой, такое размежевание не устраивало. Поэтому они просили размежевать их земельные владения отдельно от башкирских. Например, мишари дер. Кашкалаши Уфимского уезда в 1802 г. обратились к межевой конторе с просьбой разделить их земли от владений башкир Чубилминской волости¹¹⁷. В 1799 г. поверенный мишарей дер. Аштабаево Махометрахим Бикбулатов подал жалобу на землемера Канакова, обвиняя его в том, что тот при обмежевании земель башкирской деревни Шады Шемшадинской волости «... размежевал 7 их тептярских и мещерятских деревень поселенных не на башкирских, а на пожалованных им без платежа башкирцам оброка землях, с тою башкирскою деревнею Шадою в одну округу не правильно»¹¹⁸.

Таким образом, Генеральное межевание привело к еще большему разъединению и усилению антагонизма между различными слоями населения края.

Генеральное межевание в Башкортостане затянулось на довольно долгое время. Причина этого кроется в том, что попытка при помощи этого мероприятия положить конец бесконечным земельным спорам и конфликтам оказалась несостоятельной. Межевание в Башкортостане, наоборот, породило множество спорных дел, которые оставались нерешенными в течение десятков лет. Время от времени межевая контора подводила итоги в смысле фиксации всех выявленных в крае земель, отдельных владельческих дач по уездам, нерешенных и решенных спорных дел, возникших при межевании. Первые итоги Генерального межевания в крае были подведены Оренбургской межевой конторой в 1805 г.¹¹⁹. В 1807 г. она рапортовала Межевому департаменту Сената, что «... Оренбургская губерния генеральным земель обмежеванием прошлого 1805 г. совершенно уже окончена ...»¹²⁰. По данным конторы с 1798 по 1805 гг. в крае обмежеванием было выявлено 28066563 дес. 1790 саж. земли. Но оставались нерешенными более 340 спорных земельных дел и не были еще выданы 603 плана и книг владельцам на их размежеванные земли¹²¹. Однако межевание земель в 1805 г. не завершилось и оно продолжалось еще долго. Согласно донесению военного губернатора П.К.Эссена от 1826 г. Сенату, в губернии было 35033455 дес. земли, из них за башкирами считалось 11647424 дес. земли, где жили припущенники 95709 душ м.п. (по 7-й ревизии). Наибольшее количество башкирских земель было

расположено в Верхнеуральском уезде- 2270013 дес., Оренбургском уезде – 1879026 дес., Бирском – 1476891 дес., Стерлитамакском – 1029856 дес., Белебеевском – 1457827 дес. Меньше всего башкиры имели земли в уездах Бугурусланском – 50542 дес., Бугульминском – 262887 дес. земли¹²². Наиболее высокая обеспеченность земель, если брать на душу населения (башкиры и их припущенники вместе), была в Бузулукском уезде – 256 дес., Верхнеуральском уезде – 141.8 дес., Оренбургском уезде – 118 дес. Хуже обстояло дело в Мензелинском уезде – 21.6 дес., в Бирском уезде – 29,1 дес., Бугульминском уезде – 33.1 дес., Стерлитамакском – 53.6 дес. земли на душу населения. А в целом по всей губернии на башкир и их припущенников приходилось на душу населения 57.1 дес. земли¹²³. Но при этом следует учитывать, что на указанных землях проживали и владели землей так называемые припущенники численностью более 95709 душ мужского пола. В некоторых уездах, а именно в Уфимском, Бирском, Мензелинском, Троицком, Белебеевском, Бугульминском проживало довольно много припущенников различных национальностей. Так, в Бирском уезде проживало по данным VII ревизии припущенников 35428 душ мужского пола, которые совместно владели 1476891 дес. земель. Также из указанного количества почти половину земли занимали леса и около 5% составляли неудобные для земледелия площади¹²⁴. Внутри так называемых «башкирских дач» находились земельные владения горных заводов количеством более 862242 дес.¹²⁵

Таким образом, земли, находившиеся в фактическом владении башкир, не соответствовали по своим размерам тем данным, которые показаны в официальных документах.

В целом Генеральное межевание в Башкортостане, хотя и не смогло положить конец земельным неурядицам в крае, достигло определенных целей в плане изъятия башкирских земель в пользу казны, помещиков, дворян и заводчиков. Увеличение казенных земельных фондов дало возможность расширить поток переселенцев в Башкортостан, создало условия для дальнейшей его колонизации. Для башкирских масс генеральное межевание обернулось большим бедствием. Но межевание, разрушив в какой-то мере вотчинное землевладение башкир, ввело часть их земель в хозяйственный оборот и тем самым дало толчок дальнейшему развитию земледелия в крае. Поэтому это мероприятие, несмотря на все его отрицательные стороны, имело некоторое положительное значение для экономического развития края. Генеральное межевание также в определенной мере пошатнуло волостную организацию башкир, которая зачастую строилась на основе традиционной родоплеменной принадлежности. Все это способствовало развитию производительных сил и усилению проникновения новых – рыночных отношений в хозяйство края.

Подводя итоги земельной политики царизма в Башкортостане, следует подчеркнуть, что она все же в определенной мере учитывала и интересы башкир. Это видно в сохранении за башкирами их вотчинных земель, в принятии ряда указов, частично способствующих ограждению башкирских земель от хищнического захвата, а в некоторых случаях и в пресечении злоупотреблений, допускаемых со стороны скупщиков земель. Такая позиция царского правительства была вызвана его стремлением не только не допустить возмущения башкир, но и желанием использования их в военных и полицейских целях. Но царизм, как уже говорилось, проявлял заинтересованность в широком освоении башкирских земель русскими дворянами и помещиками, заводчиками, переселенцами и поэтому он активнее действовал в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Припущенники – пришлое население (татары, мари, мишари, удмурты, чуваша, мордва и др.), которые жили на башкирских вотчинных землях из оброка или на других условиях. Имелось несколько групп припущенников: тептяри, сажившиеся на башкирских землях на началах письменного договора и бобыли, сажившиеся на землю явочным порядком. Припущенники платили бобыльский (80 коп. с двора) и тептярский (40 коп. с двора) яса, а так же подымные (4 коп. с двора) и ямские (5 коп.) деньги. Иногда припущенники по соглашению с башкирской общиной, входили в её состав, как равноправные совладельцы земель., см: Васильев С.М. «Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII века». Автореферат дисс... канд.ист.н. - М.,1950.- С.15.
2. ПСЗ РИ.- Т.1 №1 - С.80-81.
3. РГАДА. Ф.1324.Оп.1. Д.3731.Л.9.
4. РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.166 об.
5. РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.166 об.
6. ПСЗ РИ. Т.1X. №6890.
7. Казачьи депутаты в Комиссии 1766 г. Исторический очерк//Вестник оренбургского учебного округа.- Уфа.1913. №3.- С.95.
8. РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.606.
9. ПСЗ РИ. Т.14.- №10453.
10. Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древнего Башкортостана. СПб., 1867.- С.33.

- 11.Ташкин С.Ф. Иногородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Выпуск I. Оренбург, 1921. - С.193-194.
- 12.Сборник Русского Исторического общества. Т.VIII. СПб., 1871, С.419-436.
- 13.РГАДА. Ф.16. Д.934.Л.69 об., или Ф.1324. О.1. Д.7538. П.148, Л.148 об.
- 14.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.536.Ч.1. Л.601.
15. Там же. Л.601 об.
- 16.Там же. Л.602. Материалы, собранные Калугиным в архивах не сохранились. В архивных делах говорится, что содержание представленной им описи «невидно».
- 17.Там же. Л.607 об.
- 18.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1, ЛЛ.603-607 об.
- 19.Там же. Л.97.
- 20.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1, Л.612.
- 21.РГИА. Ф.16.Оп.1. Д.987. ЛЛ.68-70. Четверть равнялась $\frac{1}{2}$ десятины. Все мишарское население составляло служилое сословие, которое несло службу по охране линий. Поэтому мужское население подразделялось согласно занимаемым им чинам.
- 22.РГИАЛ. Ф.1151. Оп.1. Д.201.ЛЛ.74-75 или Материалы.- Т.V. Д.№395.
- 23.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1, ЛЛ.618 об.-624.
24. В некоторых документах Абызаев.
- 25.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1, ЛЛ.624 об. - 627.
- 26.Там же. ЛЛ.629-631 об.
- 27.Там же. ЛЛ. 632-638 об.
- 28.Там же. ЛЛ. 639-645 об.
- 29.РГАДА. Ф.248.Оп.80. Д.6644.Л.5-6.
- 30.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.646 об.
- 31.Там же. Л.650 об.
- 32.РГИА. Ф.1530.Оп.56. Д.563.Ч.1 Л.650 об.
- 33.РГАДА. Ф.5.Оп.доп. Д.41.Л.83.
- 34.Материалы.- Т.V. Д.№164,- С.158-170.
- 35.Там же.Д.№183.-С.180-182.
- 36.РГАДА. Ф.5.Оп.доп. Д.41.№68. *Аксаков Т.С. – отец известного русского писателя, уроженца Башкортостана С.Т.Аксакова.
- 37.РГАДА. Ф.1537.Оп.1. Д.90.Л.103.
- 38.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.99-100.

39. Там же. Л.106.
40. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.93. Л.185.
41. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.93. Л.198 об.
42. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.563. Ч.1. Л.650 об.
43. Там же. ЛЛ.652 об.-653.
44. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.563. Ч.1. Л.655 об.
45. Там же. Л.656 об.
46. Там же. Л.100.
47. Материалы.-С.675: РГИА.Ф.11551. Оп.201.Л.80.
48. В.А.Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа.1879.- С.45.
49. В.Филоненко. Башкиры. Уфа. 1915.- С.159.
50. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.563. Ч.1. Л.159.
51. Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк.- М.,1916.- С.91.
52. В.А.Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства.- Уфа,1879.- С.43.
53. Кривошеков А.И. Казачьи депутаты в Комиссии 1766 г. Исторический очерк//Вестник Оренбургского губернского учебного округа.Уфа, 1913, №3,- С.96.
54. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.563. Ч.1. Л.355 об.
55. Материалы. -Т.V. Д.№1; Материалы. -Т.IV. Ч.1, Д.№346.
56. Материалы.- Т.V. Д.№295,296.
57. Материалы.- Т.V. Д.№35; Д.№185. Д.№311.
58. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.83. Л.207 об.
59. Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древнего Башкортостана. СПб., 1867.- С.7-8.
60. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.4840. Л.11 об. См. так же Материалы.- Т.V. Д.№259.
61. Материалы.- Т.V. Д.№270.
62. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.4840. Л.14.
63. РГАДА. Ф.1324. Д.478.
64. РГАДА. Ф.248. Оп.80. Д.665/Ш. ЛЛ.29-35.
65. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.83. Л.193 об.
66. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.91. Л.157.
67. РГАДА. Ф.1239. Оп.1. Д.55144. Л.1.
68. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.93. Д.186. Л.190 и т.д.
69. РГИА. Ф.1350. Д.563. ЧП. Т.1. Л.21.
70. РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.201. ЛЛ.81-92.
71. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.563. Ч.1. Л.106 об.

- 72.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.355-356.
- 73.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.357.
- 74.РГИА. Ф.1151.Оп.1. Д.201. ЛЛ. 5 об. – 6 об.
- 75.Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства...при размежевании башкирских дач. СПб.,1899.- С.108-109.
- 76.Очерки по истории Башкирской АССР.- Уфа. 1959. Т.1. Ч.4.- С.60.
- 77.РГИА. Ф.1149.Оп.1. Д.77. ЛЛ. 15-17 об.
- 78.2-е ПСЗ РИ. Т.7. №3287.
- 79.ПСЗ РИ. Т.17. №12570.
- 80.ПСЗ РИ. Т.15. №18625.
- 81.ПСЗ РИ. Т.27. №20395.
- 82.ПСЗ РИ. Т.24. №18019. См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа. 1959. -Т.1. Ч.4.Уфа. С.49.
- 83.Далека от истины Чулошникова Н.А., которая пишет, якобы башкиры попросили императора Павла I «о производстве генерального межевания их земель «еще годом раньше» См.: Чулошникова Н.А. Очерк истории башкирского землевладения до издания Указа 1832 г.//труды Оренбургского общества по изучению киргизского края. Оренбург,1921.- С.36.
- 84.Материалы.- Т.V. Д.№448.
- 85.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.569Ч.1. Л.7.
- 86.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.14.
- 87.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.7
- 88.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.15.
- 89.В комментариях к документам «Материалы по истории БАССР» Т.V., пишется, что «...при межевании были полностью учтены пожелания башкирских старшин» См:(С.685.) В свете этих данных такое заявление является не совсем верным.
- 90.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. Л.391.
- 91.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. ЛЛ.391-393.
- 92.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.1. ЛЛ.12-14 об.
- 93.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.Ш. Т.4. ЛЛ.11-11 об.
- 94.РГИА. Ф.1350.Оп.56. Д.563.Ч.Ш.Т.4.ЛЛ.11 об.
- 95.РГИА. Ф.1151.Оп.1. Д.201. Л.18.
- 96.Там же.ЛЛ.16 об.-17.
- 97.Там же.ЛЛ. 18-20.
- 98.Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т.1. Ч.П. С.49.

99. Герман И.Е. История Русского межевания. М., 1907. С.257.

100. РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.201. Л.2-2 об.

101. РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.201. Л.2 об.

102. РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.201. Л.3.

103. РГИА. Ф.1539. Оп.1. Д.92. Л.1 об.

104. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.90. Л.461.

105. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.86. Л.65.

106. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.86. Л.66.

107. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.3203. ЛЛ.4-4 об.

108. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.4839. ЛЛ.1-2.

109. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.3203. Л.22.

110. Сборник документов древней шермяитской дачи. СПб., 1873.- С.3.

111. Ф.1537. Оп.1. Д.86. Л.69 об.

112. Ф.1537. Оп.1. Д.86. Л.72 об.

113. Ф.1537. Оп.1. Д.86. Л.78 об.

114. по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т.1. Ч.П. -С.50.

115. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т.1. Ч.П.С.50.

116. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.7329. ЛЛ.1-1 об.

117. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.4464. Л.1.

118. РГИА. Ф.1537. Оп.1. Д.86. Л.45 об.

119. Можно сказать, что межевание земель Башкортостана продолжалось на протяжении всего XIX века. Но, время от времени подводились итоги проделанной работы. Поэтому автор в данном случае назвал дату первого подведения итогов. Конечную дату генерального межевания наши историки указывают по разному. Например, Матвиевский концом генерального межевания в крае считает 1832 г., т.е. год когда был принят указ о башкирских землях. (См.: Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812г. //Ист.Очерки. Оренбург, 1962. г., С.44); С.И.Руденко указывает другую дату-1824 г. (См.: Руденко С.И. Башкиры. М.:Л., 1955. С.39).

120. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.305. Л.1.

121. Там же.

122. РГИА. Ф.1350. Оп.56. Д.563. Ч.Ш, Т.1(а), Л.4-8 об.

123. Там же. Л.4-8 об. Данные о количестве населения взяты по материалам 7 ревизии.

124.РГАДА. Ф.1355. Д.926. Табель Оренбургской губернии.

125.Очерки по истории Башкирской АССР.- Уфа, 1959. Т.1. Ч.П. С.49.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последней четверти XVIII в. Башкортостан переживал переломный момент в своей истории. Сопротивление башкирских масс колониальному натиску царизма было сломлено и на стыке двух веков край представлял собой одну из тех национальных окраин России, где русская помещичье-дворянская верхушка установила свое безраздельное господство.

После подавления Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. царизм с новой силой приступил к упрочению своих позиций в Башкортостане, которое сопровождалось самым широким вмешательством местных властей во внутреннюю жизнь башкирского общества, лишением его последних остатков былой относительной самостоятельности в местном самоуправлении. Существенное место в этой политике царизма занимало его стремление ослабить влияние башкирского старшинства на население. Но впоследствии царизм, убедившись в лояльности состоятельной верхушки башкир, несколько изменил свою тактику. Те незначительные привилегии, которые получили башкирские старшины от царского правительства, должны были служить в будущем залогом их вассальной покорности и послушания. Их руками царизм держал в повиновении так называемых рядовых башкир, их устами он диктовал башкирскому народу свою волю. Этот союз постепенно расширялся и достиг своего апогея в связи с переходом к кантонной системе управления. Но вся полнота власти в крае принадлежала русскому дворянству.

В исследуемый период всю политику царизма в отношении Башкортостана пронизывает стремление во что бы то ни стало не допустить открытого выступления народных масс края против социального и колониального гнета. Руководствуясь этим соображением, царское правительство при рассмотрении тех или иных вопросов, касающихся интересов башкир, старалось подойти к их решению осторожно. Иногда царские власти даже шли навстречу пожеланиям башкир, особенно их феодальной верхушки. Но, в конечном счете, эти лавирования не меняли общую суть политики царизма, которая была направлена, прежде всего, на соблюдение интересов господствующих классов. Так, царское

правительство, отказавшись от неудачных попыток перевода башкир в податное состояние, взяло курс на превращение их в военно-казачье сословие. В данном случае царизм, прежде всего, имел в виду «усмирение» беспокойного края установлением среди башкир и мишарей жесткого военно-феодалного режима. В то же время царское правительство было заинтересовано в максимальном использовании башкир в своих военно-стратегических целях. Меры царизма по организации управления башкирами, по упорядочению отбывания ими разных повинностей также преследовали те же цели.

Учрежденное правительством Мусульманское духовное собрание также стало не только орудием, призванным служить удержанию в спокойном состоянии мусульманское население края; оно же должно было стать своего рода орудием для проникновения на исламский восток. В данном случае на первый план выступала не забота царизма о благосостоянии мусульманского духовенства, исламского мира, а его определенные политические интересы. Ведь царизм, даже идя на легализацию исламских организаций, не отказался от своей прежней политики христианизации народностей края, исповедующих другие религии.

Следуя традиционной тактике колониальной политики «разделяй и властвуй», царизм разжигал взаимную вражду между населением края различной национальности: между казахами и башкирами, мишарями и башкирами и т.д. Эта политика царизма, особенно ярко проявившаяся в годы башкирских восстаний, продолжала служить и в данный период. Искусственно насаждаемая царским самодержавием взаимная вражда мешала установлению дружественных отношений между народами Башкортостана, значительно ослабляла возможность их совместного сопротивления колониальному и социальному гнету. В этой связи укажем на такой пример. В 1859 г. служилые татары писали военному министру генералу Сухозанету, что они были переселены царскими властями в Уфимский уезд, «чтобы усмирять начинавшие появляться смуты, оберегать г. Уфу и заблаговременно уведомлять об изменнических поступках бунтовщиков». Под «бунтовщиками» имелись в виду башкиры, неоднократно поднимавшиеся на борьбу с национально-колониальным гнетом. Так царизм всегда использовал один народ против другого.

В последней четверти XVIII в. в Башкортостане земельные отношения были довольно сложными. Указ правительства 1736 г., действие которого продолжалось на протяжении всего XVIII в., положил начало бесконечным спорам между башкирами и припущенниками, открыл доступ к расхищению башкирских земель. Попытки царизма как-то урегулировать земельные отношения в крае в 90-х гг. XVIII в. не дали ожидаемых результатов.

Существенное место в земельной политике царизма занимали вопросы продажи башкирских земель. После долгих колебаний и лавирований этот вопрос все же был решен в пользу русских дворян и помещиков, стремившихся расширить свои земельные владения за счет башкирских земель. Генеральное межевание земель Башкортостана, которое началось в конце XVIII в. и продолжалось фактически на протяжении всего XIX в., в конечном счете, означало изъятие башкирских земель в пользу казны, помещиков и дворян, заводчиков и тем самым открыло новый этап в расхищении башкирских земель. В то же время введение башкирских земель в хозяйственный оборот, расширение посевных площадей в крае и переход башкир из-за обезземеливания к земледелию имели объективно положительное значение в смысле экономического развития производительных сил края. Но все же правительство, в земельном вопросе учитывало и интересы башкир. Это видно в сохранении вотчинных земель за ними и в некоторых земельных узаконениях, в известной мере ограждавших башкирские земли от притязаний различных лиц.

В целом, по определению наших историков, управление Башкортостаном «являло собой образец произвола, взяточничества, обмана, разжигания национальной розни», особенно из-за беззастенчивых действий в этом направлении местных властей².

Как неоднократно отмечалось в нашей историографии, «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам (т.е. нерусским народам России – М.К.) состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики – неразвитость и политическая отсталость этих народов³». Поэтому население Башкортостана оказывало упорное сопротивление натиску царских чиновников. Но вышеуказанные мероприятия царизма, предпринятые им в конце XVIII в., серьезно затрудняли выступление масс против социального и колониального гнета.

Тем не менее, сопротивление башкирского народа против национального гнета, хотя оно и приобретало другие формы, продолжалось. В этот период заметно обостряются социальные противоречия внутри башкирского общества. Если выступления башкирских масс в XVII – XVIII вв. носили национально-освободительный характер и в них принимали участие разные слои башкирского общества, то теперь борьба башкир начинает приобретать более заметный социальный оттенок.

Однако в этой безотрадной обстановке народы Башкортостана постепенно связывали свою историческую судьбу с русским народом и

вместе с ним разделяли скорбь и тягость крепостного времени. Недаром Салават Юлаев и Юлай Азналин, обращаясь с письмом к заводским крестьянам Катавского завода, говорили: «Нам с вами никак нельзя жить вне согласия и причинять обиды друг другу»¹. Здесь нужно проложить грань между русским народом и официальной верхушкой царской России, которая выступала угнетателем не только нерусских народов, но и своего народа. Русский народ на протяжении веков также боролся против крепостничества и самодержавия. Передовые люди России всегда с сочувствием относились к угнетенным народам, всячески помогали им в культурно-экономическом и политическом отношениях. Русский народ стоял в стороне от шовинистического угара, насаждаемого царизмом, он всегда выступал за сближение и равноправие народов.

Все это показывает, что, несмотря на явно продворянский характер политики царизма в Башкортостане, пребывание башкир в составе России, их общение с русским народом имело положительное значение. При этом следует иметь в виду, что положительным было пребывание башкир и других нерусских народов в составе России не только для них, но и для русского народа, Российского государства, ставшего благодаря этому крупнейшей державой Азии и Европы. Ведь и башкиры принимали активное участие в подъеме экономики страны, в защите ее от внешних врагов, например, в освободительной войне всего русского народа 1812г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии.- М.;Л., 1940.- С.8.
2. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII века//Исторические записки. 1961. №68. -С.236.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч.1: М.,1954:- С.558-559.
4. Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч1. Уфа, 1956. -С.248.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

Фонд Канцелярии генерал-прокурора (ф. 248)

Дела: 6744/73. 6493, 6493/4, 6539, 6546/19, 6551/1, 6551/11, 6551/III, 6611/1, 6644, 6660, ч.1, 6680/1, 6680/368, 6717/1, 6736/52 ч.1, 6764.

Фонд архива кабинета императорского величества (ф. 1239)

Дела: 55144, 55146, 55993, 59013, 59738, 59664, 59778, 59813, 54894.

Фонд канцелярии статс-секретарей (ф. 1244)

Дела: 59031, 59084, 59218, 59390.

Фонд XVI разряда Госархива (ф. 16)

Дела: 534 ч.4(1), 724, 816, 932 ч.1, 932 ч.2, 934, 934 ч.1, 934 ч.4(1), 934 ч.4(3), 934 ч.5, 934 ч.5(3), 937, 988, 2753.

Фонд Уфимской провинциальной канцелярии (ф. 452)

Дела: 31, 33, 63, 66, 67, 70.

Фонд Оренбургской крепостной канторы (ф. 615)

Дела: 7996, 8000, 8001, 8005, 8010, 8014.

Фонд Тайной канцелярии (ф. 7)

Дела: 2677, 2753, 2805, 2884 ч.1.

Фонд V разряда Госархива (ф. 16)

Дела: 68, 11.

Фонд экономических примечаний к генеральному межеванию (ф. 1355)

Дела: 740, 926, 929, 936, 935, 938, 940, 1355, 1871, 1873, 1879, 1882, 1881, 1884, 1885, 1886.

Фонд Оренбургской межевой канторы (ф. 1324)

Дела: 172, 181, 183, 3203, 3260, 3279, 3731, 3732, 3757, 4149, 4151, 4840, 4839, 4832, 6080, 6149, 6150, 7329, 7358, 5538.

Фонд Нагайбацкой земской канторы (ф. 907)

Дела: 3, 4.

Фонд Паниных (личные фонды)

Дела: 196, 203.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Фонд военно-учетного архива (ВУА)

Дела: 18894, 18895, 2090.

Фонд военно-походной канцелярии Е.И.В. (ф. 36)

Дела: 19, 45, 152.

Фонд 416. Генеральная карта России

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Фонд Межевого департамента Сената (ф. 1350)

Дела: 89, 213, 305, 563 ч.1., 5363 ч. II, т.1, 563 ч. II, т.III, 563 ч.II, т.4, 563 ч. II т.5, 563 ч. II т.7, 563 ч. III т.1(a), 563 ч. III, т.2.

Фонд сенаторских ревизий (ф. 1537)

Дела: 2, 3, 82, 83, 86, 87, 88, 90, 91, 92.

Фонд канцелярии Е.И.В. (фонд 1409)

Дело: 160.

Фонд Канцелярии генерал-прокурора

Дела: 1914, 2431.

Фонд Непременного совета (ф.1146)

Дело: 131 б.

Фонд департамента законов Гос.Совета (ф.1149)

Дело: 201.

АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Фонд Вронцовых (ф. 36)

Дела: 495, 521, 540.

АРХИВ ПУШКИНСКОГО ДОМА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

Фонд личных дел (ф.596) Коллекция А.Н.Островского

Дела: 1V-72, 1V-73, 1V-74, 1V-75, 1V-76, 1V-122.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Фонд Оренбургской губернской канцелярии (ф.3)

Дела: 139, 155, 154, 171, 175, 181, 182, 184, 190, 201.

Фонд Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (ф.6)

Дела: 26, 40, 42, 60, 90, 284, 392, 395, 401, 575.

Фонд Канцелярии Симбирского и Уфимского генерал-губернатора (ф. 4)

Дела: 2, 13.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Фонд Оренбургского военного губернатора (ф.2)

Дела: 1, 11.

Фонд Канцелярии Оренбургского военного губернатора (ф.2)

Дела: 21, 1077, 3587, 3608, 4299.

Фонд Уфимского наместнического правления (ф.384)

Дело: 17.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848.

2. Арсеньев Ю.В. Земельные акты Уфимских башкир-вотчинников Чтение в обществе истории и Древностей при Московском университете.- М., 1900. -Кн. IV.
3. Архив бывшего Оренбургского генерал-губернаторского управления (Указы военным губернаторам Екатерины II и Павла I) Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1889. Вып. I.
4. Архив Графа Игельстрома (Предисловие Д.Толстой) //Русский архив. -М., 1886. - Кн.11.12.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам Русскими государями. Записки Академии Наук.- СПб., 1864. -Т. IV. Кн.2. Пр.6.
6. Военное статистическое обозрение Российской империи (Оренбургская губерния).- СПб., 1848. - Т. XIV. Ч. II.
7. Вяткин М. Архив Оренбургского муфтия //Исторический архив. 1939. Кн.2.
8. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Пер. с немец.- СПб., 1799. - Ч.1, 2.
9. Герман И.Е. Материалы к истории генерального межевания в России.-М., 1911.
10. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии.- М., 1837.
11. Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края с 1246 по 1832 гг.- СПб., 1832.
12. Записки Дм.Волкова об Оренбургской губернии 1763 г.(сообщено В.И.Ломанским) //Вестник русского географического общества. - СПб., 1859. Вып.27. №9.
13. Записки Оренбургского губернатора Рейнсдорпа о недостатках вверенной его управлению губернии (Сообщено В.И.Ломанским). // Вестник русского географического общества.-СПб., 1859. Вып.27. №9-12.
14. Р.Г.Игнатьев. Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по приказанию графа П.И.Панина в 1775 году //Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. II.
15. Игнатьев Р.Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. II.
16. К истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир. //Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии. Пермь, 1896. Вып. III.
17. Казахо-русские отношения XVIII-XIX вв. //Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

18. Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. - СПб., 1866.
19. Лепехин И.И. Записки путешествия. // Полн. собр. ученых путешествий по России. - СПб., 1821. - Т. III.; 1822. Т. IV; - СПб., - 1823. Т. V.
20. Лобысевич Ф. Главные начальники Оренбургского края 1734-1870 гг. // Военный сборник. - СПб., 1872. Т. 85.
21. Материалы по истории Башкирской АССР. - Т. IV. Ч. I и 2. М. Л., 1956.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. - Т. V. М., 1960.
23. Материалы общества по изучению Башкирии Краеведческий сборник. - Уфа, 1930. № 3-4.
24. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии Оренбург, 1877. - Вып. 1.
25. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.). М.: - Л., 1940. Т. IV.
26. Мертваго Б. Записки (1766-1824) // Русский архив - М., 1867.
27. Несколько документов конца XVIII в. о земельных отношениях башкир и чуваш. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1913. - Т. XXVIII. Вып. 6.
28. Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. - Уфа, 1879.
29. Опись дел гражданского отдела архива комиссии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1902. - Вып. 9; 1903. - Вып. XI.
30. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - СПб., 1773-1788. - Т. I-III.
31. Письма и бумаги императрицы Екатерины II Сборник русского исторического общества. - СПб., 1880. - Т. 27.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. - Т. Т. 1, 4, 8, 9, 11, 15-17, 19-27, 29, 39.
33. Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 гг. - СПб., 1818.
34. Пугачевщина (Материалы...). М.: Л., 1931. Т. 3.
35. Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы по Оренбургской губернии. // Труды Вольного Экономического общества. - СПб., 1767. Ч. VII.
36. Сборник документов древней Шермяитской дачи. - СПб., 1873.
37. Сборник русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 8. - СПб., 1880. - Т. 27.

38. Сборник законов, распоряжений и сведения для руководства... при размежевании башкирских дач.- СПб..1899.

Научное издание

Кульшарипов Марат Махмутович

**ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БАШКОРТОСТАНЕ
(1775-1800 гг.)**

*Редактор Г.Г. Синайская
Корректор А.И. Николаева*

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 03.12.2003 г. Бумага офсетная.
Формат 60х84/16. Гарнитура Times.
Отпечатано на ризографе. Усл.печ. л. 8,47. Уч.-изд. л. 9,73.
Тираж 300 экз. Заказ 830. Изд. № 165. Цена договорная.

*Редакционно-издательский отдел
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г.Уфа, ул.Фрунзе, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г.Уфа, ул.Фрунзе, 32.*

B-00

